

Татьяна
Полякова

Единственная женщина на свете

Согласившись пойти вместе с подругой на встречу с шантажистом, Фенька и не думала, чем рискует...

ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ –
АВАНТЮРНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ
ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ

◆

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штучка
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобрачных
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором

Миллионерша желает познакомиться
Фуршет для одинокой дамы
Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа
Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Найти, влюбиться и отомстить
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Миссия свыше
Жаркое дыхание прошлого

СЕРИАЛ «ФЕНЬКА — FEMME FATALE»

И буду век ему верна?

Единственная женщина на свете

Трижды до восхода солнца

Вся правда, вся ложь

Я смотрю на тебя издали

СЕРИАЛ «АНФИСА И ЖЕНЬКА – СЫЩИЦЫ ПОНЕВОЛЕ»

Капкан на спонсора

На дело со своим ментом

Охотницы за привидениями

Неопознанный ходячий объект

«Коламбия пикчерз» представляет

Предчувствия ее не обманули

СЕРИАЛ «ОЛЬГА РЯЗАНЦЕВА – ДАМА ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ»

Все в шоколаде

Вкус ледяного поцелуя

Эксклюзивный мачо

Большой секс в маленьком городе

Караоке для дамы с собачкой

Аста Ла Виста, беби!

Леди Феникс

Держи меня крепче

Новая жизнь не дается даром

СЕРИАЛ «ОДНА ПРОТИВ ВСЕХ»

Ночь последнего дня

Та, что правит балом

Все точки над i

Один неверный шаг

Татьяна Полякова

◆

Единственная женщина на свете

Москва 2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Прохоровой*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Единственная женщина на свете : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Авантюрный детектив Т. Поляковой).

ISBN 978-5-699-82796-1

Согласившись пойти вместе с подругой Милкой на встречу с шантажистом, Фенька и не думала, чем рискует. Вечер обещал быть томным, но закончился печально... Фенька получила чем-то тяжелым по голове, а когда пришла в себя – обнаружила неподалеку мертвую подругу. Через несколько дней при загадочных обстоятельствах погибает Милкина двоюродная сестра. И Фенька решает, что эти убийства – звенья одной цепи. В это же время в город возвращается Стас – великая Фенькина любовь. Любовь запретная, когда-то много лет назад отравленная предательством и убийством. Он вернулся, без нее Стасу жизни нет. Но Фенька не только для него – единственная женщина на свете...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82796-1

Среди мертвых и живых
Ждать тебя не перестану.
Мне не плыть по океану
Слов признания другим.

С. Сурганова

— Меня шантажируют, — заявила Милка.

Судя по выражению ее лица, она не шутила, да и тон, которым она произнесла эти слова, заставлял задуматься. Однако, несмотря на это, заявление вызвало сомнение. Кто, а главное, с какой стати ее шантажирует? Я решила не торопиться с выводами и дождаться объяснений, лелея в душе надежду, что подружка вкладывает в глагол «шантажирует» иной, только ей понятный смысл. С готовностью кивнула и на нее уставилась. И тут же нарвалась:

— Чего ты глаза таращишь? Меня шантажируют. И в этом нет ничего смешного. — Милка горестно вздохнула, покачала головой и сказала с обидой: — Господи, ну что за дерьмо, а?

— Действительно, — сказала я. — В самом деле, что за дерьмо?

— Ты издеваешься, что ли? — возмутилась подруга.

— Нет, пытаюсь понять. Ты не могла бы в нескольких словах и по возможности толково объяснить, что это за хрень такая?

— Ты шантаж имеешь в виду? — хмыкнула Милка. — Это когда какой-нибудь сукин сын вымогает у тебя деньги.

— Это называется вымогательством, — поправила я, все еще сомневаясь, что Милка говорит серь-

езно. — Шантаж — это когда деньги требуют в обмен на компромат.

— Очень умная, да? — съязвила подруга и вновь головой покачала, досадуя на мое нежелание поверить, что ее кто-то шантажирует.

Час назад Милка позвонила мне и произнесла обреченно:

— Надо встретиться.

— А чего голос у тебя похоронный? — на всякий случай спросила я.

— Неприятности.

— На работе проблемы?

— Какая, на хрен, работа! — рявкнула Милка, и я посоветовала себе с вопросами повременить, заподозрив, что проблемы касаются дел сердечных.

Полгода назад Милка едва не лишилась возлюбленного. Он предпочел ей другую девицу, найдя ту более привлекательной. О том времени я до сих пор вспоминаю с дрожью душевной. Милка называла своего Берсеньева не иначе как «любовью всей моей жизни», что особого доверия не внушало. Дружили мы с ней лет семь, и за это время я успела свести знакомство по меньшей мере с тремя представителями мужского пола, о которых подружка говорила точно так же. Но, несмотря на это, от души ей сочувствовала, потому что Милка — существо увлекающееся и, как голливудские звезды, свято верит, что даже шестой по счету брак заключается на небесах. Разрыв, и без того неприятный, усугублялся тем, что Сергей Львович Берсеньев был не только ее возлюбленным, но и хозяином фирмы, в которой работала моя подруга. Женихом считался завидным, что, по моему мнению, и не позволило Людмиле Михайловне послать его подальше, когда она узнала о шалостях на стороне. Милка мечтала выйти замуж за оли-

гарха и отступать без боя была не намерена. Если бы ей перешла дорогу девица двухметрового роста со схожими мечтами, подружка, вне всякого сомнения, сумела бы очень быстро поставить нахалку на место, но соперницей оказалась обычная девушка, не блиставшая, с точки зрения Милки, ни красотой, ни особым умом, и это доводило ее до бешенства, потому как приходилось признать: вовсе не скверная мужская привычка хватать все, что плохо лежит, толкнула Сергея Львовича на опрометчивый шаг, а самая что ни на есть большая любовь, о которой, кстати, так любила порассуждать Милка. Подруга то грозилась незамедлительно лишить обидчика жизни, то подстерегала его в коридорах родной фирмы с намерением воззвать к совести и былым чувствам. Сергей Львович был непреклонен. Вежливо, но твердо он, точно мантру, повторял одно и то же: «Прости, Мила, но я без нее не могу», доводя тем самым бывшую любовь до тихого бешенства. С работы он ее не увольнял и даже повысил до начальника отдела, вел себя по-джентльменски, полностью признавая свою вину, и зашел так далеко, что купил ей квартиру, надо полагать, в качестве компенсации за моральный ущерб. И хоть Милка в сердцах называла его «подлецом», но сама в своей правоте сомневалась.

Думаю, в тот момент она в самом деле в него влюбилась, разглядев с некоторым опозданием в парне с толстым кошельком в общем-то неплохого человека. Другая бы на ее месте, уяснив всю серьезность его намерений в отношении ничем не примечательной девицы, скорее всего, отступила бы, пожелав влюбленным счастья, но Милка не желала. К тому моменту ее любовная драма стала напоминать мексиканский сериал, я в перипетиях за-

путанных ходов успела потеряться и, утратив интерес к этой истории, слушала откровения подруги вполуха, а в ответ на ее вопрос «что делать?» невнятно мычала. Поэтому слегка удивилась, когда она сообщила мне, что отправляется с Сергеем Львовичем отдыхать в Венесуэлу.

— Он понял, какого свалял дурака, и надумал вернуться? — заранее радуясь за подругу, спросила я.

— Ничего он не понял, — нахмурилась Милка.

— Тогда ему стоит отправиться в Венесуэлу с Чухонкой, — рассудила я. — Или ей он тоже успел дать отставку?

У возлюбленной Сергея Львовича обнаружились эстонские корни, оттого Милка называла ее не иначе как Чухонкой. Мне было все равно, как ее называть, тем более что с девицей я была не знакома и настоящего имени даже не знала.

— Он сказал ей, что уезжает по делам на пару недель, а эта овца ему поверила. Вот уж дура, прости господи. Я перед этим мерзавцем на коленях стояла и поклялась, что оставлю его в покое после возвращения из отпуска.

— То есть отпуск вы проводите вместе, а потом разбегаетесь?

— Ага. Если за две недели я не сумею вправить ему мозги...

— А ты сумеешь? — почесав за ухом, спросила я и тут же пожалела об этом. Но подруга не стала близко к сердцу принимать мои сомнения. Пожала плечами, шмыгнула носом и произнесла:

— Это мой единственный шанс.

Я решила: либо Сергей Львович существо на редкость слабохарактерное, либо его любовь к Чухонке не так уж велика. В любом случае шанс у Милки есть, что меня порадовало. Кстати, с Сергеем Львовичем мне встречаться не доводилось,

видела я его лишь на фотографии и о его характере имела смутное представление, исключительно с Милкиных слов, а ее рассказы страдали явным отсутствием логики.

В общем, четыре месяца назад я проводила подругу в дальний путь, пожелав ей удачи. Трудно представить, чем закончилось бы это путешествие, если б не вмешательство судьбы. Находясь в Венесуэле, они вполне счастливо проводили время, пока однажды вечером им не пришла идея прокатиться с ветерком вдоль побережья на арендованной машине. Прогулка оборвалась трагически. На большой скорости автомобиль, потеряв управление, врезался в ограждение моста. Обоих выбросило из машины. Милка, по счастливой случайности, упала в воду и отделалась большим испугом. Сергею Львовичу повезло куда меньше. Он находился за рулем и получил очень серьезные травмы: сломанные ребра, сотрясение мозга и ушибы внутренних органов. Ко всему прочему лобовое стекло разлетелось вдребезги, и осколки так изувечили лицо Милкиного возлюбленного, что его пришлось сшивать буквально по кускам. Состояние Сергея Львовича не позволяло транспортировать его на родину, и месяц он провалялся в больнице, в какой-то богом забытой дыре, где наши посольские обнаружили их с Милкой далеко не сразу. Весь этот месяц подруга ни на шаг не отходила от постели Сергея Львовича и делала все возможное, чтобы вернуть его к жизни. А вопрос стоял именно так.

Едва не оказавшись на том свете и видя такую преданность Милки, Сергей и думать забыл о Чухонке. Когда они после пережитых мытарств вернулись на родину, первым делом подали заявление в загс. История, начинавшаяся столь трагически,

закончилась вполне счастливо. Сергей Львович понемногу возвращался к привычной жизни, а окружающие понемногу привыкали к его новой внешности — после пластической операции он выглядел несколько иначе. Насколько, судить не берусь, раз не только до, но и после не видела его ни разу, и тут всецело приходилось полагаться на Милкины слова, а она утверждала следующее: узнать его можно с трудом. Новая внешность подругу ничуть не печалила, теперь она любила Сергея Львовича со всем жаром души и больше не сомневалась в его искренних чувствах. Превратности судьбы, как известно, лучше всего помогают проверить наличие или отсутствие этих самых чувств, а подруга испытания выдержала с честью. Так что впредь я за нее могла быть спокойна: Милку ожидает замужество и, как следствие, тихое семейное счастье.

Оттого ее звонок сегодня, трагический голос вкупе со словами о неприятностях здорово напугали. Неужто Сергей Львович, выздоровев и оказавшись в привычной обстановке, забыл, чем обязан Милке, и вновь вспомнил о своей Чухонке? Нежелание подруги объяснять по телефону, в чем дело, беспокойство лишь увеличило. И я поспешила в кафе «Лотос», где мне было назначено свидание.

От моего дома до кафе далековато, и я, отправившись туда пешком, могла вдоволь поразмышлять о том, какие мужики неблагодарные существа и что нам, бедным женщинам, с этими существами делать. По мне, так посылать подальше.

Милку я увидела сразу. Она сидела за круглым столиком на двоих, выставленным вместе с еще тремя такими же прямо на улицу поблизости от входа. Осень в этом году на редкость теплая, но с утра накрапывал дождь, и остальные посетители предпочли помещение прекрасному виду, оттого

подруга и пребывала в одиночестве, поджидая меня за чашкой кофе.

Сведенные у переносицы брови и сурово поджатые губы подтвердили мои худшие опасения. Я уже не сомневалась: неприятности связаны с Сергеем Львовичем, потому что, находясь в ожидании, когда счастливая невеста превратится в счастливую новобрачную, Милка ни на какие другие обстоятельства попросту не стала бы обращать внимание.

— Привет, — сказала я и заняла стул напротив, прикидывая, как половчее растолковать подруге, что от Сергея Львовича с его непостоянством надо побыстрее избавляться. Конечно, можно еще раз махнуть в Венесуэлу или в иное экзотическое место, но попадать в очередную аварию в целях собственной безопасности все-таки не стоит.

И тут Милка спутала все карты, заявив, что ее шантажируют. Объяснить, в чем дело, она не спешила, и я попыталась своим умом дойти, что она имеет в виду. Первой на ум пришла Чухонка. Должно быть, девица заявила, будто беременна, и Сергей Львович принялся метаться между двумя женщинами, одна из которых вернула его к жизни, а вторая готовится осчастливить наследником.

Милка помешивала кофе, чашка звякала. Я морщилась, потому что это самое звяканье действовало мне на нервы, но сделать замечание подруге ввиду драматизма ситуации не сочла возможным. Помучилась немного и спросила:

— Она беременна?

— Кто? — подняв на меня гневный взгляд, спросила Милка.

— Чухонка. Или есть еще кто-то?

— Смотри не накаркай.

— Тогда я ничего не понимаю.

Милка наконец отодвинула чашку и перегнулась ко мне.

— До тебя что, все никак не дойдет? Меня шантажируют. Требуют бабки.

— Кто?

— Откуда я знаю?

— Ладно, — вздохнула я. — Тогда другой вопрос. За что бабки требуют?

Подруга поморщилась и уставилась на меня, как будто прикидывая, стоит отвечать или нет.

— Сегодня позвонил какой-то тип, — неохотно начала она. — На рабочий телефон, так что номер не определился. И сказал, что моему будущему супругу будет интересно узнать, как я провожу время.

— Ты не запустишь в меня чашкой, если я спрошу: а как ты его проводишь? — настороженно спросила я.

— Я тебе не рассказывала, — глядя куда-то поверх моего плеча, ответила подруга. — Когда Серега заявил, что нам надо расстаться друзьями, потому что он полюбил другую, я познакомилась с парнем... Мне требовался мужчина рядом, чтобы не нажить себе комплексов.

— Кто ж спорит, конечно, требовался, — поспешила согласиться я.

— Ну вот... пару раз мы встречались. А этот тип сегодня сказал, что у него есть фотографии. Я его к черту послала, а он по электронке скинул мне фотку.

— Откуда у него фотка? Вы где встречались-то?

— Фотка сделана на пляже. Мы прогуливались вечером, берег пустынный, ночь, луна и все такое... Ну я и расчувствовалась. Короче, я верхом на этом козле, и мою физиономию разглядеть несложно.

— Ну и что? Если он выложит ее в Интернет, неприятно, но не смертельно. Поговори с Серегой. В конце концов, в то время он пылал страстью к Чухонке, и высказывать претензии просто глупо.

— Человеку его положения большая радость узнать, что все, кому не лень, могут лицезреть его будущую жену в таком-то виде.

— Переживет. Впредь не станет заглядываться на чухонок. К тому же всегда можно сказать, что это фотомонтаж и враги мелко пакостят под дверью. Расскажешь о звонке своему Сереге, и он сам разберется с этим умником. У вас есть служба безопасности? Им и карты в руки, — сказала я, понемногу успокаиваясь.

Оказалось, вздыхать с облегчением я поторопилась.

— Нет у нас никакой службы безопасности. И в Интернет фотографию выкладывать никто не собирается. Просто предлагает купить.

— По мне, так лучше все рассказать Сергею.

— Да что ты заладила, — прошипела Милка, чертыхнулась и продолжила: — Ладно, скажу как есть. Когда мы вернулись из Венесуэлы, мне позвонил Мишка. Тот самый тип, с которым я закрутила роман перед отъездом. Пришлось с ним встретиться, чтобы объяснить: на продолжение наших отношений ему рассчитывать не приходится.

— А по телефону сказать было нельзя?

— Чего ты цепляешься? Я хотела по-человечески... Он хорошо ко мне относился и вообще... между прочим, он классный любовник.

— Не сомневаюсь. И вы решили прогуляться вдоль реки, а тут луна, звезды и пустынный берег...

— Вот именно. Ну, я и решила, так сказать, напоследок...

— Это ты зря. Трахаться с одним мужиком, собираясь замуж за другого, опасно для замужества.

— Не грузи. Сама не знаю, что на меня нашло, — вздохнула Милка. — Он выглядел таким несчастным, было вполне естественно его утешить.

— Откуда Сереге знать, было это до поездки в Венесуэлу или после? Иногда и соврать не грех.

— Ага. Ты у нас умная, а я, конечно, идиотка, — скривилась Милка. — На фотке у меня волосы короткие, а подстриглась я после Венесуэлы.

— Упущение. — Милка недовольно хмурилась, и я заговорила серьезно. — Шантажисты очень привязчивы. Заплатишь один раз, не факт, что не придется во второй и в третий. Кстати, у тебя не возникло ощущения, что фотография появилась отнюдь не случайно?

— Возникло, конечно. После телефонного звонка я сразу же поехала к Мишке, он клянется, что ни сном ни духом. Я склонна ему верить. Он нормальный парень, и такие кренделя не в его духе. Думаю, кто-то случайно застукал нас на пляже и фотки сделал просто для прикола. А потом каким-то образом узнал, кто я. Мог в «Одноклассниках» меня увидеть.

— Допустим, мог.

— Вот. А потом пронюхал, что я выхожу замуж, и решил подзаработать.

— На фотке Мишку разглядеть можно?

— Нет.

— Тогда с чего шантажист решил, что это не твой будущий муж?

— Кто знает, что еще за фотографии у него на руках.

— Хочешь совет? — поразмышляв немного, спросила я. — Расскажи все Сереге. В конце концов, он тебе обязан. Должен простить.

— А если нет? Не забывай про Чухонку. Мужики такой народ: когда они шляются направо и налево, это ошибка направления, а когда мы — преступление века. Я столько натерпелась, что просто не могу рисковать.

— А сколько хочет супостат за фотографии, порочащие честь и достоинство?

— Тысячу баксов.

— Всего-то? — удивилась я. — Птица низкого полета. В самом деле, мог бы и больше потребовать, учитывая обстоятельства, а также будущего мужа-олигарха. Может, действительно какой-нибудь подросток, став случайным свидетелем чужого счастья, решил подзаработать? Могу безвозмездно пожертвовать бабки для восстановления твоего душевного спокойствия.

— Можно подумать, у меня не найдется тысячи баксов, — фыркнула Милка.

— Тогда неясно, чего тебе от меня надо. Советов не слушаешь, денег не берешь...

— Он назначил встречу, сегодня. В загородном парке. Велел приезжать одной. Но мне боязно. Я сказала, что буду с подругой. Он возражать не стал. Две бабы ему не опасны. А мне куда спокойнее, если рядом кто-то будет.

— Кто-то — это я?

— Конечно. Кто же еще? Кому я могу довериться? Опять же, никто из нормальных людей в двенадцать ночи в загородный парк не потащится, а тебе что ночь, что день, что парк, что центр города.

— Ага, — сказала я и на всякий случай кивнула.

— Ага, — передразнила Милка.

— Может, мне Славку задействовать? Поймаем твоего шантажиста и разъясним, чем должны заниматься по ночам интеллигентные люди.

— Только Славки не хватало. Давай еще в милицию заявим. Ты идешь со мной или нет?

— Иду, конечно, — ответила я.

Надо сказать, произнесла я это с отчаяния, уже сообразив, что отговаривать подругу бесполезно. Но к затее общаться с шантажистом душа не лежала. И не только потому, что я была убеждена: одной встречей дело не кончится, аппетит, как известно, приходит во время еды, а такие люди кушать хотят без перерыва. Было нечто в рассказе Милки, вызывающее смутную тревогу. Я поразмышляла над этим, пока пила кофе, но ни до чего так и не додумалась.

— Ладно, — сказала подруга, поднимаясь. — Заеду за тобой в одиннадцать. Что будешь делать до вечера?

— Ничего. Почему я должна что-то делать?

— С ума с тобой сойдешь, — махнула она рукой и зашагала к своей машине, которая была припаркована неподалеку.

Я расплатилась за кофе и еще немного посидела, наблюдая за прохожими.

Домой я возвращалась пешком, продолжая ломать голову: чем мне так не нравится эта история? Ясное дело, шантаж — штука скверная, следовательно, и история, связанная с ним, хорошей быть не может. Но речь, конечно, прежде всего о моей подруге. Людмила Михайловна существо взбалмошное, темпераментное и нервное. И сейчас, по идее, должна заливаться слезами и гневаться на Господа, который так некстати решил наказать ее за прелюбодеяние. Не помню, чтобы она хоть раз в жизни согласилась с тем, что не права или в чем-то виновата. Впрочем, она и сейчас далека от этого. Так что все в порядке. А вот ее спокойствие вы-

глядит несколько странно. Нервозность в ней ощущалась, но вызванная скорее моим скудоумием, а не опасением потерять возлюбленного из-за собственной глупости. Может, она уже успела и нареветься, и ногами потопать, а мне позвонила, все решив и успокоившись?

Тут у меня зазвонил мобильный. Взглянув на дисплей, я увидела Милкин номер и поспешила ответить.

— Ты не вздумай сказать кому-нибудь о нашем разговоре, — ворчливо произнесла она.

— Сейчас начну развешивать объявления на столбах и заборах.

— Главное, Славке своему ни слова, не то непременно к нам охрану приставит. Мало того, что фоток лишусь, еще полгорода будет знать, что меня шантажируют.

— Славка не из тех, кто любит трепаться.

— Он, может, и не из тех. А его ребята? На каждый роток не накинешь платок. Короче, помалкивай. Я на тебя очень рассчитываю.

Последняя фраза меня доконала. Она точно не из лексикона моей подруги.

— Большое горе меняет людей, — вздохнула я и зашагала быстрее.

До моего дома оставалось два квартала, когда телефон вновь затрезвонил, а я с сожалением вспомнила те времена, когда обходилась без мобильного. На этот раз звонила мама.

— Где ты? — сурово спросила она. Я прикинула, есть ли на мне какой грех, и с облегчением вздохнула, ни одного существенного не обнаружив.

— Иду по улице, — ответила я.

— Не мешало бы навестить родителей, — суровости в мамином голосе лишь прибавилось. — Мы дома, так что, будь добра, приезжай прямо сейчас.

— С чего такая срочность?

— Тебе надо, чтобы мать при смерти лежала? Иначе времени для меня не найдется? И добро бы ты была занята чем-то полезным...

Я развернулась в направлении родительского дома, слушая сетования родительницы по поводу моей непутевости. Задала пару наводящих вопросов и смогла выяснить, что ничего особенного в семействе не происходит, просто маме пришла фантазия провести очередную воспитательную беседу. Я хотела придумать неотложное дело и избежать нравоучений, но вовремя вспомнила, что не появлялась у родителей две недели. Слишком большой срок. Мама беспокоится: вдруг она потеряет квалификацию и беседа не получится особо впечатляющей. Родительским слабостям надо потакать.

Сообщив, что уже сажусь в такси, я сунула телефон в карман, и тут он вновь зазвонил. «Выбросить его, что ли?» — подумала я со злостью, но на дисплей на всякий случай взглянула, а вслед за этим поспешила ответить. Это был Славка. Если мама не могла прожить без нравоучений, то Славка не мог прожить без звонков. А если я не отвечала, способен был примчаться в мою коммуналку, бросив все дела, и, не обнаружив меня на месте, сидеть под дверью с самым разнесчастным видом. Это не способствовало душевному равновесию, более того, у меня возникала уверенность, которая раз от раза укреплялась, что я порчу ему жизнь. Оттого я и поспешила ответить, стараясь, чтобы голос мой звучал бодро и с намеком на большую радость.

— Как дела? — незамысловато начал он. Звонил он сегодня уже трижды и каждый раз с этим вопросом. Проблема в том, что у меня вовсе не было никаких дел.

— Иду к родителям, остро нуждаясь в указаниях, как жить дальше.

— Сочувствую, — хмыкнул Славка. — На всякий случай: если мама вдруг спросит, когда ты выйдешь замуж, сообщаю, что готов идти в загс хоть сегодня.

— Давай подождем до завтра, — предложила я.

— Я влюбился в чокнутую. Только чокнутая может отказать такому парню.

— Я уже четыре раза была замужем и считаю привычку регулярно наведываться в загс вредной.

Славка засмеялся, но как-то неуверенно.

— Как насчет романтического ужина? — спросил он.

— Годится. Но закончить его в объятиях друг друга вряд ли получится.

— Это еще почему?

— У меня есть дело сегодня вечером. Дела так редко появляются, что это я пропустить не могу.

— Вечером — это во сколько?

— В одиннадцать.

— И что за дело такое?

— Обещала подруге погулять с ее собакой. Ничего толкового мне не предлагают.

— Мы можем гулять с собачкой вместе, по-моему, это романтично.

— Собака считает иначе. Она терпеть не может новые знакомства. Меня, правда, тоже, но хозяйке на это наплевать.

— Ладно. Пусть будет просто ужин, потом ты отправишься на свидание с собакой, а я предамся мечтам о женитьбе. Большой дом, трое ребятишек и жена у плиты.

— Такая перспектива способна отбить охоту к замужеству даже у старой девы.

— Да брось ты, нормальные желания. Закажу

столик на семь часов в «Дворянском собрании». Идет?

Я заверила, что совершенно счастлива, и вновь ускорилась. Конечно, проще взять такси, но беседы с мамой никогда не являлись моим любимым времяпровождением, и сейчас я решила, что надо подготовиться.

Мама открыла дверь и окинула меня критическим взглядом. Я растянула рот до ушей, сняла кроссовки и поцеловала ее. Поцелуй был воспринят благосклонно, а вот мой внешний вид маме не понравился.

— Ефимия, девушке твоего возраста следует выглядеть элегантно. Не хочу тебя огорчать, но время джинсов и маечек прошло безвозвратно.

— Ерунда, — услышала я папин голос, а вслед за этим он появился в холле, обнял меня и сказал: — Ты прекрасно выглядишь.

— Ничего подобного, — отрезала мама. — Твоя дочь выглядит оборванкой.

— Красивой девушке все к лицу, даже драные джинсы. — Папа был настроен благодушно, и я решила, что желание срочно меня видеть не связано с намерением изводить меня бессмысленными разговорами, по крайней мере, папа сегодня к этому не расположен. Он повел меня в столовую, обняв за плечи, мама следовала позади.

Столовая в родительской квартире огромная, круглый стол возле французского окна слегка в ней терялся.

— Мой руки и садись обедать, — велела мама.

Папа занял место у окна, а я побрела в ванную. Когда вернулась, мама ставила супницу с ангелочками на крышке. Даже сваренные на скорую руку пельмени мама подавала на стол в этом фаянсовом чуде. «В семье должны быть традиции», — лю-

била повторять она. Считалось, что супница принадлежала моей прабабке. Я искренне в это верила, пока папа не проболтался, что накануне свадьбы они с мамой купили ее на блошином рынке. Сестрица Агата отпускала по этому поводу язвительные замечания, а мне супница по-прежнему нравилась. Что касается традиций в семье, так их и без супницы было за глаза. Например, вкушать пищу следовало молча. К разговорам переходили только за чаем. Мне это казалось весьма разумным. Но сегодня мама смогла удивить.

— Агате требуется помощник, — сказала она, со значением глядя на папу. Тот делал вид, что маминых слов не слышит. Я решила последовать его примеру. Но маму это не остановило. — Уверена, ты вполне справишься с этой работой, — продолжила она. Теперь ясно, зачем меня так срочно хотели видеть. До сего дня я работала дворником, мама хоть и любила повторять «все работы хороши», но всерьез в это не верила и не теряла надежды приохотить меня к иному виду деятельности.

— Агатка тоже уверена? — серьезно спросила я.

Мама поморщилась.

— Она должна думать о сестре, в конце концов.

— Точно. Я тоже должна. Поэтому пусть она возьмет в помощники кого-нибудь другого.

— А что Слава думает по поводу твоей работы? — посуровела мама.

— Он считает, что от меня родному городу существенная польза.

— Он просто потакает твоим глупостям. Если бы его намерения были серьезны, он подыскал бы тебе место в своей фирме.

— Он пытался. Но ни одно мне не пригляну-

лось. Работа на свежем воздухе полезна для здоровья.

— Я сама с ним поговорю, — заявила мама.

— Лучше не надо. Тем более что с работы мне, скорее всего, придется уйти. Славка консервативен и считает, что жена должна котлеты жарить, а не торчать в офисе.

Родители быстро переглянулись.

— Он сделал тебе предложение? — настороженно спросила мама, должно быть, боясь поверить в такое счастье.

— Ага, как раз когда я к вам направлялась.

— Он что, сделал тебе предложение по телефону? Мне не понять современных нравов, — мама вновь нахмурилась, но тут же подобрела. — Что ты ответила?

— Я подумаю.

— Только не затягивай. Он может решить, что ты не уверена в своих чувствах.

— Говорит, готов ждать хоть всю жизнь.

— Еще одна глупость. В твоем возрасте я уже была матерью...

— Августа... — подал голос папа.

Мама в сердцах махнула рукой.

— От твоих дочерей внуков не дождешься. Одна четыре раза замужем и все без толку, вторую просто замуж никто не берет.

— Что ты говоришь? — возмутился папа, но как-то неубедительно. В словесных баталиях с мамой его шансы равнялись нулю, о чем он знал совершенно точно.

— Выходи замуж или найди себе приличную работу, — отрезала мама, я согласно кивнула и уткнулась в тарелку.

После чаепития папа отправился в кабинет, и я поспешила за ним, рассудив, что сразу покидать

родительский дом невежливо, по крайней мере, мама решит именно так. Папа устроился на диване и похлопал рукой рядом с собой, предлагая к нему присоединиться. Я обняла отца, а он поцеловал меня в макушку и спросил:

— Ты его любишь?

— Славку? — на всякий случай уточнила я.

— По-моему, он приличный парень.

— По-моему, тоже.

— Но ты его не любишь?

— С чего ты взял? Просто не уверена, что из меня получится хорошая жена.

— Не сердись на маму, она желает тебе добра. А с замужеством не торопись. Я не встречал влюбленную женщину, раздумывающую, стоит ли ей принять предложение, даже если она сомневается, что будет хорошей женой.

Наверное, папа, как всегда, прав. Я не спешу замуж, и тому, должно быть, есть причина. Хотя к Славке я испытывала куда более сильные чувства, чем к предыдущим мужьям. И он доказал свою любовь. Не так давно был готов расстаться с миллионом долларов, лишь бы некие граждане с дурными манерами оставили меня в покое[1]. Я попыталась представить нашу с ним совместную жизнь. Выходило так себе. То ли фантазия убогая, то ли для ведения совместного хозяйства я не гожусь.

У родителей я пробыла дольше, чем собиралась, и, покидая отчий дом, прикидывала, стоит заскочить в свою коммуналку, чтобы переодеться, или сразу отправиться в ресторан. «Дворянское собра-

---

[1] Подробно об этом читайте в романе Татьяны Поляковой «И буду век ему верна?», издательство «Эксмо».

ние» — такое место, куда в джинсах девушке лучше не являться, с другой стороны, вечернее платье требовало прически и макияжа, а это значит, что опоздаю я минимум на час. Вряд ли это сделает Славку счастливее. В общем, потоптавшись немного возле стоянки такси, я в конце концов отправилась в ресторан. Швейцар взглянул на меня с печалью.

— У нас сегодня спецобслуживание, — сахарным голосом сообщил он.

— Вы не поверите, но меня здесь ждут, — улыбнулась я, пытаясь отгадать, что задумал Славка. Пока парень размышлял, как отнестись к моим словам, в холле появился Вячеслав Александрович с большим букетом и счастливейшей улыбкой. Дорогой костюм, белоснежная рубашка, галстук и запонки с бриллиантами. Мечта любой девушки. Придраться не к чему, даже если б у меня была охота.

— Здравствуй, дорогая, — произнес он и всучил мне букет.

Швейцар поспешил отойти в сторонку с некоторым недоумением во взоре. Должно быть, в его голове не укладывалось, что такой парень, как Славка, мог найти в девице вроде меня. Неразрешимая загадка, которая, кстати, и меня тревожит.

Мы прошли в зал, где вдоль стены с торжественными лицами замерли официанты.

— Других посетителей не предвидится? — на всякий случай поинтересовалась я.

— Я обещал романтический ужин.

— Не помню, я обещала вырядиться в вечернее платье или нет?

— Ты относишься к тому типу людей, у которых слова вечно расходятся с делом, — засмеялся он.

— Ага. Чтобы слова не расходились с делом, надо молчать и ничего не делать.

— Я уже слышал эту остроту.

— От меня?

— От кого-то другого, но это не важно.

Подскочивший официант забрал у меня букет, вскоре вернулся с вазой и торжественно водрузил ее на стол. Славка поглядывал на меня с веселым озорством, не выдержал и засмеялся.

— Чего тебе так весело?

Он перегнулся ко мне и шепнул:

— А ты посмотри на их лица.

— Да уж, мог бы найти девушку и получше.

— Сомневаюсь. То есть я абсолютно уверен: искать замучаешься. Да и ни к чему. Для меня существует только одна женщина.

— Может, ты займешься салатом, а я метнусь домой переодеться, чтоб соответствовать моменту?

— Мне нравятся твои джинсы.

— Слава богу. Я предложила из вежливости. По какому случаю шикуем?

— Решил сделать официальное предложение руки и сердца.

— Предупреждать надо. Тут без вечернего платья никак нельзя.

— Не комплексуй и проникнись торжественностью момента, — усмехнулся Славка. — Нас снимают скрытой камерой.

— Шутишь?

— Еще чего. Через двадцать пять лет будем смотреть эту запись со слезами умиления на глазах.

— Милый, все это так неожиданно, — всхлипнула я, вытирая концом скатерти несуществующие слезы.

— Веди себя прилично, эту запись будут смотреть наши дети. Какой пример ты им подаешь? —

Славка достал из кармана бархатный футляр и протянул мне. — Надеюсь, с размером я не ошибся.

Я открыла коробочку, изобразила восторг, не выдержала и засмеялась.

— Нравится? — поинтересовался он.

— А носить обязательно?

— Фенька, ты свинья.

— Что скажут наши дети?

— Ладно, кольцо полная хрень. Выбрось его, завтра купим другое.

— Да ладно, и это сгодится, — сказала я и опять засмеялась.

Славка покачал головой.

— Я в первый раз делаю девушке предложение.

— В пятый, — поправила я.

— Точно. Но девушка одна и та же. В пятый ты просто обязана согласиться.

— Да я и в предыдущие четыре была не против.

Он поднялся, скроил забавную физиономию, обошел стол и опустился передо мной на колени.

— Фенька, я тебя люблю. Выходи за меня замуж.

— А бриллианты настоящие?

— Дареному коню в зубы не смотрят. — Он надел кольцо мне на палец и вздохнул с облегчением. — Подошло. Мне еще долго на коленях стоять?

— Уважающая себя девушка должна подумать.

— Полминуты тебе хватит?

— За глаза. Я согласна. Дети, ваш папа придурок, но мне нравится.

— Ну наконец-то, — хмыкнул Славка, поднялся с колен и отряхнул брюки.

Официанты наблюдали за нашим дуракавалянием с исключительно серьезными лицами. Один из них подошел и разлил шампанское в бокалы.

— За нас, — сказал Славка.

Некоторое время мы ужинали молча. Горели свечи, играла музыка, а я думала о том, что должна быть счастлива. Симпатичный парень с золотым характером сделал мне предложение, и я сказала «да». Впрочем, не в первый раз я это сказала и даже не во второй. Остается лишь надеяться, что Славка об этом не пожалеет. «Не о том должна думать влюбленная девушка», — попеняла я себе, и вдруг стало грустно.

Я поспешила вернуть себе хорошее настроение. Все просто отлично. Славка меня любит, я его тоже. Кажется. Выйду замуж, рожу ребенка, порадую родителей. В жизни появится смысл. Ребенок куда лучше бродячих собак, в чьей компании я совсем недавно проводила ночи, когда тоска гнала меня прочь из дома. Славке следует сказать спасибо. Теперь вечера я провожу с ним. Мы подолгу болтаемся по улицам или сидим в ресторане. Бывает, что он готовит ужин в моей коммунальной кухне, и тогда прогулкам мы предпочитаем вечер перед телевизором. Иногда Славка остается ночевать, но чаще уезжает к себе, по его словам, боится мне надоесть. За эти месяцы я так к нему привыкла, что теперь довольно трудно представляю жизнь в одиночестве. Хотя раньше как-то справлялась.

— У родителей все нормально? — спросил он. — Как думаешь, я должен просить у них твоей руки?

— Не обязательно. Они так счастливы сбыть меня приличному человеку, что обойдутся сообщением по телефону.

— С Агатой виделась?

— Сегодня нет. Маме пришла фантазия пристроить меня к ней на работу, думаю, Агатка от радости пьет успокоительные капли.

— На работу? Кем?

— Помощником.

— А что, по-моему, разумно. У тебя ведь юридическое образование, и с работой помощника адвоката ты справишься, а там... как знать, может, тебя ожидают лавры непревзойденного защитника.

— Ну уж нет. Лучше я буду улицу мести или тебе котлеты жарить.

— Я совсем не против котлет. Хотя уверен, такой девушке, как ты, в четырех стенах будет тесновато.

— С предыдущих мест работы меня уволили за выдающуюся лень. В этом мне нет равных.

— Я бы мог...

— Знаю, что мог бы. Но я буду либо дворником, либо никем.

— Ты ужасно упряма, но я все равно люблю тебя.

— Спасибо.

— Я ожидал другого ответа, — помедлив, сказал Славка, получилось чересчур серьезно. Он тут же улыбнулся, отводя взгляд. — А что у тебя за свидание сегодня?

— Я же сказала.

— Нет, серьезно.

— Если серьезно, то это страшная тайна.

— Теперь мне не спать всю ночь, — засмеялся он.

— Ревнуешь?

— Еще как. Он молод, красив, умен?

— Глуп, уродлив и беден.

— Тогда, может, пошлешь его к черту?

— Не могу.

Славка взглянул на часы.

— Ты сказала, встреча в одиннадцать?

— Ага.

— Предлагаю перейти к десерту. Потом поедем к тебе или ко мне?

— Лучше ко мне, — кивнула я.

По непонятной причине Славкину квартиру я терпеть не могла. Огромная, метров двести, отделанная с шиком, дизайнер потрудился на славу. Как я буду жить в ней, для меня загадка. Еще одна неразрешимая проблема, потому что, ясное дело, после регистрации брака придется переезжать к Славке — вряд ли он согласится жить в моей коммуналке. А жаль. Должно быть, я так привыкла к одиночеству, что боюсь перемен. И покидать свою квартиру тоже боюсь. Психологи наверняка нашли бы этому объяснение. Ладно, какая разница, где жить? И к Славкиным хоромам я в конце концов привыкну.

От десерта я отказалась, и Вячеслав Александрович тоже. Вскоре мы уже покидали ресторан, вызвав недоумение на лицах официантов.

— Где машина? — спросила я, выйдя на улицу и оглядываясь.

— Вот, — кивнул он на припаркованный возле дверей «Мерседес».

— У тебя новая машина? — удивилась я.

— У тебя, — улыбнулся он и протянул мне ключи. — Держи. Старую сдай в металлолом. Хочешь, я сдам, чтоб тебе не возиться?

— Это что, свадебный подарок? — проявила я интерес, обходя машину по кругу.

— Смеешься? Я богатый парень. Чтоб я дарил своей любимой в светлый праздник всякую ерунду!

— О господи, — фыркнула я. — Теперь ломай голову, до чего ты додумаешься.

— Тебя ожидает как минимум луна с неба.

— Луна — общее достояние. Не лишай людей мелких радостей.

— Ладно, садись за руль, — махнул рукой Славка.

Будь я девушкой благодарной, завалилась бы на асфальт в счастливом обмороке. Впрочем, Славку

бы это скорее напугало. Сев на водительское место, я огляделась, потом подмигнула своему спутнику:

— Пристегните ремни, мы взлетаем. — И не спеша тронулась с места.

Две соседки, что стояли у моего подъезда, проводили машину заинтересованными взглядами.

— Здравствуй, Феня, — громко сказала Софья Петровна, дождавшись, когда я выйду из машины.

— Здравствуйте, — ответил за меня Славка, я ограничилась кивком.

— Здравствуйте, Вячеслав Александрович, — тут же откликнулась бойкая старушка.

— Как здоровье? Как внуки? — спросил он.

— Спасибо, хорошо. Феня, соседка твоя прибегала.

— Дуська?

— Ага. Деньги оставила. У Николаевых.

— Утром зайду.

— Что еще за деньги? — спросил Славка, поднимаясь по лестнице.

— Все-то тебе интересно.

— Все, что касается тебя.

— Я в мае за Дуську работала, убирала в одном доме в пригороде, пока она на своей даче грядки копала. Вот она и решила, что мне задолжала.

— В мае?

— Ага. Я все собиралась к ней заехать, да лень было, она не выдержала и привезла деньги сама.

— Все-таки ты загадочная женщина, — усмехнулся Славка, ожидая, когда я открою дверь.

— В смысле, что за деньгами не торопилась? Так не в них счастье.

— В другом смысле. Вот зачем тебе, к примеру, убирать в каком-то доме за три копейки?

— Во-первых, не за три, а во-вторых, Дуська не хотела потерять работу, но остро нуждалась в огурцах. А мне ничего не стоило дважды в неделю вымыть за нее полы.

— И это говорит человек, называющий себя лентяйкой. А почему Дуська комнату не сдает?

— Потому что один тип платит ей ежемесячно деньги за то, чтобы она этого не делала. Хотя его об этом никто не просил.

Славка засмеялся и заключил меня в объятия.

— Она проболталась?

— Конечно.

— А что прикажешь делать? Ко мне ты переезжать не спешишь, а посторонние граждане чересчур обременительны для моих нервов.

Он подхватил меня на руки и понес в комнату, я немного подрыгала ногами, а потом укусила его за ухо.

Без четверти одиннадцать зазвонил телефон, Славка досадливо поморщился, а я поплелась в прихожую, сняла трубку и услышала Милкин голос:

— Ты одна?

— Нет.

— Кто у тебя?

— Славка. Сливаемся в экстазе.

— Черт, я же просила никому не говорить.

— Молчу, как партизан. Чего ты ерзаешь?

— Ты правда ничего ему не сказала?

— Конечно.

Голос подруги звучал как-то чересчур напряженно. Встреча с шантажистом — событие выдающееся, но уж больно она на меня сердита. Хотя, наверное, дело в том, что шантажист далеко, а я под руку подвернулась. Вот Милка и психует. По

моему мнению, тысяча баксов того не стоит. Впрочем, речь не о деньгах, а о замужестве, к которому Милка так стремилась и которое из-за ее глупости могло не состояться.

— Но ведь ты должна объяснить ему, куда идешь в такое время, — заныла она.

— Я его объяснениями не балую.

— Ладно. Жду тебя возле гастронома. Гони любовника в шею и выдвигайся на позиции.

— Он почти что муж.

— Да ну?

— Стоял на коленях с цветами и кольцом.

— По дороге расскажешь.

Я вернулась в комнату, голый Славка сидел на диване и взирал на меня с унылым видом.

— Скажи на милость, что у тебя за дела в такое время? — проворчал он.

— Секретные. Если хочешь, оставайся. Не думаю, что это надолго, — предложила я, натягивая джинсы.

— Нет. Поеду домой. Хоть высплюсь. На твоем дурацком диване это совершенно невозможно.

— А я-то надеялась, что с этим диваном связаны лучшие воспоминания твоей жизни.

— Так и есть, — кивнул он, взял меня за руку и притянул к себе. — А твоей?

— Само собой, — ответила я и оказалась на его коленях, заподозрив, что Милка будет ждать меня напрасно. Решительно отстранилась и заявила: — Выметайся.

— Где тебе надо быть? — спросил он с улыбкой.

— Возле гастронома.

— Отвезу тебя и поеду спать.

— Здесь пешком всего ничего.

— Лишних пять минут побудем вместе.

Он быстро оделся, я успела сварить кофе и выпила его в спешке, оттого без удовольствия.

— Не забудь ключи от машины, — напомнила я уже в дверях.

— Это твоя машина. Я поеду на такси.

— Любишь ты усложнять себе жизнь, — хмыкнула я.

Во дворе чинно прогуливались старушки. Стемнело, но напротив подъезда горел фонарь, а вечер выдался по-летнему теплый. Мы побрели в сторону троллейбусной остановки, взявшись за руки. Славка шагнул с тротуара и махнул рукой, останавливая машину, назвал адрес и устроился на заднем сиденье рядом со мной. Через минуту мы оказались возле гастронома.

— Веди себя прилично, — сказал Славка, целуя меня.

— А ты не вздумай подглядывать.

Я вышла из машины, дождалась, когда отъедет, и осмотрелась. Милкиной тачки поблизости не наблюдалось. Я прошлась по тротуару, вертя головой во все стороны. Наконец ее машина вывернула из переулка, дверца открылась, а я быстро села на переднее сиденье.

Милка с сосредоточенным видом таращилась на дорогу. Несмотря на позднее время, движение было оживленным.

— Ты правда ничего ему не сказала? — спросила она, не поворачивая головы.

— Задолбала.

— Для меня это очень важно. Скажи честно, ты о нашем разговоре кому-нибудь проболталась?

— С какой стати?

— Точно никто не знает? Не врешь?

— Я не вру по пустякам.

Устраиваясь поудобнее, я повернула голову и увидела на заднем сиденье бейсбольную биту.

— Ни хрена себе, — присвистнула я. — А это зачем?

— На всякий случай, — скривилась Милка. — Надо что-то иметь под рукой. Место он выбрал глухое. И, честно скажу, мне это не нравится.

— Так, может, не стоит туда ехать?

— У меня нет выбора.

— Если надумаешь дать ему по башке, предупреди заранее, чтобы я смотрела в другую сторону. Как несостоявшийся юрист могу сообщить: мое присутствие на месте преступления классифицируется как соучастие. Доказывай потом, что я ни ухом ни рылом.

— Типун тебе на язык, — фыркнула подруга. — Лучше расскажи, что там Славка. Сделал предложение?

— Ага.

— А ты?

Я лениво рассказывала, глядя в окно, а Милка время от времени невнятно мычала. Вот только слышала ли что-нибудь, еще вопрос.

За окном мелькали огни города. Мы проехали мост. Впереди темнела лесополоса, так называемый Загородный парк. В теплое время года здесь даже по вечерам бродил народ — собачники, парочки и просто любители пеших прогулок. Милка притормозила возле въезда, где горели фонари и гирлянды на ближайших елках — снять их после Нового года никто не потрудился, о чем я нисколько не жалела. Разноцветные огоньки создавали праздничное настроение.

— Пойдем пешком? — спросила я.

— Вот еще. Просто до двенадцати полно времени. Подождем здесь.

Милка смотрела вперед, не в такт постукивая по рулю обеими руками.

— Кончай ерзать, — вздохнула я. — Заберем мы твои фотки.

— Ага. А если он явится не один? Деньги возьмут, а фотки себе оставят?

— С таким настроением лучше дома сидеть, — хмыкнула я, хоть и была вынуждена согласиться с тем, что такое развитие событий вполне вероятно. — Может, вообще не стоит с ним встречаться?

Милка ничего не ответила, взглянула на часы и завела машину. Асфальтовая дорога обрывалась возле кафе, дальше, вдоль реки, шла песчаная. Фонари остались далеко позади, деревья подступали с двух сторон. Настоящий лес, и соваться сюда в такое время никому из граждан в голову не придет.

Свет фар вырвал из темноты табличку «Лыжная трасса». Стрелка указывала вправо, здесь была развилка. Людмила Михайловна, чуть замешкавшись, поехала дальше. Лес внезапно кончился. Впереди, там, где река делала петлю, чернели кусты. Кто бы ни был шантажист, а место выбрал грамотно. Приди кому-то в голову сопровождать нас, он это заметит сразу. Будь то на машине или пешком, а подобраться незаметно вряд ли получится.

Прямо над нами висела луна, придавая пустынной местности сказочное очарование.

— Красотища, — заметила я, желая подбодрить подругу.

Она ничего не ответила, по едва заметной дороге следуя к реке. Наконец машина замерла у ближайших кустов.

— Никого нет, — сказала Милка вроде бы даже с обидой.

— А ты с местом ничего не напутала? — спросила я, чтобы поддержать разговор.

— Не напутала. Где этот стервец?

— Должно быть, сидит в кустах и за нами наблюдает. Надоест, покажется.

Милка зябко поежилась, выключила фары. Глаза быстро привыкли к темноте, впрочем, света луны вполне хватало, чтобы различать заросли кустарника и дорогу, спускавшуюся к реке.

— Пора бы ему появиться, — заметила Милка.

Я попробовала развить тему, но подруга не поддержала разговор, то и дело смотрела на часы и продолжала оглядываться по сторонам. Прошло минут пятнадцать.

— Может, он и не собирался приходить? — сказала я. — И это просто дурацкий розыгрыш?

— Фотка вовсе не розыгрыш. Подождем еще немного. Не появится, так позвонит. Если о деньгах говорил всерьез.

Выдержав еще минут пять, я распахнула дверь машины.

— Куда ты? — испугалась Милка.

— Пройдусь немного.

— Спятила?

— Может, он решил, что в твоей тачке засела рота спецназа.

Я вышла, потопталась немного возле машины, прислушиваясь к тишине, а потом не спеша направилась к реке. Очень скоро я оказалась на берегу. Лунный свет отражался в воде, и я невольно залюбовалась этим зрелищем. Дорога делала плавный поворот и дальше шла возле самой кромки воды. Летом здесь обычно много купальщиков, ищут места поживописней, подальше от цивилизации. Я присела и немного поразвлекалась художественным свистом. А потом услышала, как хлоп-

нула дверь машины. Наверное, Милке надоело одиночество и она решила присоединиться ко мне. Я ожидала, что подруга окликнет меня, но ей это в голову не пришло.

Нехотя поднявшись, я побрела к машине. Ее темный силуэт я увидела, как только поравнялась с кустами, и начала высматривать Милку. Возле машины ее точно не было. Это слегка удивило.

— Милка, — позвала я. Ни звука. Я зашагала быстрее, поравнялась с машиной и распахнула водительскую дверь. Пусто. Бита с заднего сиденья исчезла. — Эй, ты где? Кончай дурить.

За спиной послышался шорох. Только я хотела оглянуться, как на голову мне обрушилось что-то тяжелое. Я охнула и повалилась в траву, успев подумать: «Не в первый раз мне дают по башке».

В себя я пришла от холода. Трава была влажной, и футболка успела намокнуть. Я приподняла голову, взвыла от боли и попыталась сесть. Не сразу, но это удалось. Луна переместилась и теперь огромным шаром висела над рекой. Вцепившись в дверцу машины, я поднялась и попробовала оглядеться. Голова нещадно болела, но соображать я уже начала. И на ногах держалась не то чтобы уверенно, но держалась. Значит, шантажист все-таки появился? И не придумал ничего лучше, как двинуть мне по затылку! Я пощупала голову: крови вроде нет, зато шишка уже вылезла. Милка... черт... где Милка-то? Я хотела позвать ее, вместо крика вышло какое-то шипение. Откашлявшись, я попробовала еще раз. То, что она молчит, здорово напугало. А если шантажист и с ней обошелся невежливо? Черт... «В прошлый раз, когда мне двинули по башке, я очнулась рядом с трупом», — в панике подумала я.

Ключ торчал в замке зажигания. Я посигналила, один раз, другой, третий. В тишине звук показался оглушительно громким. Где бы ни находилась подруга, она просто обязана его услышать. Если она все еще здесь. Представить, что Милка сбежала, оставив меня и свою машину с ключами, было выше моих сил даже при такой головной боли. Вывод один: ответить она не в состоянии. Эта мысль заставила меня шевелиться. Очень не хотелось отходить от машины, где я могла устроиться с удобствами и дождаться момента, когда окружающий мир перестанет скакать в диком канкане, а мозги заработают. Однако теперь я была уверена, что подруга нуждается в моей помощи, отлепилась от машины и сделала несколько шагов. Подумала встать на четвереньки (для большей устойчивости) и потрясти головой (для прояснения сознания), но не рискнула, заподозрив, что подняться уже не смогу. В общем, я шла, покачиваясь и спотыкаясь, и кричала то и дело как могла громко: «Милка!» — в надежде, что подруга откликнется и найти ее окажется не в пример легче. Я двигалась по дороге к реке, потому что это самый удобный маршрут — идти по полю, заросшему травой, с кочками и ямами, я не в состоянии. Сквозь клочья тумана, каким бы он ни был, реальным или кажущимся из-за замутненного сознания, я наконец увидела блестящую поверхность воды и возле самой кромки заметила что-то белое. Сердце екнуло, потому что я вдруг вспомнила, что Милка была в светлой блузке. Кубарем скатившись к воде, я убедилась, что это в самом деле Милка. Она лежала лицом вниз, нижняя часть тела на берегу, руки раскинуты в стороны, голова в воде. Волосы слабо шевелились в лунном свете. Картина была до того нереальной, что в первое мгновение я решила: это

просто ночной кошмар. Стоит распахнуть глаза пошире, как я непременно проснусь и этот ужас навсегда исчезнет. Но моим надеждам не суждено было исполниться: сколько я ни таращила глаза, а видела одно и то же: неподвижное тело подруги в лунном свете.

— Черт, — пробормотала я, собравшись с силами, выволокла ее на берег и перевернула на спину. Застывший взгляд, распахнутый в немом крике рот. — Черт, — повторила я и попыталась привести ее в чувство, понимая всю бесполезность своих действий. Я очень хорошо знала: живой человек не выглядит так страшно. Но поверить в то, что Милки, веселой, жизнерадостной, смешной и невероятно деятельной, больше нет, я была не в состоянии и еще некоторое время продолжала, как могла, делать искусственное дыхание, а потом сидела рядом, свесив голову на грудь, и боялась еще раз увидеть ее лицо, чужое, отстраненное.

Не знаю, сколько я так сидела — пять минут, десять или полчаса. Меня трясло, то ли от холода, то ли от ужаса, я попыталась подняться, и тут наконец в голову пришла вполне здравая мысль, которая до той поры меня не посещала. Я пошарила в карманах джинсов. Мобильный оказался на месте. Я набрала номер, очень надеясь, что со связью здесь проблем не возникнет. Вызвала «Скорую», а потом милицию, путано объяснив, где нахожусь. Судя по реакции граждан, с которыми я разговаривала, они решили, что я либо пьяная, либо вовсе не в себе, однако я все-таки надеялась, что на мой зов откликнутся. Стоя на коленях, я умылась и, зачерпнув воды ладонью, долго пила, не обращая внимания на странный привкус. Мысли все еще путались, но чувствовала я себя все-таки лучше, должно быть, поэтому вспомнила об Агатке.

Моя история в лучшем случае вызовет недоумение. Ночь, Загородный парк, захлебнувшаяся подруга и я в состоянии прострации. Я набрала номер сестры. Бесконечные гудки, а потом гневный голос:

— Ты что, спятила?

— Если бы, — невесело хмыкнула я.

— Слушай, припадочная, мне вставать в семь утра, твои привычки мне известны, но нормальные люди по ночам спят.

— Я бы тоже с радостью уснула, — ответила я. — И не просыпалась бы подольше.

— А что мешает? — насторожилась Агатка.

— Милка погибла, — сказала я и только в тот момент по-настоящему поняла, что произошло.

— Как погибла? — растерялась Агатка. — Авария?

— Нет. Ее убили.

— Кто убил? На всякий случай хочу предупредить...

— Я не шучу, — перебила я. — Может, сестра у тебя и дура, но не до такой степени. Выпей капли и рви сюда. Похоже, мне нужна помощь адвоката.

— Да что случилось? — заорала Агатка так, что я невольно поморщилась и отдернула руку с телефоном подальше от уха.

— Кто-то убил Милку, а я схлопотала по башке. Загородный парк, дорога к лыжной трассе. Увидишь ее машину, как только выедешь из леса.

Я дала отбой, легла рядом с Милкой, взяла ее холодную ладонь в руки и подтянула колени к подбородку. Время точно остановилось. Жаль, что его нельзя повернуть назад. Я бы ни за что не вышла из машины, не оставила Милку одну... Зачем я вообще ее послушала? Надо было сказать Славке, кому угодно... Тогда об опасности я не думала.

Придурок-шантажист, который боится куда больше, чем мы, и выбрал это место в надежде, что здесь он в относительной безопасности. И вот как все обернулось...

Я услышала шум приближающейся машины и подняла голову. Сквозь кусты пробивался свет фар. Машина остановилась, хлопнули двери, а я, собравшись с силами, крикнула:

— Спускайтесь к реке.

Села, обхватив колени руками, и стала ждать. Друг за другом по дороге спустились четверо мужчин. Встали полукругом, один наклонился к Милке, пробормотал что-то, и все четверо уставились на меня.

— Привет, — сказала я первое, что пришло в голову.

— Это вы ее нашли? — откашлявшись, спросил один из мужчин.

— Мы вместе приехали.

— Знакомая?

— Подруга.

— Ага. И чего не поделили?

— С ней нам делить было нечего.

— Значит, просто поскандалили? — не унимался парень.

Мне вдруг стало смешно, хотя какой уж тут смех. Они решили, что Милку утопила я. Вполне предсказуемо, выходит, не зря я Агатке позвонила.

— Для того чтобы скандалить, ехать сюда необязательно, — все-таки ответила я.

— Ладно, разберемся, — вздохнул один из мужчин, но как-то чувствовалось, что разбираться ему совсем не хочется.

Подъехала еще машина. Народ прибывал. Я переместилась ближе к дороге, чтобы не мешать.

Один из мужчин топтался рядом, должно быть опасаясь, что сбегу. Наконец появилась Агатка. Милку как раз укладывали в пластиковый мешок. От этого зрелища меня начало выворачивать наизнанку, и я бросилась в кусты. Вот тогда и услышала голос сестрицы.

— Кто тут главный?

К тому моменту, когда я выползала из кустов, таковой отыскался. Агатка стояла рядом с высоким седоволосым мужчиной и что-то ему втолковывала, тихо, но внушительно. Он время от времени кивал в ответ, потом подошел ко мне и устроился на корточках, Агатка замерла рядом.

— Как вы? — спросил мужчина.

— Фигово, — ответила я правду.

— Сможете рассказать, что произошло?

И я начала рассказывать.

Домой я вернулась только к обеду, едва живая от усталости. Это было спасением. После ночных событий я вряд ли смогла бы уснуть, но силы человеческие не безграничны, и, войдя в свою комнату, я рухнула на кушетку, закрыла глаза и мгновенно провалилась в беспамятство. Мне снилась Милка, живая и веселая.

— Вот это приключение, — говорила она, а я злилась:

— Дура ты, дура. — А она вдруг начала хохотать, и я подумала: если подруга смеется, значит, все нормально, и мешок, в который ее запихнули, чья-то глупая шутка.

Я пошевельнулась, открыла глаза и сразу поняла, что шутить никто не собирался. В кресле сидел папа и смотрел на меня с печальной улыбкой. Приходилось признать: родителям со мной не повезло. Неприятности ко мне липнут или я к ним,

поди разберись. Впрочем, назвать гибель Милки неприятностью мог лишь человек с весьма странным чувством юмора.

— Тебе надо в больницу, — сказал папа.

— Не надо, — ответила я и поморщилась.

В комнате появилась мама, села на край кушетки и сказала сердито:

— Почему ты ее не остановила?

— Августа, — нахмурился папа.

— Что Августа? У твоей дочери вместо головы кочан капусты. Это надо же додуматься, ехать с этой чокнутой среди ночи в какое-то гиблое место, никому ничего не сказав. Чему тебя только учили...

— Августа... — повысил голос папа.

— О господи, — махнула мама рукой и обняла меня. — Голова болит?

— Вроде нет.

— Вроде... у тебя сотрясение мозга. Если бы думала о родителях, осталась бы в больнице.

Тут в комнату вошла Агатка с чашкой чая в руках, протянула ее мне и встала за спиной отца.

— Я бы послушала родителей и занялась своим здоровьем, — сказала она.

— Лучше бы ты втолковала своей сестре, что связываться с шантажистами — опасная глупость, — вскинулась мама.

— Ну вот, теперь я виновата, — закатила сестрица глаза.

— Черт знает что... — вздохнула мама. — У людей дети как дети, а у меня...

— Августа...

— Да замолчи ты. Это счастье, что она жива осталась. Ты понимаешь, что едва не лишился дочери, а все потому, что она дура набитая? Ладно, по-

ехали домой, — повернулась ко мне мама. — Не хочешь в больницу, придется нанимать сиделку.

— Вот только этого не надо, — слабо вякнула я.

— Поговори еще...

Мысль о водворении, хоть и на время, в родительскую квартиру вызывала тихий ужас. Мама теперь долго не успокоится. Я не против того, чтобы послушать рассуждения на тему о ее глобальном невезении: и внуков от нас не дождешься, и с личной жизнью непорядок, Агатка все никак замуж не выйдет, а я выхожу часто, но ненадолго. К тому же то и дело влипаю в истории. И это притом, что отец у меня прокурор области, а мама занимает крутой пост в администрации, и неприятности с дочуркой им нужны так же, как мне геморрой. Однако как бы я ни сочувствовала маме, соглашаясь, что все претензии вполне обоснованны, ее возмущенные вопли долго не вынесу. К счастью, папа это понял.

— Оставь ее, — тихо, но твердо произнес он.

Мама могла очень долго испытывать отцовское терпение, но четко понимала, когда следовало остановиться. И сейчас пошла на попятный.

— Не можешь ты в такое время оставаться одна.

— Очень даже могу, — пробубнила я и тут же нарвалась:

— Свинья неблагодарная.

— Мама, — влезла Агатка. — Поезжайте с папой домой, а я останусь. Если Фимке станет хуже, вызову «Скорую», а сейчас ей надо просто отлежаться.

— Конечно, родительский дом для этого самое неподходящее место. Идем, Константин Викторович, — поднимаясь, сказала мама. — Детки твои одна другой непутевей.

— Зато твои — чистое золото, — съязвил в ответ папа. Мы с Агаткой поспешно отвернулись, чтобы

усмешки на наших физиономиях не вызвали новый поток гневных маминых речей.

Папа подхватил маму под руку и повел прочь, изловчился и подмигнул мне. Мы с сестрицей облегченно вздохнули, услышав, как хлопнула входная дверь.

— Как он с ней живет столько лет, — покачала головой Агата.

— Счастливо, — отозвалась я.

— Это выше моего разумения. По мне, так он должен был сбежать от нее лет двадцать назад.

— Хорошо, что мама тебя не слышит.

— Дура я, что ли, при ней такое ляпнуть? — хмыкнула Агатка. Села рядом, взяла из моих рук чашку, которую я вертела в руках без всякого толку, и поставила ее на пол.

Некоторое время мы молчали. О чем думала Агатка, не знаю, а я вспоминала события прошедшей ночи. Там, у реки, я коротко рассказала, как и почему мы очутились с Милкой в Загородном парке в столь неподходящее для этого время. Мне пришлось повторить свой рассказ в кабинете следователя, подробно, в деталях, а также ответить на множество вопросов. Далеко не на каждый я знала ответ, но старалась. Незадолго до этого меня на «Скорой» доставили в больницу, ощупали мою многострадальную голову с огромной шишкой на затылке и, констатировав сотрясение мозга, предложили задержаться у них на недельку. Агатка тоже на этом настаивала, но я наотрез отказалась. К тому моменту я успела окончательно прийти в себя. Голова хоть и болела, но соображала я неплохо и рвалась к следователям, зная не понаслышке, что если убийцу не обнаружат в первые три дня, шансов на это становится все меньше, а дел у следователя все больше. После того как менты уз-

нали, кто мои родители, головная боль была им обеспечена, да такая, что вполне могла посоперничать с моей. Разговаривали они исключительно вежливо, глупых шуток никто не отпускал, и всячески подчеркивали, что я свидетель, а отнюдь не подозреваемая. Мне бы радоваться, но радости не было. Чего доброго, они решат не напрягаться, чтобы не накопать лишнего, а это в мои планы не входило. Я была намерена найти убийцу. Но рядовому гражданину, каковым я являюсь, это вряд ли по силам, оттого я очень рассчитывала, что мой рассказ заставит их шевелиться. Следователь, потратив на беседу со мной часа три, заметно успокоился. Из подозреваемых я стала свидетелем, а это значит, что по рукам никто бить не будет. С другой стороны, если я свидетель, к тому же лично заинтересованный в раскрытии преступления, дело это будет на особом контроле, что счастья ему не прибавило. В общем, он сам толком не знал, радоваться ему или печалиться, и не придумал ничего лучшего, как предложить мне позаботиться о здоровье и лечь в больницу. К тому моменту Агатка уже сообщила родителям о свалившемся на меня несчастье, и они появились в кабинете следователя незамедлительно, что резко ухудшило его мыслительные способности, и он поспешил со мной проститься. Пока папа, мама и Агатка обсуждали в коридоре, что следует предпринять, я тихо снялась с места и сбежала в свою коммуналку, где и была обнаружена ими спящей крепким сном.

— Батя у нас молодец, — вдруг произнесла Агатка.

— Потому что маму терпит? — хмыкнула я.

— Потому что, несмотря на твою привычку ему свинью подкладывать, думает не о себе, а исклю-

чительно о твоем здоровье. Другой бы на его месте не преминул высказаться, что с такой дочуркой не соскучишься.

— На это мама есть.

— Ага. Один скандал плавно перетекает в другой. Вот уж его враги порадуются.

— Не доставай, — взмолилась я.

— Кто ж тебе правду скажет, если не я.

— Между прочим, мою подругу убили.

— Идиотка твоя подруга, — рявкнула Агатка, а я сказала:

— Катись отсюда.

— Сестра — это наказание, — фыркнула она и стала пить остывший чай. — В кои-то веки я абсолютно согласна с мамой: мозги у тебя аккурат в том месте, на котором ты сейчас сидишь.

— Критику принимаю, — кивнула я. — Оправдывает меня только то, что затея мне показалась ужасно глупой, но не опасной. Что это за шантажист, который убивает свою жертву?

— С перепугу и не такое случается.

— И чего он, по-твоему, испугался?

— Того, что она, к примеру, его узнала. И могла доставить большие неприятности.

— Он потребовал тысячу долларов. Согласись, сумма смешная. Я была убеждена — это какой-то шустрый подросток, случайно застукавший Милку на пляже.

— Почему Милка была уверена, что это не ее любовник, Миша, кажется?

Я пожала плечами:

— Она считала его приличным парнем.

— Допустим, она ошибалась. Он понадеялся на легкие бабки. Заодно потешил бы свое самолюбие, отомстил девице, которая дала ему отставку. Но что-то пошло не так. Предположим, он хотел

забрать деньги, не показываясь ей на глаза. Позвонил бы по телефону, сообщил, где оставить доллары, а фотки пообещал вернуть по почте. Но она его не только увидела, но и узнала. Они поскандалили, он разозлился, в мозгах замкнуло, и в результате он ее утопил. Может, хотел привести в чувство, сунув лицом в воду, но перестарался.

— Хорошая версия. Только в нее плохо укладывается факт, что сначала он двинул мне по башке тяжелым тупым предметом.

— Бейсбольной битой, — кивнула Агатка.

Я посмотрела на нее в задумчивости.

— Бейсбольной битой?

— Ага. Ее нашли рядом с машиной, на бите обнаружены волосы. Уверена, что твои. Так что сомнений нет.

— Странно, — нахмурилась я. — Бита лежала на заднем сиденье машины. Как он мог ее взять, не привлекая внимания Милки?

— Значит, она недолго оставалась в машине и вышла следом за тобой. Он взял биту, подкараулил тебя...

— А где в это время была Милка?

Агата вздохнула.

— Когда рассвело, менты там как следует все обшарили. Нашли вполне отчетливые следы. Милка топталась возле машины, далеко не отходила.

— Тебе не кажется это странным? — подумав, спросила я.

— Кажется. Находясь возле машины, она просто обязана была что-то заметить.

— А если он ее оглушил, взял биту, двинул мне по башке, а уж потом ее утопил?

— Ага. Она очнулась не вовремя и узнала этого типа.

— Допустим, — кивнула я. — Но пока у него эти

фотографии, ему бояться нечего. Своему Сереге она ничего не расскажет, к ментам не пойдет.

— Я же сказала, начали скандалить, и он убил ее под горячую руку.

— Выходит, что скандалили они довольно далеко от машины.

— Может, он хотел сбежать, она бросилась за ним. Правда, кое-что мне не нравится, — заметила Агата. — Менты обнаружили следы на траве. Только это не след от обуви. Человек, скорее всего, был в носках.

— Чего ж странного? — удивилась я, не понимая, что имеет в виду Агата. — Думал, что так меньше шума...

— Или не хотел оставлять следы ботинок. А если так, то вряд ли собирался взять деньги и удалиться.

— Подожди, ты хочешь сказать... — растерялась я.

— Или он уж очень осторожен, или шантаж просто повод выманить ее в глухое местечко.

— То есть он с самого начала хотел ее убить? — Признаться, такое у меня в голове не укладывалось. Кому могла мешать Милка? — Ни фига себе, — пробормотала я, вспомнив недавний любовный треугольник.

— Она твоя подруга, тебе лучше знать, у кого есть повод ее недолюбливать, — хмыкнула Агата.

— У парня, за которого она собралась замуж, была подружка. Из-за нее он порвал с Милкой, она здорово переживала, уговорила его поехать в Венесуэлу, потом эта история с аварией... я тебе рассказывала.

— Ну вот, еще один подозреваемый. Девица надеялась выйти замуж, и вдруг богатого жениха уводят у нее из-под носа. Чем не повод утопить разлучницу?

— Милка хоть и худосочная с виду, но сильная. И себя в обиду бы не дала.

— Может, она ее оглушила, а потом доволокла до реки. Хотя вряд ли, — поморщилась Агата. — Тащи она ее волоком, след бы остался. К тому же осмотр тела показал, что подругу твою утопили. При этом никаких синяков и ссадин на теле нет. К реке она спустилась сама, а дальше... Отвергнутой девице не обязательно совершать убийство в одиночку, нашла какого-нибудь идиота, пообещав ему денег. Ту же самую тысячу долларов. Ладно, девицей менты займутся. И Мишей этим тоже. Ты с ним знакома?

— Я до вчерашнего дня ничего о нем не слышала.

— Странно. Мне всегда казалось, что твоя Милка болтушка, каких свет не видывал.

— Мне тоже. Выходит, что мы не правы. Слушай, фотографии существовали на самом деле, одну из них Милка точно видела, она мне сама сказала. Отвергнутой девице, если это ее затея, достаточно было показать фотки Сереге. И грех на душу брать не надо.

— Ревнивые бабы хуже чумы, — сказала Агатка. — Я тебе могу такое порассказать...

— Мне сейчас не до чужих историй, — отмахнулась я. — Со своей бы разобраться...

— Будем надеяться, что менты разберутся, — кивнула Агатка и тут же добавила: — Менты ментами, но и самим не худо бы вокруг пошарить. Поспрашивай знакомых, кто-то должен знать об этом Мишке. Видел их, или Милка рассказала.

В этот момент у меня зазвонил мобильный. Телефон надрывался, а Агатка хмурилась.

— Славка? — спросила она. — Чего не отвечаешь? — Я махнула рукой, сестрица взяла телефон и брякнула: — У Ефимии Константиновны нет

желания с тобой беседовать. — Отбросила мобильный в сторону и расплылась в улыбке.

— Сейчас прибежит. Оно тебе надо? — вздохнула я. — Не могла соврать, что я в ванной?

— А не приучены мы врать, — ядовито ответила сестрица. — Ты за него в самом деле замуж пойдешь?

— А чего не отправиться проторенной тропой?

— Ну хотя бы для того, чтобы очередную глупость не делать.

— Замужество вовсе не глупость. Это естественная потребность женщины репродуктивного возраста. Тебя замуж не вытолкаешь, приходится мне отдуваться за двоих.

— То есть ты его любишь? — хмыкнула Агатка. — Или для замужества это ни к чему?

— Вы сговорились, что ли? — возмутилась я.

— «Вы» — это кто?

— Папа, — неохотно ответила я.

— Папа у нас мужик умный. Папу слушать надо.

— Не пойму, о чем ты?

— Не поймешь? — скривилась Агатка. — Могу поставить вопрос иначе.

— И это не поможет. Я все равно не пойму. — Я растянула рот до ушей, а сестрица в ответ махнула рукой. Собственно, ничто не мешало ей меня покинуть, особого толку в дальнейшем разговоре я не видела. Уверена, Агатка думала так же, и только глупое упрямство удерживало ее здесь.

— Может, все-таки в больнице полежишь пару дней? — спросила она, а я ответила:

— Задолбала.

— Хочешь, я тебе пожрать приготовлю?

Я вытаращила глаза от неожиданности. Агатка готова была сутками ничего не есть, лишь бы у плиты не стоять. И вдруг такая забота. Сестрин-

ская любовь выходит из берегов. То ли дела мои так хреновы, то ли сама Агатка остро нуждалась в родном плече. У каждой из нас своя жизнь, и по наклонной плоскости мы скатываемся по-своему, зато наперегонки.

— Славка прибежит и приготовит, — отмахнулась я. — В этом ему нет равных.

— А ты не думала завести собаку? Я имею в виду по-настоящему, чтоб жила здесь, тявкала и весело трусила рядом.

— Это ты сейчас к чему? — насторожилась я.

— Это я к тому, что собака с успехом заменила бы Славку. Конечно, пожрать сготовить она не сможет, зато и в любви ей признаваться без надобности.

— Шла бы ты, в самом деле, — скривилась я. — Даже спорить с тобой лень.

— Я обещала родителям, что присмотрю за тобой.

— Присмотришь, а не станешь приставать с дурацкими вопросами.

Так мы пререкались довольно долго и изрядно друг другу надоели. Не знаю, сколько бы еще это продолжалось, но тут в дверь позвонили.

— Ну вот, защитник и опора пожаловал, — заявила сестрица и пошла открывать.

Славка мою сестрицу побаивался, впрочем, как и все представители мужского пола. Способность нагонять тоску на мужиков Агатка унаследовала от мамы.

— Чего притащился? — услышала я ее голос. — Ведь сказано было: видеть не желают.

— Агата Константиновна, вам никто не говорил, что вы похожи на отставника-сержанта? — робко поинтересовался Славка.

— Людям свойственно думать о своем здоровье, оттого делиться умными мыслями и не спешат.

Заходи, если пришел, но на радушный прием не рассчитывай.

Славка ввалился в комнату с выпученными глазами. Не знаю, чего он ожидал, но, завидев меня, вроде бы вздохнул с облегчением, однако тут же спросил:

— Феня, в чем дело? Мы сегодня собирались подавать заявление. Ты что, забыла?

— Мне сейчас не до этого, — сказала я.

— Что значит — не до этого? — рявкнул Славка. Голос дрожит от злости, а физиономия совершенно несчастная.

— Милка погибла, — сказала я и отвернулась, не желая продолжать.

— Милка? Как погибла, когда?

— Тебе Агата все растолкует, — ответила я, сообразив, что мне в который раз предстоит пересказывать свою историю. Сестрица взглянула на меня с недовольством, однако коротко и по-деловому объяснила, что произошло. Славка взирал на меня недоверчиво, как будто сомневался в правдивости ее слов, и, когда она замолчала, спросил, обращаясь ко мне:

— Это правда?

— А ты думаешь, я шучу? — съязвила сестрица.

— Надеюсь, что нет. Иначе по тебе психушка плачет.

— Психушка плачет по твоей невестушке.

— Феня, — Славка коснулся моего плеча. — Почему ты мне ничего не сказала? Ты понимаешь, что могла погибнуть? Ты...

— Блин, — не выдержала я. — Третья часть Марлезонского балета. Двигайте отсюда... — Само собой, мое предложение осталось без внимания.

— Что с головой? — спросил Славка заботливо.

— По башке ей задвинули будь здоров, но так

как мозгов в ней никогда не было, то особого урона не нанесли.

— Агата Константиновна, я знаю вас как исключительно деловую женщину, может, вы своими делами и займетесь, а мы как-нибудь...

— Много от тебя толку! — съязвила она. Села рядом со мной и вдруг заревела, обняв меня за плечи. Я уткнулась носом ей в грудь, и слезы потекли из глаз ручьем. Через некоторое время Агата, вздохнув, сказала: — Ну, что теперь. Милку не вернешь. И себя винить не смей. Ты бы не поехала, так она бы другую дуру нашла.

— Чтоб я еще раз позволил тебе... — начал Славка, но сестрица тут же на него шикнула.

— Дай хоть нареветься вдоволь. Все лучше, чем чуркой сидеть. Иди пожрать приготовь, она весь день ничего не ела.

Славка удалился на кухню, где тут же загрохотал кастрюлями.

Через полчаса мы сидели за столом. Не скажу, что мне полегчало. На смену гнетущей тоске пришло некое оцепенение, мысли были вялыми, вид пищи вызывал тошноту, но я старательно запихивала ее в рот, жевала, глотала и терялась в догадках, зачем это делаю. Наверное, затем, чтоб не гневить сестру и не расстраивать Славку. Сидя рядом, он смотрел на меня так, точно в любой момент ожидал, что я развалюсь на части и собрать меня будет проблематично.

— Славка, — позвала Агата. — Ты с Берсеньевым знаком?

— С Сергеем Львовичем? Да.

— Что он за человек?

— Ну... — Славка пожал плечами. — Нормальный мужик. Толковый. Дела у него идут прекрас-

но. Ничего больше сказать не могу, видимся мы от случая к случаю... Почему ты вдруг спросила?

— Так... мысли разные.

— Говорят, после аварии он изменился. Не только внешне. Жестче стал, что ли... Зато на благотворительность денег дает весьма охотно, а раньше жмотничал. Я его видел на прошлой неделе. Поболтали немного ни о чем. Мне он всегда нравился. Есть люди, которые вызывают безотчетную симпатию. Вот он из таких.

— А про аварию что скажешь?

— Знаю то же, что и все. Парню здорово досталось, говорят, вытащили с того света.

— А про его прежнюю пассию что говорят? Про ту, ради которой он чуть Милку не бросил?

— Я, знаешь ли, сплетнями не увлекаюсь, — недовольно ответил Славка.

— Похвально. Но не в этом случае. Хотелось бы знать, что там за девица. На что способна и вообще...

— Ты думаешь... — Славка замолчал и немного посидел истуканом. — Если надо, то поспрашиваю, — кивнул он.

Милку хоронили в пятницу. Часов в десять утра я отправилась к ее матери. Еще два дня назад я, собравшись с силами, навестила ее и рассказала о происшедшем в ту памятную ночь, стараясь щадить родительские чувства. Оттого о фотографии промолчала. Конечно, меня подробнейшим образом расспросили о шантажисте, я бубнила в ответ, что сама ничего толком не знаю. Милке позвонил некто и предложил заплатить за молчание тысячу долларов. Кстати сказать, денег в Милкиной сумочке, которая лежала в машине, не обнаружили, выходит, убийца их забрал.

— В милиции тоже ничего не говорят, — посетовала мать Милки. — Кто мог ее шантажировать? Она что, на оборонном заводе работала? Чепуха какая-то. Тебе-то она должна была рассказать.

— Я спрашивала, она отнекивалась. Но вряд ли чего-то боялась по-настоящему. Была уверена — заплатит, и от нее отстанут.

Я не сомневалась, что и в этот раз мне зададут те же вопросы, и прикидывала, как на них ответить. Оказалось, что Милкина мать уже все знает, должно быть, следователь постарался. Эмма Григорьевна сидела на кухне в компании трех пожилых женщин. Во всем черном, нахохлившиеся, они походили на замерзших ворон. Эмма Григорьевна вытирала глаза платочком, бессмысленно повторяя:

— Как же так...

Когда не можешь помочь чужому горю, поневоле чувствуешь себя виноватой. Я почувствовала себя виноватой вдвойне. Увидев меня, Эмма Григорьевна поднялась, молча взяла меня за руку и повела в спальню. Там двое мужчин сидели возле окна, тихо разговаривая. При нашем появлении поспешно покинули комнату. Эмма Григорьевна тяжело опустилась на стул и сказала, глядя мне в глаза:

— Это правда? Ты видела фотографию?

— Нет, — вздохнула я.

— Но она тебе рассказывала? — Я кивнула. — И об этом парне тоже?

— Сказала, что его зовут Михаил, что встречались они всего пару раз...

— И у них... что-то было?

— По словам Милки, фотография весьма откровенная.

Эмма Григорьевна покачала головой.

— Не знаю, зачем она тебя обманула.

— Эмма Григорьевна... — начала я, но женщина меня перебила:

— Она не могла, Милка не такая. Она порядочная девушка... и она так любила Сергея. Мне ли не знать? Когда они поссорились, она места себе не находила. Все мысли только о нем. Плакала ночами напролет. Да где она могла с этим парнем познакомиться, если все вечера дома сидела? С работы, на работу... Никто, кроме Сергея, ей не был нужен. Я ей говорила: забудь его, если он так с тобой поступил, скатертью дорога, а она мне: «Мама, мне без него белый свет не мил». И вдруг какой-то парень. У нее от меня секретов не было. Когда начались отношения с Сережей... так она мне первым делом о нем рассказала. Как он смотрел, что говорил, что она отвечала... все-все рассказывала. И здесь бы ничего скрывать не стала... тем более что знала, как я за нее переживаю.

— Вдруг она не считала, что это серьезно?

— Но ведь не на работе же она с ним встречалась? А она в шесть уже дома и отсюда никуда. Все звонка ждала, возле телефона маялась. И где этот Миша? Если б было что, уж на похороны пришел бы, как считаешь?

— Может, он не знает, что случилось?

— Феня, скажи мне правду, — взмолилась она. — Что тебе Мила рассказала? Не верю я следователю.

— Следователь знает о нашем разговоре с моих слов, — с трудом произнесла я. — А я рассказала только то, что узнала от Милы.

— Не могу поверить. Что хочешь делай — не могу. Материнское сердце не обманешь. Она ж его так любила, и вдруг какой-то парень. Должно быть, я совсем отстала от жизни, у вас, молодых, теперь все не так. Тебя Милка очень ценила, счи-

тала лучшей подругой, и ты об этом парне тоже ничего не знаешь?

— Эмма Григорьевна, я уверена, его найдут. Их наверняка кто-то видел, а может, он сам объявится...

Мне очень хотелось верить, что так оно и будет, только вряд ли я смогла убедить в этом Милкину мать. «А если парня не найдут?» — с тоской подумала я. Тогда останется мой рассказ, ничем не подтвержденный. Не было парня, не было шантажа. И что мы делали вдвоем ночью в Загородном парке? Нет, не вдвоем. Был кто-то третий. По крайней мере, его следы обнаружили. Хорошо, хоть Эмма Григорьевна меня не подозревает... впрочем, кто сказал, что так оно и есть? С ее точки зрения, мое поведение должно выглядеть подозрительно. Да и не только с ее... Тяжелый для меня разговор был прерван одним из родственников. Мужчина заглянул в комнату и сказал неуверенно:

— Эмма, пора ехать...

— Да-да... — Женщина как-то суетливо поднялась, стиснула мою руку и направилась к двери, но вдруг остановилась. — Феня, надо Сергею позвонить. Он в ресторан поехал насчет поминок. Милкина тетка с мужем приехать не смогли, и двоюродная сестра тоже... Пусть лишнего не заказывает, не тридцать пять человек, а тридцать всего... Позвони, номер телефона на тумбочке в прихожей.

Родственники потянулись к входной двери, я вышла из квартиры вместе со всеми, прихватив листок бумаги с номером телефона, который лежал на тумбочке. Пока все рассаживались по машинам, позвонила Сергею. Два гудка, и красивый мужской голос:

— Слушаю вас.

В первое мгновение я растерялась. Причина была вовсе не в том, что голос с хрипотцой звучал волнующе, будоража фантазию, хотя этого не отнимешь. У нормальной женщины, к которым я и себя относила, сердце бы непременно забилось чаще, да вот случай был самый неподходящий. И все-таки толчок в сердце имел место, потому что голос я, безусловно, слышала раньше. И это при том, что с Сергеем ни разу не разговаривала и видела его лишь на фотографии. Парень он занятой, у него и на встречи с Милкой времени не хватало, а уж на ее подруг он тратить его и вовсе не желал. Так что, хотя с Милкой они в общей сложности встречались больше года, я с ним свести знакомство не успела.

— Слушаю вас, — повторил Сергей, а я, вспомнив, зачем набрала его номер, поспешно заговорила:

— Сергей Львович, я звоню по просьбе Эммы Григорьевны...

Разговаривали мы не больше полминуты, но и этого времени хватило, чтобы убедиться: мне действительно знаком этот голос. Гадая, как такое может быть, я села в ожидавшую меня машину. Обстановка к размышлениям не располагала, и я оставила свои догадки на потом. Вскоре вереница машин замерла возле серого двухэтажного здания, которое одним своим видом нагоняло тоску. На первом этаже был зал прощания, с торца — дверь в похоронное бюро. В нескольких метрах от двери стояли наши с Милкой общие подруги и ее сослуживцы, всего человек десять. Я направилась к ним. Мы кивком поздоровались, разговаривать никому не хотелось. Ленка, которая в принципе молчать не умела, через пару минут произнесла:

— Собирались гулять на свадьбе, и вот вам...

Все дружно вздохнули. Ленка перевела взгляд на меня и спросила:

— Сама-то как?

— Бывает и хуже, но я такого не припомню.

— Понятное дело. Жива, и слава богу. В голове не укладывается...

В этот момент подъехал «Мерседес», припарковался возле входа, из машины вышел мужчина. Рост выше среднего, темный костюм, темная водолазка. В руках букет белых роз.

— Берсеньев, — шепнула Ленка и пояснила, как будто этого и без нее не знали: — Милкин парень.

Мужчина, ни на кого не обращая внимания, прошел в зал прощания. Народ потянулся следом.

— Милку в подвенечном платье хоронят, — не унималась Ленка. — Она его еще месяц назад купила. Специально в Италию летала.

— Ты можешь помолчать? — шикнула на нее Юлька.

— А чего я такого говорю?

Родственники встали возле гроба полукругом, мы чуть в стороне. Появился священник, всем раздали свечи, началась панихида. Видеть подругу в гробу, да еще в подвенечном платье оказалось выше моих сил, наверное, поэтому я и наблюдала за Берсеньевым. Он стоял рядом с Эммой Григорьевной и поддерживал ее под руку. Взгляд был устремлен на Милку, неподвижный, слепой. Букет он положил ей в ноги.

Лицо его было каким-то неправильным. Едва заметные шрамы на лбу и подбородке. Кожа на висках слегка натянута, оттого глаза казались чуть раскосыми. Светлые глаза под нахмуренными бровями притягивали, как магнит. Красивый мужик, шрамы его не портили. Даже наоборот. Встречаются иногда физиономии, в которых вроде бы

нет ничего особенного, и вместе с тем от них трудно отвести взгляд. Ты шестым чувством понимаешь, что человек, стоящий перед тобой, личность неординарная, из тех, что один на тысячу. В нем чувствовалась сила. И именно это вызывало недоумение. Сергей Львович представлялся мне человеком слабовольным, может, оттого, что никак не мог разобраться со своими бабами, а теперь его облик никак не вязался с моими представлениями. Мужчина, что стоял напротив, вряд ли позволит кому-либо вертеть собой. Скорее наоборот. Женщины в присутствии подобных мужчин млеют, глупеют и готовы на все. То ли Милкина версия их взаимоотношений была далека от действительности, то ли у меня фантазия разыгралась. Может, все дело в этих шрамах? Может, это они придают ему излишне мужественный вид? После аварии ему сделали пластическую операцию, вот и разгадка некой неправильности...

Отпевание закончилось. Начали прощаться. Я с трудом сдержалась, чтобы не броситься отсюда сломя голову при виде того, как Эмма Григорьевна рыдала, вцепившись в гроб. Ее отвели в сторону, Берсеньев приблизился к гробу, достал из кармана пиджака кольцо и надел Милке на палец. Наклонился и поцеловал ее в губы. Женщины ахнули и дружно зарыдали. Сделай подобное кто-то другой, наверняка получилось бы чересчур мелодраматично и как следствие отдавало бы театральщиной. Но у него получилось естественно. Брови сведены, в красивых глазах скорее гнев, чем печаль. Мужчины не плачут. По крайней мере, прилюдно. Но этот взгляд говорил о его горе куда больше, чем громкие рыдания. В общем, все женские сердца прониклись к нему симпатией, и как следствие появилось желание немедленно его утешить. Я не

сомневалась, что кое-кто не прочь заняться этим прямо сейчас. Что за мысли лезут в голову? Я-то сама с какой стати на него пялюсь?

Я подошла к Милке и, зажмурившись, ее поцеловала. Чувство было такое, что коснулась губами камня.

— Прости меня, — беззвучно попросила я. — За дурацкие мысли тоже прости.

С кладбища мы сразу же поехали в ресторан. Я оказалась в одной машине с подругами. Юлька за рулем, Ленка рядом со мной на заднем сиденье, впереди рядом с Юлькой — Ирина. Как только мы въехали в город, Ленка начала трещать:

— Как вам Берсеньев? Теперь понятно, почему в него Милка вцепилась.

— Ты можешь заткнуться? — разозлилась Юлька.

— А чего такого я сказала? Настоящий мужик. За таким пойдешь на край света, даже если у него в кармане ни гроша, а у этого еще и бабла немерено.

— Да помолчи ты, Христа ради, — рявкнула Юлька.

— Я его другим представляла по Милкиным рассказам, — глядя в окно, заметила я, решив поддержать разговор.

— Каким? — заинтересовалась Ленка.

— Ну, не знаю... мягче, что ли... уступчивее...

— Ага. Он свой бизнес начал с нуля и за несколько лет вон как поднялся. Бесхарактерные мальчики на такое не способны. В каждом преуспевающем предпринимателе сидит акула, это всякий знает, даже если бизнесмен выглядит маменькиным сынком. Не стал бы он тем, кем стал, будь иначе.

— Мне тоже казалось, что он другой, — заметила Ирина, до той поры молчавшая. — Может, по-

тому, что так легко согласился поехать с Милкой в отпуск. У него ведь был роман с этой девицей, забыла, как ее зовут.

— Приличный мужик. Хотел расстаться с женщиной по-хорошему, — пожала Ленка плечами. — Мужиков ведь не поймешь, любят одну, спят с другой, отдыхают с третьей, обычное дело. Девице, считай, повезло. Парень нуждается в утешении, и если она подсуетится, то быстренько приберет его к рукам.

— Вы знакомы с кем-нибудь из Милкиных подруг по работе? — спросила я.

— Ну, так. Верка с ней вместе работала, рыжая, ты же ее помнить должна, она с нами на майские на шашлыки ездила.

— Я ее не видела сегодня.

— Была. Ты, должно быть, просто внимания не обратила. Что не удивительно. Не знаю, как бы я чувствовала себя на твоем месте.

— Да уж, — вздохнула Юлька, а вслед за ней и Ирина.

— В голове не укладывается... совершенно дурацкая история. Как думаешь, убийцу найдут, а, Фенька?

— Надеюсь. Для начала надо отыскать парня... Мишу этого. А о нем, похоже, никто не знает. Эмма Григорьевна убеждена, что никакого парня вовсе не было.

— Был, — вдруг сказала Юлька и посмотрела в зеркало, взгляды наши встретились.

— Ты его видела? — спросила я.

— Нет. То есть видела, как Милка выходила из машины. Возле универмага. Я как раз шла к парковке и ее заметила. Спросила, кто ее привез, а она вдруг испугалась и принялась болтать о каком-то сослуживце. Видно было, что врет. А чего

врать? Я еще тогда подумала: надоело ей за Берсеньевым бегать, завела кого-то. Но шифруется. На всякий случай. Видно, надежду не теряет.

— Когда это было? — заинтересовалась я.

— Перед майскими праздниками.

— А что за машина, помнишь?

— Вроде «БМВ». Меня уже менты спрашивали. Вы вспомните, Милка ходила совершенно потерянная, то бесилась, то на нее депресняк накатывал. А потом вдруг успокоилась. То есть вроде все еще убивалась и о Берсеньеве своем без конца говорила, но отчаяния в ней не чувствовалось. Даже наоборот. Я еще решила: что-то она задумала. А потом эта совместная поездка. Видно, знала, чем Берсеньева зацепить, надо было его просто увезти подальше и остаться с ним наедине.

— Ага. И тут ей подфартило, — влезла Ленка. — Парень-страдалец, и она вроде сестры милосердия. Эх, вот ведь жизнь... Суетимся, планы строим, а потом бац... и все.

В ресторане Берсеньев сидел за столом рядом с Эммой Григорьевной, а я — довольно далеко, что позволило сколько угодно на него пялиться, к себе особого внимания не привлекая. Он по-прежнему хмурился, но выглядел не то чтобы спокойным, скорее отрешенным. Эмма Григорьевна попросила его сказать несколько слов, он поднялся и произнес краткую речь. Слова нашел вроде бы обычные и говорил просто, но вышло проникновенно. Дамы вновь потянулись за платками. Ему сочувствовали даже больше, чем матери. Хотя казалось, что сочувствия он вроде и не искал.

— Просто сердце разрывается, — шепнула мне Ленка.

— Береги здоровье, — буркнула я.

— Как думаешь, он ее очень любил? Или это благодарность за то, что она его с того света вытащила?

— Вытащили его все-таки врачи, без них Милка вряд ли бы справилась.

— Ну что у тебя за свинский характер, — возмутилась Ленка. — Вечно все вывернешь наизнанку.

За столом мне не сиделось, еда вставала комом в горле, выпивка тоже не помогла. К вполне понятным чувствам примешивались другие. С Берсеньева я теперь практически глаз не спускала. На это кто-нибудь да обратит внимание. Чтобы не искушать судьбу, отправилась на улицу. Прогуливалась неподалеку от входа, и тут появился Берсеньев. Закурил, посмотрел на меня и спросил:

— Вы подруга Милы?

— Да, это я вам сегодня звонила.

— Ефимия Константиновна, кажется?

— Лучше зовите Фенькой, — ответила я.

Он криво улыбнулся.

— У вас смешное имя. Впрочем, вам идет.

— Ага. Я тоже... смешная.

— Вы были с Милой в ту ночь? — Теперь голос звучал сурово.

— Да, — кивнула я, отводя взгляд.

— Почему вы ее не остановили?

— Я пыталась. Честно. Но она не послушала.

— Значит, это правда?

— Что «правда»? — Я прекрасно понимала, что Берсеньев имеет в виду, но отвечать не спешила. Глупо, конечно, но мне казалось, что Милке бы это не понравилось. Да и ему лишней боли причинять не стоило.

— Допустим, она боялась мне признаться, но вы... вы ведь сами могли мне позвонить.

— Стучать на подругу?

— Теперь вы ее похоронили, — хмыкнул он. — Так куда легче.

— Можете дать мне в зубы, если хотите, — не выдержала я.

— А толку? — Он отбросил сигарету и вернулся в ресторан.

Я выждала время и тоже прошла к столу, но лишь затем, чтобы забрать сумку. Шепнула Ленке: «Я ухожу», — и, пользуясь тем, что до меня никому не было дела, поспешно вышла на улицу. Жаль, что не удалось поговорить с Веркой, девушкой, что работала вместе с моей подругой в фирме Берсеньева. Но это терпит.

Домой я отправилась пешком. Разговор с Берсеньевым произвел впечатление, и не только потому, что он недвусмысленно дал понять — в гибели подруги винит меня. Теперь я окончательно перестала сомневаться, что слышала раньше его голос. Более того, я точно знала, когда его слышала и где. Несколько месяцев назад, в самом конце апреля...

В самом конце апреля, вернувшись с родного участка, где совершала ежедневный трудовой подвиг с метлой в руках, я обнаружила в нашей коммунальной кухне свою соседку, Дуську. Незадолго до этого она обрела свое женское счастье в лице малопьющего мужичка невзрачной наружности. Последние несколько лет ушли на бесплодные поиски этого самого счастья, и свалившаяся на голову Дуськи внезапная удача немного выбила ее из колеи. Именно этим я объясняла тот факт, что Дуська, скоренько переехав к возлюбленному, свою комнату жильцам не сдала, и та продолжала пустовать, хотя соседка моя женщина хозяйственная, практичная и деньги считать умеет. Может, и

не велик доход, но все-таки какой-никакой. Появлялась она в родной квартире исключительно редко, и, застав ее на кухне, я подумала, что Дуська наконец-то нашла квартирантов, о чем и решила меня известить.

— Здорово, Фенька, — весело приветствовала она меня, как только я вошла в квартиру.

— Как жизнь счастливой новобрачной? — спросила я, водворяясь в кухню и устраиваясь за столом напротив Дуськи.

— Тьфу-тьфу, не сглазить бы... повезло, одним словом. Может, с виду он у меня и неказистый, но дело свое знает. И по дому, и по мужской части... — Дуська прыснула в кулак и весело продолжила: — Прикинь, «Камасутру» купил.

— Для приятного чтения или упражняетесь?

— Упражняемся, Фенька. Уж до шестьдесят восьмой страницы дошли.

— И вправду повезло. — По непонятной для меня причине пути «Камасутры» и мои собственные не пересеклись ни разу, но с чужих слов о ней я, конечно, знала. Древние индусы дураками не были и уж что попало в трактаты пихать не стали бы. Хотя и не наши предки, но все равно уважения достойны, в конце концов, все люди братья и кровь у нас одна.

— Повезло, Фенька, повезло. А ты как?

— В смысле «Камасутры»?

— Нет, вообще.

— Вообще хорошо.

— Сейчас работы у тебя поменьше, снег сошел, махай себе метлой, одно удовольствие.

— Ага, — кивнула я, пытаясь понять, что это Дуське вздумалось заговорить о моей работе.

— Слышь, помоги мне, а? — вдруг попросила она жалостливо.

— А чего надо-то? Денег взаймы?

— Не-а, с деньгами у нас нормально. Мой-то на инвалидности, пенсия приличная, и на прежней работе ему деньги выплачивают, он ведь там трудоспособности лишился. У него вторая группа, нерабочая...

— Дуська, чем помочь-то? — не выдержала я.

— Так я и объясняю. У него вторая нерабочая и в деревне дом. От матери остался. Сезон начался. Его к земле и потянуло. Грядки там, картошечку посадить, огурцы...

— Хочешь, чтоб я тебе грядки вскопала? Ладно, приеду в выходной...

— Да нет, — махнула Дуська рукой. — То есть приезжай, конечно. Отдохнем, в баньке попаримся. Я тебе всегда рада.

— Ты скажешь, наконец, чего тебе от меня надо?

— Не могу я мужика в деревню одного отпустить. Там баб немерено, а мужики пьянь на пьяни. И тут мой. Охнуть не успеешь, какая-нибудь пристроится. Его к земле тянет, а мне-то на работу. Конечно, можно бросить, мужик дороже, но уж больно не хочется место терять. Такое место я нашла, Фенечка. Два раза в неделю хожу убираться у дядечки-пенсионера. Дядечка хороший: пыль протерла, полы помыла, ванну почистила — и всех делов. А платит очень прилично. Меня к нему через фирму устроили, «Добрые руки» называется. Само собой, можно бы отпуск взять, но ведь пошлют кого-нибудь вроде бы на время, а может выйти, что навсегда. Помоги, а?

— За тебя убираться, что ли? — наконец-то дошло до меня.

— Ага. Деньги, само собой, себе возьмешь. Мы за май все посадим, обустроимся, а уж в июне я

сама работать стану, буду ездить сюда два раза в неделю. Далековато, конечно, но что делать. Уж я на все-то лето тебя не прошу, только на месяц.

— Без проблем, — пожала я плечами. — Если старичок твой возражать не будет.

— А чего ему возражать? Я его и не видела ни разу. Он мне по телефону позвонил, объяснил, что и как. Я прихожу, ключи под цветочным горшком возле крыльца, убираюсь и там же ключи оставляю. А деньги он на тумбочку кладет под телефоном.

— А пенсионер твой в это время где бывает?

— Кто ж его знает? По мне, так лучше, что его нет. Звонит иногда на свой телефон домашний, если что сказать надо.

— Так с чего ты взяла, что он старичок?

— Так в фирме сказали. Семьдесят четыре года, пенсионер. Яков Иванович. И голос у него такой... старческий, говорит с трудом, вроде как задыхается.

— Задыхается, а дома не застанешь, — проворчала я, скорее из вредности.

— Может, на прогулку уходит, там сосны, воздух полезный. Мне мешать не хочет. А может, и работает где. Дом-то богатый.

— Ладно, давай адрес. И о старичке не беспокойся. Буду содержать его в чистоте и порядке.

— Спасибо тебе, Фенька. Я знала, ты не откажешь. — Попричитав еще немного о моем добром сердце и большой своей любви ко мне, Дуська отбыла восвояси, снабдив меня адресом и необходимыми инструкциями.

Так я стала дважды трудящимся человеком: дворником и домработницей. Про свою вторую профессию я едва не забыла. Вернулась в девять утра домой с родного участка, встала под душ, и

тут меня осенило, что сегодня вторник и в десять я должна быть у старичка, если не хочу подвести Дуську. Чертыхаясь, я быстренько закончила омовения, впихнула в себя бутерброд, на ходу запив его кофе, и попыталась решить насущный вопрос: как добраться до микрорайона Лесной, где обитает дедушка. Общественным транспортом вовремя не успею. В общем, пришлось ехать на такси. Душевное спокойствие Дуськи было мне дороже, и незапланированные траты особого протеста не вызвали.

Такси подъехало через десять минут, а еще через полчаса я уже была в микрорайоне Лесной. Еще не так давно здесь находился пионерлагерь (помнится, я тут отдыхала в пятом классе). Потом его то ли продали, то ли решили, что детворе он без надобности, а землю отдали под застройку. Теперь двухэтажные коттеджи шли вперемежку со стареньким деревянными домами. Лесной хоть и получил статус городского микрорайона, но от города находился на приличном расстоянии. За мостом возле Загородного парка надо было свернуть налево и проехать еще километров пять. По словам Дуськи, проблем с транспортом не возникало, от Загородного каждые полчаса ходили маршрутки. Сосновый лес, рядом речка, оттого люди сюда потянулись не бедные, в чем я смогла убедиться, глядя в окно.

— Восемнадцатый дом должен быть справа, — сказал водитель, я кивнула.

Мы доехали до конца улицы, дорога сделала плавный поворот, и мы вновь оказались в лесу. Я решила, что нужный дом остался где-то позади, но тут в просвете между деревьями мелькнула красная крыша, а вскоре мы смогли увидеть и само здание. Точнее, поначалу только двухметровый

деревянный забор и часть второго этажа вкупе с крышей, высокой, крытой черепицей. На заборе рядом с калиткой был прибит номер «18».

— Ну вот, — сказал водитель. — Нашелся ваш дом.

Я расплатилась и направилась к калитке. Повернула ручку, калитка открылась, я ступила на дорожку, выложенную белым камнем, огляделась и присвистнула. Дом был очень старым. Двухэтажная дача, чудом сохранившаяся с дореволюционных времен. Странно, что я его не запомнила, хотя в то лето, когда я здесь отдыхала, вся округа была мною исхожена и обследована. Резное крыльцо, недавно подновленное, наличники, чуть в стороне двухэтажный флигель, слегка покосившийся от времени. За домом сад. Я увидела старенькие качели на железных цепях, они едва слышно поскрипывали.

— Родовое гнездо, — буркнула я и, признаться, старичку позавидовала.

Было в этом месте, да и в самом строении, нечто завораживающее. Я подошла к крыльцу и первым делом обратила внимание на большой цветочный горшок с чахлой геранью. Вынести ее на улицу явно поторопились. Ключ оказался на месте, длинный, из тусклого желтого металла, вместо брелока тесемка. «Должно быть, ключ — ровесник дома», — решила я и поспешила открыть дверь, прикидывая, что меня ожидает. Тут же возникло что-то вроде разочарования. Просторный холл с евроремонтом, от благородной старины ничего не осталось. Я прошлась по первому этажу. Суперсовременная кухня, просторная гостиная. В углу громоздкий резной буфет — все, что сохранилось от прежней обстановки. Туалет, кладовая и ванная. Широкая лестница на второй этаж. Две спальни,

одна явно нежилая, кабинет-библиотека. Мебель итальянская, с позолотой. Книжные шкафы пусты более чем наполовину. Роскошный стол и кресло. Компьютер отсутствовал. Впрочем, пожилые люди прекрасно обходятся без чудо-техники. Я, кстати, тоже. Тут ожил телефон, и я кубарем скатилась на первый этаж, успев снять трубку после третьего звонка.

— Евдокия Александровна, доброе утро, вы уже пришли?

— Доброе утро, — пробормотала я, решив не ставить в известность хозяина о том, что у него теперь другая домработница. Голос, безусловно, принадлежал пожилому человеку, к тому же страдавшему одышкой.

— Я вчера взялся готовить, да со своей вечной забывчивостью мясо проворонил, — продолжил старичок. — Вы уж, сделайте милость, сковородку почистите, я не успел.

— Конечно, конечно, не беспокойтесь.

— Вот и славно. Благодарю покорно, всего вам доброго.

— До свидания, — промямлила я и повесила трубку. — Пора приступать, — сказала громко, переоделась в шорты и футболку и пошла в кладовку за инвентарем. В тот день я потратила на уборку куда больше времени, чем планировала, и, признаться, изрядно устала. Наверное, оттого и не обратила внимания на некие странности, только отметила, что хозяин на редкость аккуратен. В доме образцовый порядок, не считая едва заметного слоя пыли на мебели.

Наконец-то, закончив уборку, приняла душ, тщательно сполоснула за собой ванну и отправилась восвояси, прихватив деньги, которые лежали под телефоном в холле.

Странности начались в пятницу, когда следовало сменить постельное белье. С этого я и начала, рассчитывая, что за время уборки белье успею выстирать в машине. Кровать, кстати, хозяин заправлял сам с аккуратностью, столь ему свойственной. Снимая наволочку с подушки, я обнаружила несколько волосков. Дело в общем-то обычное, и у молодых волосы выпадают, а уж что говорить о старике. Понятия не имею, с какой такой стати они меня заинтересовали. Выходит, старичок мой блондин и волосы носит довольно длинные. Я бы сказала, даже слишком, что для пожилых людей все-таки редкость. «Оригинал, — подумала я и тут же усмехнулась: — А может, волос все-таки не мужской, а женский, и здесь на днях ночевала блондинка». Эта мысль вызвала веселое фырканье.

Из спальни я перешла в гардеробную и в первый раз обратила внимание, что одежды у владельца дома до смешного мало. Два добротных костюма по моде двадцатилетней давности, три рубашки в полоску и клетчатый пиджак. Внизу на подставке ботинки на толстой подошве. Никаких теплых вещей. Пальто, шапки и шарфы начисто отсутствовали. Это показалось довольно странным. Я знала, как неохотно пожилые люди расстаются с привычными вещами. Годам к семидесяти в их гардеробе скапливается большое количество рубашек, джемперов, курток и прочего барахла, которое годами не носят, но упорно хранят. Тут я подумала о недавнем ремонте в доме. Распростившись со старой мебелью, хозяин вполне мог обновить свой гардероб и оставил лишь то, что счел нужным.

Из гардеробной я перешла в ванную. Как человек ответственный, открыла шкафчик с намерением протереть полки. Обязательный шампунь, кус-

ки мыла, бритва. Гель для бритья, недешевый. Что ж, хозяин такого дома вполне может себе позволить. В самой глубине шкафа стояли лосьон известной фирмы, дезодорант и одеколон. Очень дорогой, кстати сказать. Но удивило не это. Подобный аромат больше подошел бы молодому мужчине, причем далеко не каждому. Пожилые люди обычно консервативны, мой отец, к примеру, последние десять лет покупал одну и ту же туалетную воду, и никакие уговоры не помогали попробовать что-нибудь новое. Флакон был наполовину пуст, выходит, хозяин им пользовался, и это вовсе не чей-то случайный подарок, который он, не рискнув передарить, сунул подальше в шкаф, чтобы глаза не мозолил. Я еще раз принюхалась. Что ж, вкус у дядечки есть. Запах немного терпкий и, безусловно, эротичный. Какая, на хрен, эротика в семьдесят четыре года? Ладно, неизвестно, чем я буду себя поливать, если удастся дожить до таких лет. Однако взглянуть на старичка было бы интересно. Фантазия услужливо рисовала пожилого ловеласа, с лысиной, старательно замаскированной длинными волосами, а также маслеными глазками, которые с вожделением смотрят вслед девчонкам в коротких юбках. Но одежда в гардеробе, а главное, голос старичка данному облику не соответствовали. К тому же у дядьки явные проблемы со здоровьем. Стоило мне об этом подумать, как тут же кое-что показалось очень странным: отсутствие каких-либо лекарств. Мои родители намного моложе, но шкафчик на кухне забит до отказа таблетками, мазями и прочим аптекарским хозяйством. В спальне старика их точно нет, хотя пожилые люди стараются держать таблетки под рукой.

Уж если что западет мне в голову, то всерьез. Оттого я, оказавшись в кухне, довольно нахально

обследовала все шкафы. Даже у меня можно отыскать таблетки от головной боли. А этот, видно, чемпион по здоровью. Чего ж тогда задыхается? В ванной, что была внизу, никаких препаратов я тоже не нашла. Устроилась на стуле в гостиной, огляделась и наконец-то поняла, что смутило меня еще в первый визит. Запах. В квартире пожилых людей пахнет всегда специфически. Старостью, лекарствами, старой одеждой, обивкой мебели, газетами, прочитанными еще год назад, даже обоями. «В доме недавно делали ремонт», — напомнила я себе. Недавно? Пару лет назад как минимум. Одинокий старик, живущий в огромном доме...

Тут я посоветовала себе не увлекаться и вновь принялась за уборку. Однако мысли о странном дядечке все-таки вертелись в голове, и когда я во вторник явилась вновь, платяной шкаф нежилой спальни вызвал у меня интерес. Шкаф был заперт, но ключ торчал в замке. Свое неумеренное любопытство я предпочла именовать заботой о чистоте: пыль, как известно, скапливается не только на шкафу, но и в нем. Шкаф я открыла и первым делом обратила внимание на плащ, длинный, с подплечниками, который давным-давно вышел из моды. Он был застегнут на все пуговицы, и это показалось странным. Под плащом оказался мужской костюм терракотового цвета, в полоску. Нечто подобное я видела на днях в глянцевом журнале, и щеголял в нем Брэд Питт. Смело. И очень дорого, судя по названию фирмы. Еще два костюма в чехлах — черный и темно-серый. Фирма та же. У старичка неплохая фигура, брюшком он точно не обзавелся. Правда, костюмы, что висели в гардеробной, были размера на два больше. На полках второго отделения лежало белье, носки стопочкой

и прочие детали мужского туалета. Все темненькое, купленное в обычном магазине. Все новое. Майки вообще ни разу не надевали. А вот под ними... Под ними оказались три фирменных рубашки, с десяток галстуков, летняя рубашка в талию и несколько футболок-стрейч. Носить подобное мог лишь человек без комплексов или абсолютно уверенный в своей фигуре.

Стараясь разложить вещи точно так, как до моего вторжения, я размышляла о странностях чужого гардероба. Объяснение может быть простым: старичок вовсе не одинок, с ним живет или иногда здесь появляется молодой мужчина. Сын, внук, племянник — не важно. Лекарство дядя носит с собой, а меня никто не просил совать нос в его дела. При мысли, что я недавно копалась в чужом белье, сделалось стыдно. Я тут же дала себе слово больше ни к чему не прикасаться, если только этого не требуют мои обязанности.

Закончив уборку и покинув дом, я сунула ключи под горшок с геранью и направилась к остановке маршрутки. Не успела преодолеть сотню метров, как заметила женщину лет шестидесяти. Она стояла на тропинке, ведущей в лес, и с интересом смотрела в мою сторону. Возле ближайших кустов весело нарезал круги фокстерьер. «Хорошая возможность кое-что узнать о владельце дачи», — решила я, но, вспомнив недавние сожаления по поводу своего неуемного любопытства, посоветовала себе двигать дальше. Но тут женщина сама пошла мне навстречу и даже заговорила, а я сочла это знаком судьбы.

— Здравствуйте, — сказала она.

Я в ответ поздоровалась и улыбнулась.

— Вы родственница Якова Ивановича? — спросила женщина.

— Нет. Прихожу убираться.

— Так вроде женщина постарше приходила?

— Она сейчас в отпуске.

— А, вот оно что. Как здоровье Якова Ивановича? — Чувствовалось, что тетка не прочь поболтать, пока фокстерьер занят своими собачьими делами.

— Надеюсь, что хорошо, — ответила я. — Если честно, я его еще ни разу не видела.

— Вот как... — Мой ответ ее вроде бы удивил. — Он ведь почти не выходит.

— У меня ключи от дома, хозяин отсутствует, — коротко сообщила я и не удержалась от вопроса: — Он один живет?

— Один.

— И никто его не навещает?

— Да вроде нет.

— Давно он здесь?

— С зимы. Откуда-то с Севера приехал. Работал там. Овдовел. Дочка здесь жила, вышла замуж за иностранца. Квартиру свою продала, старика с собой зовет. А он не знает, то ли ехать, то ли нет. Возраст. И надо бы к дочери, но на чужбину страшно. Все распродал, а решиться не может, вот и снял дом.

— Так это не его?

— Нет. Это Ковригиных дача. Адвокат известный, должно быть, слышали? Старший помер, а сынок в Москве. Очень занятой человек, приезжать сюда ему некогда, а продавать не хочет, дачу еще прадед построил. Вот и сдает. Через фирму. А пока дача пустовала, я за порядком присматривала.

— Якова Ивановича часто видите?

— Да ни разу. Как заселился, позвонила, не надо ли чего, может, помощь какая. Он сказал, спра-

вится. Домработницу нанял. По телефону, бывает, разговариваем. Он болеет сильно, из дома не выходит, вот я и звоню иногда, мало ли что.

— А как же продукты? Он сам в магазин ходит?

— Племянник раз в неделю привозит.

— Вы с ним знакомы? — не унималась я.

— С племянником-то? Нет.

— Он на машине приезжает?

— Должно быть, так.

— То есть вы и машину не видели?

— Тут, милая, в каждом доме по три штуки, поди разберись, которая чья. А от дома с той стороны дорога есть, через лес, так что по улице ему и ехать ни к чему, через лес быстрее получится.

— Странно все-таки, что я его не застаю, — заметила я. — Если он почти всегда дома...

— Так, может, в поликлинику пошел, пожилой ведь человек, или еще куда...

— А здесь есть поликлиника?

— Нет. Мы к четвертой городской больнице относимся, туда и обращаемся.

Простившись с женщиной, я поспешила к остановке, размышляя над рассказом. Сплошная несуразица. Дуська у него работала три месяца, судя по всему, с тех самых пор, как он здесь поселился. И ни разу хозяина не видела. Соседи о нем тоже ничего не знают. Допустим, дядька к знакомствам не стремится, собирается на постоянное место жительства за границу... Занятный старикан, снял бы квартиру, зачем ему дом? В многоквартирном доме полно соседей, в случае чего есть к кому обратиться... А здесь сосны, тишина. Может, дядька с родиной прощается, родным воздухом хочет надышаться?..

Явившись в пятницу, я категорически запретила себе ломать над этим голову, однако, воспользо-

вавшись тем, что приехала чуть раньше, прошлась вокруг забора, якобы с намерением прогуляться. Сзади были ворота, а от них шла хорошо накатанная дорога, кое-где посыпанная щебенкой. Короткая, всего-то с полкилометра, она плавно огибала Лесной и выходила на шоссе. Интересно, есть ли у старика машина? Гараж точно есть.

Я вернулась к калитке и совершила еще одно путешествие, на этот раз вокруг дома. Металлические ворота гаража подогнаны плотно, ничегошеньки не разглядишь. Я направилась к крыльцу, и вдруг возникло чувство, что за мной наблюдают. Может, дядька сегодня дома остался, увидел меня в окно и теперь гадает, с чего меня носит кругами? Я подняла взгляд на окна. Занавески ни в одном не шелохнулись.

Я направилась к герани. Ключи лежали под горшком. Забыв о своем обещании, я первым делом направилась в гараж. В него можно попасть из дома. Металлическая дверь заперта, ключ в замке отсутствовал. Рядом еще дверь, за которой оказалось что-то вроде сарая. Здесь пылился сельскохозяйственный инвентарь и сваленная в углу старая резина. В задумчивости попинав ее ногой, я вернулась в дом. Тут раздался телефонный звонок, и я вприпрыжку устремилась в холл.

— Евдокия Александровна, — услышала я голос дядечки, выходит, он до сих пор о подмене не догадывается. Мы тепло поздоровались, и старичок продолжил: — На плите в кастрюле суп, вы его вылейте. Второй день стоит, испортился, наверное. Я сейчас в больнице, на дневном стационаре, дома не питаюсь.

— Хорошо, не беспокойтесь, — ответила я и, вешая трубку, поздравила себя с разгадкой. Оказывается, все просто. Старичок появляется здесь бли-

же к вечеру, оттого наше свидание с ним не состоялось. Но не три же месяца он на дневном стационаре? Впрочем, пенсионеры любят лечиться, это одно из немногих развлечений, когда тебе за семьдесят.

В тот день я закончила уборку часа в два, вышла на крыльцо, сунула ключ под цветочный горшок, и тут во мне заговорил дворник. После того как сошел снег, дорожку перед домом ни разу не мели. Прошлогодние листья вперемешку с ветками лежали вокруг, никем не потревоженные. Я вспомнила, что видела в сарае метлу, и поспешно вернулась в дом. Взяв в руки привычное орудие, я, насвистывая, подметала дорожку и очень скоро вновь поймала себя на ощущении, что за мной кто-то наблюдает. Внимание мое привлек флигель. Дуська предупреждала, что убираться в нем не надо, он уже много лет стоит нежилой, из-за крайней ветхости готовый развалиться в любую минуту. Хозяевам не мешало бы его отремонтировать или вообще снести.

Пристроив метлу возле стены, я направилась к флигелю. Покосившаяся деревянная дверь была заперта, но это меня не остановило. Я подошла к ближайшему окну и заглянула внутрь, сложив ладони козырьком. Просторная комната, совершенно пустая. На стенах обрывки обоев. Ничего интересного. Я подергала раму, подгнившую, давно не крашенную. Стекла звякнули, но рама не подалась. В соседнем окне была форточка, прикрытая неплотно. Я взгромоздилась на перевернутое ведро и смогла легко дотянуться до форточки. Открыла ее, с трудом протиснулась и опустила верхний шпингалет. Нижний отсутствовал. Я дернула раму на себя, и с третьей попытки она распахнулась, а я быстро вскарабкалась на подоконник. Прислуша-

лась. Тишина. Справа лестница на второй этаж, нескольких ступенек не хватало.

Я спрыгнула на скрипучий пол. Половицы прогибались под ногами, казалось, еще шаг, и я с треском провалюсь в подвал, если он был, конечно. Соблюдая осторожность, я стала подниматься по лестнице. Перила не являлись надежной опорой и раскачивались в такт моим шагам. Наконец я поднялась на второй этаж. Полукруглое окно, на досках пола темные пятна, потолок в одном месте провис. Подойдя ближе, я сквозь прохудившуюся крышу смогла увидеть кусочек неба. Напротив была дверь, двухстворчатая, когда-то выкрашенная белой краской. Я толкнула створку, обнаружила за ней еще одну комнату и растерянно замерла. Неподалеку от окна стояло старое кресло-качалка. Но не этот факт заставил меня застыть с открытым ртом. Кресло какое-то время покачивалось и вдруг остановилось. Я бросилась к нему. Кожаное сиденье еще хранило тепло человеческого тела, на ручке кресла лежала раскрытая книга. Антон Павлович Чехов. Первый том из собрания сочинений. На полу слой пыли, на нем отчетливо отпечатались следы мужских ботинок. Они вели к еще одной двери. Я кинулась туда, распахнула и убедилась, что во флигеле есть вторая лестница. Возле нее я как раз и стояла.

Спуск занял совсем немного времени. Я пыталась решить, что за чепуха происходит. Хозяин любит на досуге почитать Чехова, это нормально, даже если не вдаваться в размышления, почему он предпочел полуразвалившийся флигель библиотеке в доме. Допустим, он романтик, и атмосфера флигеля, переживавшего не лучшие свои времена, как нельзя лучше соответствует настроению владельца дачи. Но чего я не могла понять, так это

стремления сохранить свое присутствие в тайне. В конце концов, он мог делать все, что ему заблагорассудится, не вдаваясь в объяснения. Прятаться-то зачем?

Спустившись вниз, я оказалась напротив входной двери, подергала ее и смогла убедиться, что она заперта. Покидать флигель пришлось через окно. Скрывая следы своего вторжения, я ждала хозяйского окрика или вполне понятного вопроса: какого черта мне понадобилось в этой развалюхе? Однако я успела спрыгнуть на землю и даже вернуться к своей метле, а хозяин ничем себя не обнаружил. Я вошла в дом и, стоя в холле, громко позвала:

— Яков Иванович!

Тишина. Села на банкетку и задумалась. А старичок довольно шустрый. Пока я поднималась по одной лестнице, он спустился по другой, открыл входную дверь, запер ее, и все это совершенно бесшумно. Не дядечка, а прямо-таки Чингачкук какой-то. Он так дорожит своим одиночеством, что встречаться со мной не желает? Даже для того, чтобы устроить мне разнос за то, что я лезу туда, куда не просят?

Я вынула из уха сережку, спрятала в карман и отправилась обследовать дом. Если старик здесь, побалую его рассказом, что где-то потеряла свое украшение. Врать не пришлось. Дом был пуст.

— Куда ж ты делся, дядя? — пробормотала я, вышла на улицу, вооружившись метлой, обошла территорию и очень скоро обнаружила калитку. Она вела в лес. С внешней стороны забора ее не разглядеть, так что во время своей недавней прогулки вокруг владений пенсионера я не обратила на нее внимания. — Чудной старикан, — решила я и наконец-то отправилась восвояси.

Но мысли о таинственном старце не давали покоя. В тот же день я нанесла визит родителям и позаимствовала у папы старый полевой бинокль. Рано утром я уже была возле дома старика, выбрала подходящее дерево, с некоторым трудом взгромоздилась на него и начала наблюдать. Если дядька на дневном стационаре, в восемь утра ему надо быть в больнице. Отсюда до нее двадцать минут на машине, следовательно, максимум в 7.30 он должен покинуть дом. Хотя после вчерашнего то, что старичок сказал мне правду, вызвало большие сомнения.

В половине девятого стало ясно, что хозяин покидать дом не намерен. Дом, кстати, выглядел необитаемым, в окнах никакого движения. Шторы не задернуты, но сквозь плотный тюль мало что просматривается. Выдержав еще полчаса, я слезла с дерева и поздравила себя с тем, что я на пути в психиатрическую больницу. Нормальный человек по деревьям с биноклем наперевес не лазает. И это в то время, когда мой родной участок остался неубранным.

Беспокойство о своем рассудке и чувство ответственности за порученное дело гнали меня прочь от этих мест, а неуемное любопытство возрастало. Именно оно заставило меня переместиться к другой стороне дома, туда, где располагался гараж. Подходящего дерева здесь не нашлось, как назло, одни сосны, и я засела в кустах у дороги, рассудив, что если у дядьки машина, то выходить из дома ему без надобности, в гараж можно попасть и так.

Больше часа я томилась в кустах, уже решила бросить все это и двигать домой, как вдруг услышала шум мотора. Вслед за этим ворота начали открываться. Показался черный «БМВ» с тонированными стеклами. Я надеялась увидеть водителя,

который покинет машину, чтобы закрыть ворота, но меня постигло горькое разочарование. Ворота оказались автоматическими. Машина быстро набирала скорость, а я сосредоточилась на лобовом стекле, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Лица я толком не увидела, одно могла сказать наверняка: за рулем сидел молодой мужчина. Блондин. Волосы зачесаны назад и собраны в хвост. А еще он носил очки. Негусто. Стараясь разглядеть его физиономию, на номер машины я не обратила внимания и вспомнила об этом, только когда она проехала мимо. Тут я перевела взгляд и досадливо крякнула: задний номер точно специально заляпан грязью.

— Ладно, он сюда вернется, — утешила я себя, но в тот день не решилась просидеть в засаде еще несколько часов и поехала домой.

Утром следующего дня я уже в пять отправилась мести участок, а в семь была возле дома старика, заняв позицию в кустах. Три часа в засаде результатов не дали. Либо мужчина уже уехал, либо не планировал утром покидать свое убежище. Конечно, можно было напрячь Агатку и узнать, кто живет в этом доме. Но сестре пришлось бы объяснять, почему меня это интересует, — сделать что-то, не задавая вопросов, Агатка не в состоянии, а начни я объяснять, по какой причине меня интересует старик, сестрица забьет тревогу, и дорогие родственники отправят меня на прием к психиатру. В общем, оставалось уповать на то, что с загадкой старичка я справлюсь в одиночестве.

Конечно, по дороге домой я призывала себя к порядку. Во-первых, старца мог посетить племянник, о котором упоминала соседка. Возможно, он проводил здесь куда больше времени, чем ей каза-

лось, оттого его вещи и хранились в платяном шкафу. Нежеланию хозяина вступать в контакт с внешним миром тоже могли найтись вполне банальные причины. Во флигеле находился племянник, а вовсе не сам хозяин. Допустим, он решил понаблюдать за моей работой, а сбежал по причине врожденной деликатности, не желая вводить меня в смущение.

Явившись в очередной вторник, я металась по дому с пылесосом и ожидала телефонного звонка. На этот раз у Якова Ивановича никаких просьб не возникло, я отправилась на второй этаж и стала протирать письменный стол в кабинете. С некоторых пор он очень меня интересовал. Единственный ящик стола был заперт, а ключ отсутствовал, что, в общем-то, понятно. Хозяин мог хранить там документы, деньги и прочие ценности и принимал меры, чтобы домработница не проявляла излишнего любопытства. Конечно, мне и в голову не приходило попытаться открыть ящик подручными средствами. Это было бы слишком. На тумбочке, находившейся тут же в кабинете, стояла ваза. Обычная ваза с узким горлышком. Протирая ее еще в первый раз, я убедилась, что хозяин в ней держит всякие мелочи: мелкие камешки, пуговицы и даже монетки. «А почему бы и нет?» — подумала я и вытряхнула содержимое на стол. Так и есть, ключ средней длины, украшенный затейливой вязью, легко вошел в личинку, так же легко повернулся, и я открыла ящик.

Надо сказать, что, как только это произошло, я испытала угрызения совести. Любопытство любопытством, но это уже смахивает на воровство. И если хозяин заподозрит... в лучшем случае Дуська лишится работы. В общем, я решила заглянуть в стол, ни к чему не прикасаясь. В ящике не было

ни документов, ни иных бумаг или ценностей. Только диктофон. Забыв про данное себе обещание, я нажала кнопку «play» и услышала мужской голос:

— Да... слушаю... Здравствуйте, Иван Петрович. Очень рад, да... — Похоже на запись телефонного разговора, когда слышишь только одного собеседника. Голос был красивый, с хрипотцой, очень сексуальный. А потом возник другой, тоже мужской, который произнес: — Да, слушаю... здравствуйте, Иван Петрович... — вроде бы пытаясь воспроизвести чужую интонацию. Одну и ту же фразу повторяли и повторяли, и с каждым разом голоса становились все более похожи. Под конец я уже с трудом различала, где первый, а где второй.

В этот момент в дверь позвонили, а я едва не подпрыгнула от неожиданности. Торопливо перемотала ленту диктофона, вернула его на прежнее место, заперла ящик стола, бросила ключ в вазу и пошла открывать. Ощущения были не из приятных — как будто меня застукали на месте преступления. Копаться в чужих вещах — недостойное занятие, это я знала точно, а еще гадала, кто вдруг пожаловал. Может, сам хозяин? Такое впечатление, что он каким-то фантастическим образом узнал, чем я занята, и поспешил вмешаться. А что, если в кабинете установлена видеокамера и он действительно наблюдал за моими художествами? Получить нагоняй ох как неприятно, а тут еще Дуська... Если она вылетит с работы, спасибо мне точно не скажет. Я распахнула входную дверь и увидела соседку.

— Доброе утро, — с улыбкой произнесла та. Я улыбнулась в ответ и поздоровалась. — Яков Иванович дома? — продолжила она и, не ожидая приглашения, вошла в холл, с интересом оглядываясь.

— Нет. Он в больнице на дневном стационаре.

— Вот оно что... а я решила зайти, проведать старика.

Собственно, теперь, когда выяснилось, что хозяина нет, соседке следовало бы покинуть дом, но она явно была настроена иначе. Заглянула в кухню и начала рассказывать о бывших владельцах. История семейства меня не волновала, и я очень скоро начала томиться, но болтливая тетка не обращала на это внимания.

— Вы простите, — как можно вежливее сказала я. — Но мне надо работать. Вы не будете против...

— Вы работайте, работайте, может, я вам помогу чем?

Я решила: если избавиться от тетки нет никакой возможности, следует перевести разговор на жильца. Это было нетрудно, но никакими полезными сведениями я не разжилась, по той простой причине, что соседка о Якове Ивановиче ничего не знала. У меня появилось ощущение, что старичок занимал не только мое воображение, но и ее, и с целью удовлетворить любопытство она сюда и пожаловала. В общем, ситуация сложилась смехотворная. Я продолжала уборку, а болтливая тетка тенью следовала за мной. Поведав мне о хозяевах, она перешла на ближайших соседей. Конца не предвиделось. Я уже хотела, наплевав на вежливость, указать ей на дверь, но в последний момент почтение к возрасту пересилило, и я смирилась с судьбой, надеясь, что тетке в конце концов надоест слоняться за мной по дому и она уйдет.

Скажу сразу: дом в тот день мы покинули вместе. Я, сатанея от ее рассказов, заметно ускорилась и уборку закончила на час раньше. Тут возникла еще одна проблема. Прятать ключ при ней

я не решилась, вряд ли старик скажет мне спасибо, если о его тайнике под геранью будут знать соседи. Заперев дверь, я еще минут десять болтала с теткой, которая упорно не желала угомониться, изловчилась и наконец убрала ключ.

Мы направились к калитке, а я поглядывала на окна флигеля, стараясь делать это незаметно.

— А вот тут живу я, — сказала Клавдия Степановна (мы, разумеется, познакомились), кивком указав на дом из красного кирпича. — Может, зайдете? Чаю выпьем.

— Нет, нет, спасибо, — ответила я, и мы простились.

Быстрым шагом я продолжила путь, но свернула в ближайший переулок и бегом припустилась к дому Якова Ивановича обходными путями. Вскоре я уже стояла на крыльце. Приподняла горшок и смогла убедиться, что ключа под ним нет. Я надавила кнопку звонка и стала ждать. Если хозяин дверь откроет, у меня заготовлено объяснение: забыла деньги, они, как всегда, лежали под телефоном в холле. Однако дверь мне никто не открыл. Я прислушалась. В доме тишина. Не желая отступать, я достала мобильный, набрала номер и очень скоро услышала звонки за дверью. На них хозяин тоже не отреагировал.

Потоптавшись еще немного, я побрела к остановке, на ходу размышляя, что все это может значить. Судя по тому, как быстро исчез ключ из-под цветочного горшка, хозяин обретался где-то поблизости. Логично предположить, что во флигеле. Допустим, дядька нелюдим и предпочитает читать Чехова в одиночестве, любуясь соснами и осенним небом. Но вот диктофон... Если бы не визит соседки, я бы дослушала пленку до конца, а теперь гадай, что там еще было... Мужчина имити-

ровал чужую интонацию. Зачем? Если это не шутка, то, скорее всего, затевается какое-то жульничество. Оба голоса на диктофоне принадлежали молодым мужчинам и ничего общего с голосом Якова Ивановича не имели. Но если кто-то мастерски воспроизводит чужую интонацию, ему ничего не стоит имитировать голос старика. И тогда все становится более-менее понятным: и некие странности в доме, и нежелание хозяина общаться с кем-либо. Вот только с какой стати выдавать себя за пожилого человека? Хотя есть еще вариант: в доме живут двое мужчин, старик и тот самый блондин, которого я видела в «БМВ». Один из них или оба затеяли какую-то аферу. В этом я почти не сомневалась и вновь подумала: а не рассказать ли все Агатке? Она узнает фамилию человека, который снял дом, и что? Я представила лицо сестрицы, когда та услышит, что я залезла в чужой стол, и мысленно скривилась. Агатка наверняка скажет, что у меня крыша съехала от безделья и я выдумываю детектив на пустом месте. Может, так и есть. Но меня не покидала уверенность, что я имею дело с мошенником. И это в лучшем случае...

Агатке я так ничего и не рассказала, а часов в семь мне позвонила Дуська.

— Фенька, ты там с кем дружбу свела? — спросила она, поздоровавшись.

— Какую дружбу?

— Яков Иванович звонил. Говорит, что понимает страсть женщин поболтать, но он ищет этого... уединения и не хочет, чтоб соседи ему досаждали.

— Пусть ищет, — буркнула я. — Я-то здесь при чем?

— Ну... ему соседка позвонила, сказала, что это... заглянула в гости, с тобой очень мило время провела. Собиралась еще заглянуть и пирог при-

нести. Короче, дед недоволен, хоть и говорил со мной вежливо. Так что языком болтай где угодно, но только не в его доме. Еще сказал, что ты, то есть я, деньги забыла, просил не беспокоиться. Заберешь в следующий раз.

Следующего раза я ждала с нетерпением, но накануне того дня, когда я должна была прибыть в Лесной, вновь позвонила Дуська. В голосе ее была печаль, и причину своей печали она поведала незамедлительно:

— Яков Иванович к дочери уезжает, пока на две недели. Но, скорее всего, осенью переберется к ней насовсем. Придется мне работу искать. Вот непруха, такое место хорошее.

— А когда он уезжает?

— Сказал, завтра. Так что спасибо тебе за помощь. Да, бабки, которые тебе задолжал, он в фирме оставил. В конвертике. Я с дачи приеду, зайду к ним и тебе передам. Не поверишь, как место жалко. Никаких хлопот с хозяином, и деньги приличные. — Дуська еще немного поныла, и мы простились.

Итак, Яков Иванович уезжает к дочери. Что ж, это вполне соответствует тому, что соседка рассказывала. Вопрос: не связан ли его внезапный отъезд с моим любопытством? Старик вроде бы не заметил подмены, если звонил Дуське и ни словом не обмолвился, что вместо нее приходит кто-то другой. Или сделал вид, что не заметил. Если он находился во флигеле, то, конечно, все знал. Дуська вполне его устраивала, потому что никуда свой нос, в отличие от меня, не совала. А мое любопытство пришлось не по душе. Интересно, он действительно уехал или это предлог, чтобы вежливо от меня избавиться?

Следующим вечером я отправилась в Лесной. Возле дома оказалась, когда начало темнеть. Свет в окнах не горел. Скорее из упрямства я больше часа наблюдала за окнами и продолжала гадать, существовал ли старичок в реальности. А если мои догадки верны, кто в действительности скрывался в доме и зачем ему понадобилось упражняться с диктофоном? Не знаю, куда завело бы меня любопытство, но вскоре произошло событие, которое круто изменило мою жизнь, и я думать забыла о доме в Лесном и его странном обитателе.

И вот теперь, по прошествии четырех месяцев, я вновь слышу голос, который был записан на диктофоне, и принадлежит он Милкиному жениху. Я в этом абсолютно уверена. Тут еще некая мысль пришла в голову и так меня поразила, что я замерла посреди улицы, к большому неудовольствию прохожих, которые, обходя меня, косились не по-доброму.

За неделю до Милкиной гибели мы ездили к ее сестре и возвращались как раз через Лесной. Ехали по шоссе, а оттуда дом не увидишь, но я о нем вспомнила и рассказала Милке о таинственном обитателе. На мой взгляд, получилось увлекательно. Милка отреагировала неожиданно.

— Что за глупости? — хмуро спросила она. — Ты убиралась в каком-то доме? С какой стати?

— Я же тебе говорю, Дуська попросила.

— Ты все это выдумала.

— У меня сейчас один из редких приступов правдивости, — съязвила я.

— И что ты об этом думаешь? — Милка притормозила у обочины и теперь разглядывала меня с таким видом, точно видела впервые.

— Да ничего не думаю. Может, мы поедем? — хмыкнула я. — Ты вроде бы спешила.

— Дурацкая история. Зачем кому-то выдавать себя за старика?

— Меня больше интересует голос на диктофоне, — сказала я. — Будь я человеком с фантазией, решила бы, что ненароком забрела в логово мошенников.

— В какое еще логово? — рявкнула Милка.

— Это я образно.

— С ума с тобой сойдешь. — Она покачала головой, но машину завела и теперь смотрела на дорогу. Помолчала немного и вновь полезла с вопросами: — И что там было, на диктофоне? Я имею в виду, о чем говорили?

— Обычный телефонный разговор, — пожала я плечами.

— И никаких имен?

— Он к кому-то обращался по имени, но я его не запомнила. А вот голос... очень красивый, с хрипотцой. Когда у мужика такой голос, проблем с женщинами у него точно не возникнет.

— Так, может, он с этой целью и тренировался, чтоб на баб впечатление произвести? — хмыкнула Милка.

— Может, — кивнула я, не желая спорить.

— Нет, серьезно. Голос тебе знакомым не показался? Вдруг это какой-то актер?

— Гениальная версия, — заметила я.

— Но голос ты узнаешь, если услышишь?

— Конечно, я же сказала, бабы от такого голоса приходят в экстаз.

Милка смотрела на меня с сомнением, точно гадала, правду я говорю или дурака валяю.

— Нет, ты точно все это выдумала, — в конце концов заявила она, а я тяжко вздохнула.

— Хорошо. Выдумала. Девушка я покладистая, спорить не люблю.

— А где этот дом? — не удержалась Милка.

— Стоит на отшибе, старая дача за высоким забором.

— Хозяина зовут Яков Иванович, а фамилию не знаешь?

— Узнать не проблема. Только вот зачем?

— Ну... интересно все-таки. Вдруг ты не врешь.

— На тебя не угодишь, — проворчала я, и разговор на этом иссяк.

Стоя посреди улицы, я попыталась припомнить разговор с Милкой во всех подробностях, а беспокойство все нарастало. Подруга была любопытна, иногда до неприличия. Что, если она всерьез заинтересовалась обитателем дома в Лесном? А через несколько дней вдруг возник шантажист. В результате я получаю по голове, а Милка погибает. Если моя версия верна, на месте встречи должно остаться два трупа, второй — мой. Но я отделалась легким сотрясением мозга. Если меня оставили в живых, значит, опасности я, по мнению убийцы, не представляла. А вот Милка... Черт, неужто она в самом деле успела узнать нечто такое, что ее поспешили убить? Догадка, конечно, фантастическая. Одна существенная нестыковка: допустим, я права, и Милку выманили в глухое место в неурочное время вовсе не с целью получить деньги, а именно для того, чтобы уничтожить источник опасности, то есть мою любопытную подругу. Но ведь, по ее словам, она получила фотографию в подтверждение слов шантажиста. Откуда она вдруг у него взялась?

Сообразив, что стоять и дальше столбом нет никакого смысла, я ходко устремилась к дому, но

размышления продолжила. Голос... Я уверена, что на диктофоне слышала голос Берсеньева. Милка, само собой, об этом не знала. Но если кто-то интересовался ее любовником, то и моя подруга, безусловно, попала в поле зрения. Вот и ответ, как фото оказалось у убийцы. Допустим, за ней наблюдали и сделали компрометирующие фотографии. Милка попыталась разузнать что-то об обитателе дома в Лесном, что без внимания не осталось. Решив не рисковать, он или они решают вопрос кардинально. Берсеньев человек богатый, враги у него, безусловно, есть. Что они там затевают, неясно, но, скорее всего, речь идет о деньгах, а когда в ходу большие деньги, человеческая жизнь — пустяк. Это что же получается: если бы не моя болтовня, то есть история, которую я некстати вспомнила, Милка была бы жива? От этой мысли мне стало не по себе. Узнай Милка о том, что против ее будущего супруга зреет заговор, наверняка бы поделилась с ним. Если так, то он просто обязан рассказать об этом следователю. Судя по тому, как он вел себя сегодня, ни черта он не знает. Берсеньев уверен, что Милка поехала на встречу с шантажистом, то есть знает лишь то, что ему сказали менты, а ментам, соответственно, я. Они будут искать шантажиста, и куда эти поиски заведут — еще вопрос. Тут еще одна мысль явилась как по заказу: Берсеньев едва не погиб несколько месяцев назад. Так ли случайна была автомобильная авария? Тут я призвала себя к порядку. Чтобы его убить, вовсе не обязательно тащиться на другой конец света, и здесь бы пристрелили за милую душу. Хотя... случись такое здесь, установить человека, которому это выгодно, труда не составит. Допустим, знать и доказать — две большие разницы, но риск, конечно, есть. То

ли дело Венесуэла, несчастный случай с туристами. Кому надо ломать над этим голову? Милка вытащила любимого буквально с того света... Устрой они сейчас повторную аварию, и младенцу будет ясно, что здесь дело нечисто. Враги решили выждать, и тут Милка внезапно проявляет любопытство. Если она не поделилась своими догадками с Берсеньевым, значит, ничего существенного обнаружить не успела, но гарантий, что она не проболтается жениху, не было, а он запросто мог увидеть опасность там, где Милка ее пока не разглядела, потому что о своих делах и врагах знал куда больше, чем она.

К моменту, когда добралась до своего дома, я уже была уверена в правильности своих умозаключений. Назрел вопрос — что с этим делать? Вроде бы ясно: идти в милицию. Только как там отнесутся к моему рассказу? Несколько дней назад я убеждала их в существовании шантажиста, и они мне поверили, по крайней мере, взяли за основу эту версию, хотя, как выяснилось, пока подтвердить ее могу только я. И вдруг я рассказываю им историю, еще более сомнительную и абсолютно бездоказательную. Первый вопрос, который мне зададут: уверена ли я, что на диктофоне был записан голос Берсеньева? Я-то уверена, но они вряд ли с этим согласятся. Моя убежденность, что Милка что-то там накопала, и вовсе вызовет недоумение. Да, я рассказала о доме в Лесном, и что? Но если я права и Милка действительно проявила любопытство, я об этом узнаю, по крайней мере, попытаюсь. Пусть менты и дальше ищут шантажиста, а я займусь Яковом Ивановичем. И если мои догадки подтвердятся, отправлюсь к следователю, но не с пустыми руками. Тут бы, конечно, не худо вспомнить, что Милка как раз из-за желания вы-

яснить, кто же такой Яков Иванович, по моей версии, и лишилась жизни, но если подобные мысли и приходили в голову, то на мои намерения повлиять не могли. Упрямства мне не занимать, и, раз решив что-то, я редко отступаю. А здесь речь шла о моей подруге, и то, что я стала невольной виновницей ее гибели, счастья мне не прибавляло. Зато укрепило в желании найти убийцу.

Внезапно в голову пришла мысль: если вокруг Берсеньева что-то затевается, не худо бы его предупредить. На самом-то деле я просто обязана это сделать. Вопрос, как? Допустим, я встречусь с ним и расскажу о диктофоне, ну и о моих догадках тоже. Он либо поверит... либо нет. Вот я бы, к примеру, поверила? Черт знает, я не бизнесмен, на мои деньги никто не зарится по причине их отсутствия. А вот он-то должен знать, кто на его каравай рот разевает. Если так, то поверит или хотя бы примет к сведению. Или заподозрит, что я ему голову морочу с неясной целью. Он дал понять, что в гибели Милки считает виновной меня, так что неизвестно, до чего додумается, услышав абсолютно бездоказательный рассказ. Настучит на меня ментам, а те решат, что я ввожу следствие в заблуждение, а этому, конечно, должна быть причина. И я из свидетеля, вероятно, вновь перекочую в подозреваемые. Мама с папой мне спасибо не скажут. Можно просто намекнуть ему, не вдаваясь в рассуждения, а там — кто предупрежден, тот вооружен. Остается решить: стоит ли задействовать Агатку? Сестрица у меня дока по части чужих секретов. Одно худо — очень часто напоминает слона в посудной лавке. Будет нужда — расскажу, а пока попробуем использовать ее втемную.

Решив так, я зашагала веселее и вскоре уже входила в подъезд своего дома, прикидывая, какие

шаги следует предпринять, то есть как половчее приступить к расследованию. Находясь в большой задумчивости, я толкнула дверь и увидела Славку. Он как раз появился из кухни. Улыбнулся мне, но тут же скроил постную мину, а я досадливо поморщилась. Визит его некстати, но ведь ему об этом не скажешь. Прежде чем приступать к расследованию, придется на время от него избавиться, потому что совать нос в чужие дела он мне не позволит, будучи уверенным в том, что это опасно.

— Как настроение, не спрашиваю, — вздохнул он.

— Ага, — кивнула я, вошла в свою комнату и устроилась на кушетке. Славка сел в кресло, стоявшее рядом, косился на меня с унылым выражением на физиономии, а я делала вид, что этого не замечаю.

— Я подумал, что сейчас тебе лучше одной не оставаться, — сказал он.

— Зря, — сказала я.

— Что? — не понял Славка.

— Зря подумал. Я собиралась предаться размышлениям о бренности всего сущего. Делать это лучше в одиночку.

— Все-таки у тебя странное чувство юмора, — с обидой заметил он.

— Просто я его не сдерживаю.

— Иногда я не в состоянии понять, в шутку ты говоришь или серьезно.

— Ты не одинок, я тоже иногда не понимаю.

— Хочешь, чтобы я ушел?

— Нет.

— Правда?

— Если я отвечу честно, ты обидишься. Так что лучше соврать.

— Хорошо, я уйду, — сказал он, продолжая си-

деть в кресле. — Ты уверена, что хочешь остаться одна?

— Не занудствуй, — попросила я.

Славка все-таки поднялся и шагнул к двери. Только я собралась вздохнуть с облегчением, как он вернулся.

— Ты хотела, чтобы я узнал о делах Берсеньева.

Я тут же приподнялась и уставилась на Славку с большим интересом. Довольный произведенным эффектом, он устроился в кресле.

— Ну, — поторопила я.

— По мнению людей, которым я склонен верить, дела его идут прекрасно. У него стабильный бизнес, хороший доход. Берсеньев собрал отличную команду. Когда он после аварии не мог участвовать в процессе, это на общем положении дел никак не сказалось, что лишний раз подтверждает: бизнес отлаженный, и люди работают как часы. Он осуществляет общее руководство, и торчать в офисе сутками ему нужды нет.

— Я поняла. Сотрудники и без него прекрасно справляются, правильно?

— Конечно, это не совсем так, но...

— Что еще? Есть у него, к примеру, враги?

— Нет. И даже прямых конкурентов нет, он занял свою нишу... То есть, возможно, враги и есть, но к бизнесу они отношения не имеют.

— И никто на чужой кусок пирога не зарится? — на всякий случай уточнила я.

— Ни о чем подобном не слышал. Хотя... я в свое время тоже благодушествовал, пока не появились в моей жизни два полковника ФСБ. Мужики в преддверии пенсии намеревались найти местечко потеплее, и им приглянулась моя фирма.

— И что?

— Ничего. Но это стоило нервов.

— Но у Берсеньева похожей ситуации не возникало?

— По крайней мере, ни о чем подобном не слышал, хотя интерес, как ты понимаешь, проявил.

— А о его личной жизни что говорят?

— С женщинами он чересчур мягок, бабы из него веревки вьют. — Тут перед моим мысленным взором предстал Берсеньев, и я подумала, что вить из него веревки мне бы было не под силу. Впрочем, возможно, впечатление обманчиво, и свежие шрамы придали ему вид морского волка, которому сам черт не страшен, а в глубине души он податлив и нежен.

— И это все? — подождав немного и ничего не дождавшись, спросила я.

— А чего ты хочешь? — обиделся Славка. — Чтоб я узнал всю его подноготную?

— Было бы здорово, — вздохнула я.

Славка еще немного потомился в кресле, попытался завести разговор о моем душевном состоянии после похорон подруги, нарвался и, наконец, побрел в неизвестном направлении. Хотя это я, конечно, преувеличиваю. Отправился он не куда-нибудь, а к себе домой и просил незамедлительно звонить, если возникнет нужда в его помощи и поддержке.

Закрыв за ним дверь, я набрала номер Дуськи.

— Деньги у соседки взяла? — сразу же задала она вопрос.

— За деньги спасибо. Я тут нашего старичка вспоминала...

— Якова Ивановича? Золотой был дядечка, никаких с ним хлопот.

— Ты о нем больше ничего не слышала?

— Так ведь уехал он, к дочке в Германию.

— Точно уехал? Может, погостил и назад вернулся?

— Ну, должно быть, не вернулся. Я же тебе рассказывала. Он предупредил, что уезжает на две недели. А уж потом из фирмы позвонили и сказали, что насовсем уехал.

— Это я помню, — перебила я, зная страсть Дуськи повторять одно и то же раз по десять. — Когда тебе из фирмы звонили?

— В начале июня, кажется.

— Ты случайно не в курсе, как он снял дом в Лесном? Через фирму или по частному объявлению? Может, хозяева дачи — его знакомые?

— Не знаю, — подумав, ответила Дуська. — Да и откуда мне? Я ж его ни разу не видела, и по телефону он болтать не любитель. Скажет, что надо, и до свидания. А чего ты вдруг его вспомнила?

— Знакомый дом присматривает, — соврала я. — Вот и хотела узнать, может, дачу продадут или сдадут хорошим людям?

Мы поболтали еще минут десять, толку от этого было мало, Дуська повторила лишь то, что я и без нее хорошо знала. Однако дядечка обращался в фирму с просьбой найти ему уборщицу, а значит, хоть один раз, но должен был там появиться, заключить договор. Конечно, возможны варианты, например, переслали текст по электронной почте, он его подписал и вернул назад, а потом перечислил деньги за услугу, но я рассчитывала, что, поскольку сервис в нашем городе хромает, ему все-таки пришлось явиться самому. На дом он точно должен был взглянуть, прежде чем снять, а это значит — дядечка виделся с агентом.

Воодушевленная этими соображениями, я отправилась в фирму «Добрые руки», адрес которой дала Дуська. Поначалу я хотела ехать на общест-

венном транспорте, но тут вспомнила, что стала счастливой обладательницей «Мерседеса», и, мысленно поблагодарив Славку, принялась искать ключи от машины. Они нашлись в ящике комода, и я поспешила на улицу Северную.

На дорогу ушло минут пятнадцать. Фирма располагалась в цокольном этаже многоэтажного дома, вывеска была скромной, помещения под стать вывеске: две небольшие комнаты, в которых обретались две симпатичные девушки и мужчина лет тридцати. Он одарил меня счастливой улыбкой, лишь только я возникла на пороге.

Я решила пустить в ход свое обаяние, заняла кресло напротив, на предложение выпить кофе или чаю ответила отказом и сообщила, что очень рассчитываю на помощь Льва Григорьевича (имя мужчины значилось на табличке, украшавшей его письменный стол). Он поинтересовался моим именем и заверил, что помочь мне — его прямая обязанность. Должно быть, моя красота не осталась незамеченной: Лев Григорьевич старался произвести впечатление и охотно отвечал на вопросы, при этом не поинтересовавшись, с какой стати я их задаю.

— Дом в Лесном? Как же, помню, помню. Мы рекомендовали очень хорошего работника. Молодая женщина, никаких нареканий...

— Скажите, Лев Григорьевич, хозяина дома вы видели? Он сюда приходил?

— Племянник. Объяснил, что дядя у него пожилой человек, нуждается в помощи. Мы предлагали взять домработницу на полный день, чтобы готовила, стирала и вообще приглядывала за стариком, но молодой человек сказал, что приходящей уборщицы будет достаточно. А для нас пожелание клиента — закон.

— Вы сказали, «молодой человек»...

— Ну, не то чтобы совсем молодой... лет тридцать семь — сорок. Приятный мужчина, интеллигент... и забота о пожилом родственнике вызвала уважение.

— Блондин? — спросила я.

— Что?

— Племянник, о котором вы говорите.

— Нет. Волосы темные, очки... оправа такая, немного старомодная, может, она возраст ему и прибавляла.

— Договор вы заключали с ним?

— Да.

— И у вас сохранились его паспортные данные? — широко улыбнулась я.

Лев Григорьевич посмотрел укоризненно.

— Ефимия Константиновна, вы должны понимать: для того, чтобы я согласился разглашать паспортные данные моих клиентов, должны быть веские основания.

Я выдала свою лучшую улыбку.

— И на сколько тянут веские основания?

Лицо его приобрело страдальческое выражение.

— Вы меня разочаровали.

— Не вы первый, не вы последний, — пожала я плечами. — Так на сколько?

Он перегнулся ко мне и произнес вкрадчиво:

— Вы так и не потрудились сообщить, почему задаете эти вопросы.

— Тут вы правы. Утруждать себя я не люблю.

— А что вы делаете сегодня вечером? — усмехнулся он.

— Ужинаю с вами, если вы не против. Лучший ресторан. За мой счет.

— Куда катится наш мир, — попенял он. —

Женщина платит за ужин... давайте будем консервативны.

— Давайте, — не стала я спорить. — Хотите, перейдем на «ты»? Это способствует зарождающейся дружбе.

— Еще бы не хотеть. Вам известно, что вы очень красивая девушка?

— Мне говорили, — кивнула я. — Так мы на «ты»?

— Ладно, — улыбнулся Лев Григорьевич и решил заглянуть в свой компьютер.

Я продолжала сиять, всем своим видом стараясь внушить мысль о моей бесконечной благодарности и как следствие неземном блаженстве. Само собой, ему предстояло во мне разочароваться, но не сейчас.

— Ну вот, — сказал он, заработал принтер, и через несколько секунд я получила паспортные данные племянника старичка. Сложила лист бумаги пополам и поторопилась убрать в сумку.

— Что еще я могу для тебя сделать? — спросил он.

— Как здорово, что ты об этом спросил. Случайно не знаешь, что за фирма занималась сдачей дома в аренду?

— Случайно знаю, — сказал он.

— И сообщишь мне?

— А что мне за это будет?

— Боюсь, что ничего, — шепнула я. — Слишком много народу по соседству.

Он опять засмеялся.

— Фирма «Твой дом», специализируются на продаже и аренде дорогих домов и зачастую рекомендуют нас своим клиентам.

— Спасибо, — сказала я, поднимаясь. — Долги-

ми зимними вечерами я буду вспоминать тебя с любовью и благодарностью.

Он протянул мне свою визитку.

— Если тебе вдруг станет скучно, звони.

— Непременно, — заверила я. — За мной ужин в ресторане.

Я спешно покинула кабинет под взглядом Льва Григорьевича, в котором была легкая грусть. «Мир не без добрых людей», — думала я, направляясь к своей машине. Села в водительское кресло и достала листок бумаги с данными племянника. Паринов Юрий Алексеевич. Паспорт выдан три года назад, зарегистрирован в поселке Котлы. Если память не изменяет, это в пятидесяти километрах от города. Почему бы не навестить человека? Но для начала стоит заглянуть в риелторскую фирму «Твой дом».

Я позвонила в справочную службу и узнала адрес. Мне повезло: «Твой дом» находился всего в нескольких кварталах, в бизнес-центре «Северный». Бросив машину на стоянке, я минут пять потратила на поиски нужной таблички, брела длинным коридором с одинаковыми дверями под орех, пока не встретила деятельного вида даму в строгом костюме и настороженным взглядом. Она милостиво объяснила, что нужная мне фирма находится в другом крыле здания. Для того чтобы в него попасть, надо вновь оказаться на улице и зайти со стороны троллейбусной остановки.

Так я и сделала и вскоре увидела вывеску на фасаде. Ни скромностью, ни вкусом она не отличалась, а я вдруг подумала, что запас везения на сегодняшний день может быть исчерпан и здесь разговаривать со мной не захотят. Однако попытать счастья стоило. Я вошла и увидела девушку лет

двадцати, она поднялась мне навстречу из-за высокой стойки и спросила с улыбкой:

— Чем могу помочь?

Все просто рвались мне помогать.

— Хочу поговорить об аренде дома, — заявила я.

Девушка окинула меня взглядом с ног до головы. Одета я для потенциального клиента не совсем подходяще, зато смотрю с вызовом. Девушка, чуть замешкавшись, повела меня к ближайшему кабинету.

— В настоящее время почти все агенты заняты с клиентами, — сказала она. — Может, с вами Екатерина Андреевна сможет поговорить.

Против Екатерины Андреевны я не возражала, хотя предпочла бы мужчину, желательно не старого и любителя блондинок. Девушка кивком предложила мне подождать, юркнула за дверь без таблички, через полминуты появилась вновь, дверь распахнула пошире и предложила:

— Проходите.

Я вошла и тут же решила, что время потрачено впустую. За столом сидела женщина лет сорока. Пепельные вьющиеся волосы, темные глаза, густо накрашенные ресницы. Косметика и костюм дорогие, а вид между тем дешевый. Такие тетки девиц вроде меня на дух не выносят. Однако деваться некуда, и я отважно шагнула в кабинет.

— Здравствуйте, Екатерина Андреевна, — пролепетала я, изображая безграничное счастье оттого, что нас свела судьба.

— Присаживайтесь, — скупо улыбнулась она. Такая улыбка давала понять, что время хозяйки кабинета стоит денег и понапрасну их транжирить она не намерена. Следовало срочно что-то придумать.

— Моя фамилия Ломакина, — сообщила я, по-

низив голос, как будто это являлось страшной тайной. — Адвокатская контора Завьяловой Агаты Константиновны. — Иногда не грех козырнуть именем сестрицы. Не то чтобы все жители нашего города впадали в трепет при звуках этой фамилии, но все ж таки она была известной, и я питала слабую надежду, что Екатерина Андреевна не выпроводит меня сразу, а для начала выслушает. Но в тот день удача стойко держалась по соседству. Женщина слабо охнула, всплеснула руками и заулыбалась:

— Вы работаете у Агаты Константиновны?

— Я ее помощница. И родственница. Близкая.

— Да что вы говорите! Я ей очень благодарна. Год назад я разводилась с мужем и... впрочем, не важно. Хотите дом снять? Или купить?

— Вообще-то меня привело сюда очередное дело. Агата Константиновна очень рассчитывает на вашу помощь.

Женщина нахмурилась, демонстрируя повышенное внимание, а я быстро, пока она не пришла в себя, изложила свою просьбу.

— Этот дом в Лесном с июня сдать не можем, — пожаловалась Екатерина Андреевна. — Место, конечно, неплохое, но хозяева просят дорого. Я пыталась объяснить, что цену надо бы снизить, но... Сейчас особого спроса на такие дома нет. Так что вас интересует?

— Человек, который снимал этот дом весной. Вы с ним встречались?

— Конечно. То есть не со стариком, что жил там, а с его племянником.

— Как он выглядел?

— Интересный мужчина, обходительный, интеллигентный. Может, и не красавец, но такой... приятный, одним словом.

— А возраст?

— Мой ровесник, — туманно ответила Екатерина Андреевна. — Он пришел... в середине февраля. Точно. Сказал, что ищет дом в пригороде. Чувствовалось, он хорошо знает, что ему нужно. Огороженная территория, хороший подъезд, желательно, чтобы здание стояло в лесу, от соседей подальше. Я сразу же о Лесном подумала, сама его туда возила. Ему понравилось, он спросил, какова цена, и мы сразу заключили договор. Торговаться не стал, заплатил за полгода вперед, как хотели хозяева. На следующий день я передала ему ключи, а он пригласил меня ужинать. За ужином разговорились, и он сообщил, что дом снял для своего дяди. Пожилой человек мечтает об уединении. Я еще удивилась — великовато жилье для одинокого пенсионера. Но Юра, то есть Юрий Алексеевич сказал, что старик с причудами, жить привык на широкую ногу, в средствах не стеснен и при этом нелюдим. Пишет книгу воспоминаний, оттого и хочет побыть в одиночестве. Юра сам из области, хорошо устроен в жизни, одинок, старика взял бы к себе с радостью, но тот наотрез отказался.

— С Юрием Алексеевичем вы после этого встречались?

— Всего один раз, — не без грусти ответила Екатерина Андреевна. — В начале июня он зашел вернуть ключи и объяснил, что дядя уехал к дочери в Германию.

— И больше вы не виделись?

— Нет. Я один раз ему позвонила, но телефон был отключен, — добавила она со вздохом.

— Не удивляйтесь моему вопросу. Были у него какие-нибудь характерные приметы? Родинка или шрам?

— Нет, ничего такого не припомню. Выше сред-

него роста, спортивный, хорошая фигура, одет со вкусом, темные волосы, длинные, зачесаны назад, глаза светлые, серые... очень красивые глаза. В общем, симпатичный. Никаких украшений, только часы... дорогие.

— Ксерокопию его паспорта вы не делали?

— Нет, зачем?

— А смотреть дом ездили на его машине или на вашей?

— На его. «БМВ» черного цвета. «Семерка».

— На номер внимания не обратили?

— Нет. Что он натворил? Неужели жулик?

— Что вы, — успокоила я. — Речь идет о наследстве.

— Дядюшка умер? — ахнула Екатерина Андреевна.

— Да, — легко похоронила я Якова Ивановича. — Теперь вот разыскиваю родственников. Странно, но его дочь не знает адреса троюродного брата.

— Так он в договоре есть, — обрадовалась Екатерина Андреевна. — Сейчас посмотрю в компьютере.

Паспортные данные и адрес были те же самые, в этом я смогла убедиться через несколько минут.

— Видимо, дочь с троюродным братом не особенно дружили, — сказала я.

— Такое бывает, — махнула рукой Екатерина Андреевна. — Если встретитесь с ним, передавайте привет. — В этом месте она вновь вздохнула, а я решила, что Юрий Алексеевич оставил заметный след в ее душе.

— Скажите, а никто в последнее время этим домом не интересовался? Может, о жильце вас расспрашивал?

— Нет, — пожала плечами женщина.

— Спасибо вам огромное, — сказала я, поднимаясь.

— Не за что. Кланяйтесь Агате Константиновне.

— Непременно.

Я выскользнула из кабинета, прикидывая, стоит ли позвонить Агатке или лучше нанести ей визит. Сестрица у меня трудоголик и сейчас, скорее всего, в офисе. Я набрала номер, короткие гудки были мне ответом. После третьей попытки я чертыхнулась и поехала к сестре.

Агатка окинула меня тревожным взглядом и спросила:

— Есть новости?

— Кланяется тебе Екатерина Андреевна.

— Какая еще Екатерина Андреевна?

— Тебе лучше знать. Фирма «Твой дом».

— Кланяется, и что?

— Не худо бы разузнать все возможное об этом типе. — Я положила листок бумаги с данными Паринова на стол. Сестрица пробежала глазами написанное и на меня уставилась.

— Он имеет отношение к Милке?

— Может, и имеет, — кивнула я.

— Узнаем, — заверила сестрица с хитрой улыбкой. Преступники всего мира должны бы были содрогнуться. — Настроение хреновое?

— Как же без этого?

— Понятно. А я проявила интерес к Берсеньеву.

— И что?

— Отзывы самые положительные.

— О его отвергнутой пассии что-нибудь известно?

— Известно, что она есть, зовут ее вроде бы Наташа...

— Не густо, — покачала я головой.

Агатка вздохнула.

— Придется обращаться к ментам. С Берсеньевым беседовали, их девица должна была заинтересовать как возможный подозреваемый.

— Ну так обратись, — кивнула я. — У Берсеньева, кстати, есть алиби на ночь убийства?

— Был дома. Спал в одиночестве. Хотя, по его словам, вечер, а также ночь они планировали провести с твоей подругой. Но в обед Милка сказала, что мать чувствует себя неважно и она останется с нею. Он ей несколько раз звонил на мобильный, но телефон был отключен.

Я пожала плечами.

— Вполне возможно. Милка вряд ли хотела вступать с ним в разговоры. А домой он не звонил?

— Звонил около девяти, Милка сказала, что с матерью все нормально, но она все равно у нее останется.

— А на мобильный он звонил до или после девяти?

— Последний раз часов в одиннадцать. Так как она не отвечала, решил, что она легла спать, и более не беспокоил.

— В одиннадцать она ждала меня возле гастронома, — вслух подумала я. — Алиби у него, по сути, нет.

— Повода ее убивать тоже. Он живет на третьем этаже, в доме консьерж, который утверждает, что мимо него мышь не проскочит. Ночью у соседей, что над Берсеньевым живут, трубу в туалете прорвало, они его малость затопили. Так что в половине третьего он точно был дома, это подтверждают и соседи, и консьерж.

— В доме только один выход?

— В доме подземный паркинг, но там охрана на выезде и видеокамеры. В подъезде, кстати, тоже.

Не мог он дом незаметно покинуть, в общем, есть у него алиби. А вот мотива нет.

— Чухонка, — напомнила я, скорее из вредности.

— Он решил убить твою подругу, чтоб вернуться к прежней пассии? С какой стати? Мог бы просто послать ее подальше.

— Может, совесть не позволяла.

— А против того, чтоб ее утопить, совесть не возражала. Фимка, — помолчав, позвала Агата. — Он тебе чем-то не приглянулся?

— Нормальный мужик, по-моему, — пожала я плечами.

— Тогда в чем дело?

Я подумала, стоит ли рассказать Агатке о странном обитателе дома в Лесном и диктофоне с голосом Берсеньева, и решила, что рановато. Не впечатлится Агата Константиновна моим рассказом. Голос — это только голос, и слышала я его несколько месяцев назад. Могла и напутать.

— Его внешний облик как-то не стыкуется с рассказами Милки, — ответила я уклончиво.

— То есть? — нахмурилась сестрица.

— Ну, по ее рассказам, — заунывно начала я, — Берсеньев парень мягкотелый, метался от одной бабы к другой, завел подружку на стороне, а Милке об этом сказать боялся. Пока она, заподозрив неладное, его мобильный не проверила, а там куча эсэмэсок пикантного содержания. Милка устроила скандал, а Берсеньев принялся отнекиваться, врал, пока она его не выследила и к стенке не приперла. Квартиру Милке купил, чтоб компенсировать потраченные на него месяцы жизни.

— Парень он не бедный, мог и потратиться.

— Мог, конечно. А мог послать подальше и с работы уволить тоже мог, чтоб глаза не мозолила.

— Чувствовал себя виноватым.

— Берсеньев, которого я видела, не показался мне человеком, способным испытывать чувство вины по такому незначительному поводу. Одним словом: акула капитализма. А такие типы со своей совестью всегда способны договориться.

— Ты считаешь, твоя подруга знала о нем нечто такое... и он пытался ее задобрить?

— Если верить Славке, «ничего такого» не существует. У Берсеньева врагов нет.

— Врагов, может, и нет, а грешки вполне могут быть. Особенно когда речь идет о больших деньгах.

— Ну так найди что-нибудь, — сказала я. — Должна быть от тебя польза.

— Уж расстараюсь, — съязвила сестрица.

Мы немного помолчали, и я сказала:

— Дала бы ты мне документ, что я у тебя работаю.

Агатка вполне отчетливо икнула.

— Это была мамина идея, — сказала она.

— Ясное дело. И ты от нее не в восторге?

— Само собой, я ж не сумасшедшая.

— Я тоже. Так что успокойся, работать у тебя я не собираюсь.

Агатка с облегчением вздохнула.

— Тогда что за документ тебе нужен?

— Хочу с народом пообщаться, вопросы задать. А народ очень уважает бумажки с печатями. Конечно, я могу купить удостоверение, покопавшись в Интернете...

— С ума сошла, — возмутилась Агатка. — Чтоб тебя поймали с липовой ксивой?

— Да кому надо меня ловить? — поморщилась я.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Пожалуй, с

Берсеньевым мне стоит познакомиться, — в задумчивости произнесла она.

— Есть идеи?

— Есть общий знакомый. Попробую организовать дружеский ужин.

— Попробуй. — Я поднялась и направилась к двери.

Оказавшись на улице, я взглянула на часы. Половина седьмого. До поселка, где жил Паринов, на машине не больше часа. Отчего бы не навестить племянника? Скорее всего, разговаривать он со мной не захочет... а ну как он любитель блондинок? Потоптавшись возле машины, я вернулась к сестре, не вызвав своим появлением особого восторга.

— У тебя есть во что переодеться? — спросила я.

— А у тебя нет?

— Я должна выглядеть прилично.

— Хорошая идея, но трудноосуществимая. Чего задумала?

— Хочу нагрянуть в гости к одному типу и сразить его своей красотой.

— А как же Славка?

— Славке об этом знать ни к чему.

— В комнате отдыха, — сестрица ткнула пальцем в направлении заветной двери, и я устремилась туда.

Комната отдыха была совсем небольшая. Диван, два кресла, журнальный стол, телевизор напротив, за плотной шторой ниша, где Агатка устроила гардеробную. Увидев количество одежды, вывешенной здесь, я заподозрила, что дома Агатка появляется куда реже, чем можно было бы предположить.

— Не дождаться маме внуков, — буркнула я и придирчиво оглядела гардероб сестрицы. Выбрала

костюм лососевого цвета, собрала волосы на затылке, подкрасилась и заковыляла на высоченных каблуках, которые так уважала сестрица. Агатка подняла голову от бумаг и присвистнула.

— Кто бы он ни был, а сознания лишится.

— Это не входит в мои планы, я рассчитываю на беседу по душам.

— Береги костюм, он денег стоит. А такие ноги, как у тебя, только конченые дуры прячут в штанах и уродуют кроссовками.

— Я подумаю над этим, — ответила я.

По дороге в поселок я предалась размышлениям. Неизвестно, как меня встретит Паринов, но одно ясно уже сейчас: племянников у старичка было как минимум двое. Один блондин, другой — брюнет. И оба предпочитают «БМВ». Существовал ли в реальности Яков Иванович, остается загадкой. Дом он покинул в начале июня, примерно тогда же Милка с Берсеньевым отправились отдыхать. Конечно, это может быть совпадением, но оно настораживало. То, что мое представление о Берсеньеве не совпадало, так сказать, с оригиналом, тоже вызывало беспокойство. Хотя послушать мои рассказы о Славке, то он редкий придурок. Был готов распроститься из-за меня со своим бизнесом. Для большинства людей это уже диагноз. А если все не так просто? И о том, что вокруг него происходит, Берсеньев знает или догадывается? И гибель Милки его в подозрениях укрепила. Оттого он и обвинил меня в том, что я не сообщила ему о встрече с шантажистом. Был уверен, знай он об этом, не позволил бы случиться беде... Шантажист... случайный свидетель встречи любовников. Теперь в это верилось с трудом. Нет, все куда сложнее... Надо непременно отыскать этого Миш-

ку, так ли случайно он появился в жизни подруги? С Берсеньевым придется поговорить, жаль, что Милка не познакомила нас раньше. Теперь на ласковый прием рассчитывать не приходится. Но вызвать его на откровенный разговор я должна, по крайней мере, хотя бы попробовать.

Занятая этими мыслями, я не заметила, как въехала в поселок. Унылые трехэтажки по обе стороны дороги, заводская труба, покосившийся забор. Возле пивной паслись мужички, только один из пятерых более-менее твердо стоял на ногах, остальные висли друг на друге. Счастьем здесь не пахло. Я попробовала прикинуть, что здесь может делать племянник Якова Ивановича, интересный мужчина, интеллигент, к тому же обеспеченный. Странное место для проживания он выбрал. Впрочем, здесь есть завод, может, как раз ему он и принадлежит. Жаль, не посмотрела в Интернете. Мне была нужна улица Первомайская. Заметив еще одного обитателя поселка, по виду вроде бы трезвого, я притормозила и открыла окно.

— Не подскажете, где улица Первомайская? — спросила я.

Дядька умудрился вместить в одно предложение весь свой словарный запас, который в основном состоял из ничего не говорящих моему разуму «дык» и «ё», но после ряда наводящих вопросов суть я уловила. Свернула на ближайшем перекрестке и наконец-то смогла разглядеть довольно-таки обшарпанную табличку с названием улицы.

Дом номер три оказался обычным, деревенским, с тремя окнами на фасаде, шиферной крышей, покосившейся пристройкой из белого кирпича и крыльцом, выкрашенным зеленой краской. Строение давно не красили, кое-где проступали бурые

пятна, о первоначальной цветовой гамме оставалось лишь догадываться.

Я еще раз взглянула на адрес, полученный в фирме. Все совпадало, но сомнения меня не оставили. Тут из дома показался мужчина лет сорока в спортивных штанах, шлепанцах, надетых на носки, и клетчатой рубахе. Небритый и нечесаный. Держа в руках кастрюлю, он направился к сараю, стоящему рядом с домом, косясь на меня с интересом и насвистывая. Я заподозрила, что это хозяин, и пригорюнилась. Вряд ли женщина вроде Екатерины Андреевны могла бы им прельститься.

Дождавшись, когда мужчина зайдет обратно, я вышла из машины и направилась к крыльцу, решительно потянула дверь на себя и увидела клетчатого. На этот раз в руках у него было ведро. Он поставил его на пол и спросил:

— Вам кого?

— Паринов Юрий Алексеевич здесь живет? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал бодро и вселял оптимизм. Мужчина повернулся и заорал:

— Людка, а Людка, здесь Юрку спрашивают.

Через полминуты появилась Людка — толстая баба в халате, застегнутом на две пуговицы, полы разошлись, и я смогла любоваться толстыми ножищами с синими разводами вен.

— Здрасьте, — сказала она, окинув меня потрясенным взглядом, и я поняла, как неуместен здесь мой наряд.

— Ломакина Ефимия Константиновна, — сообщила я и улыбнулась пошире. Женщина кивнула. Сколько ей лет, определить я затруднялась, то ли сорок, то ли тридцать пять, то ли все пятьдесят. — Я адвокат, — добавила я, а женщина беспокойно нахмурилась.

— Адвокат... А чего случилось-то?

— Я бы хотела поговорить с Юрием Алексеевичем.

— Так ведь это... сгинул он.

— Сгинул? — переспросила я неуверенно, заподозрив, что говорят здесь на незнакомом мне диалекте и означать это слово может что угодно. — То есть он сейчас где?

— Так кто ж его знает? Говорю, сгинул.

— Но он жив?

— Уж если б помер, то должны бы сообщить. Вы как думаете?

— Давно он... сгинул?

— Да уж пять лет. Так, что ли, Лешка?

Клетчатый задумался, пошевелил губами, вроде что-то высчитывая, и кивнул.

— А как это произошло?

— Господи боже, — закатила глаза женщина. — Сгинул, и все. Чего ж не ясно?

— Вот что, — посуровела я. — Дело очень важное...

— Проходите, — перебила меня женщина и распахнула дверь в кухню. — Чего в сенях-то стоять?

Мы устроились за квадратным столом, покрытым новенькой клеенкой.

— Вы кто ему будете? — оглядываясь, спросила я.

— Сестра. Двоюродная. Дом этот бабкин, она померла, его Юркиной матери оставила, тетке моей. Та болела сильно, а ухаживать за ней было некому, с мужем развелась, давно, Юрка еще в школу не ходил, а сынок единственный про маму вспоминал, если только деньги нужны.

— Он здесь жил?

— Нет. В райцентре. То у одной бабы, то у другой. Работать его не заставишь, так что даже дуры подолгу не выдерживали. Его ведь кормить надо.

— Выпивал?

— Ну, как все, не скажу, что совсем пропащий, и поболе люди пьют. — Тут она покосилась на клетчатого, тот пристроился на лавке возле печи и оттуда с интересом прислушивался к разговору. При последних словах он напустил в глаза туману и нахмурился. — Короче, ходить за тетей Таней было некому, пришлось, значит, мне. Так что дом она мне отписала по справедливости, можете у соседей спросить. Я до последнего дня рядом, чем могла... как за родной матерью... про меня никто худого не скажет. И похоронила на свои деньги. Этот-то все из матери тянул. И на похороны не явился, хоть сообщили ему сразу же. Приехал на пятый день и давай здесь права качать. Вроде как я мать его с ума свела, вот она мне все и оставила. А она сама в сельсовет ходила, на своих двоих, и с головой у нее порядок был, уж только когда последнюю неделю в больнице лежала, стала заговариваться. А дом мне отписала за год до смерти, я-то помалкивала, чтоб он ничего не сотворил. Поскандалил малость и уехал. Но через месяц вернулся и зиму здесь жил, в пристройке. Я сто раз о своей доброте пожалела. Что ни день, то скандал. Лешке моему чуть руку не сломал, ну, я вижу такое дело — и милицию вызвала. Продержали его двое суток, вернулся, побросал свое барахло в сумку и уехал. С той поры не видели его и не слышали. А если он вам чего наплел, то все это глупости. Дом мой, у меня и бумаги есть, как положено, с печатями. Любой суд признает, и соседи подтвердят, что я до последнего за ней ходила...

— Да-да, я поняла, — кивнула я. — И за пять лет он здесь ни разу не появился?

— Ни разу. Я его предупредила: если явится озорничать, опять ментам сдам.

— Кроме вас, родственники у него есть?

— Близких нет. А из дальней родни половина поселка. Только никто его здесь не ждет.

— А нет ли среди родственников пожилого мужчины по имени Яков Иванович?

Женщина задумалась.

— Нет, такого не помню. Я думала, Юрка у какой-нибудь бабы пристроился. Так?

— Мне об этом ничего не известно.

— Как же, ведь вас сюда он прислал?

— Мы разыскиваем его совсем по другому делу. Он снимал дом в областном центре, по крайней мере, паспортные данные в договоре его. Задолжал денег и скрылся.

— Очень на Юрку похоже. Он тут всем должен, а я ведь говорила: не давайте, все равно не вернет. Но у нас такой народ, сначала дадут, чтоб отстал, потом ко мне с претензиями. А я что, за него платить буду?

— Вполне может быть, что его паспортом кто-то воспользовался.

— Ну, уж не знаю. Может, и так. Говорю, сгинул он. Если б помер, то сообщили бы, а в тюрьму попал, так сам бы написал, чтоб было кому передачи слать. Мы хоть и разругались, но он знает, что сердце у меня доброе, не бросила б я дурака, все ж таки брат, хоть и непутевый.

— А фотография его у вас есть?

Женщина тяжело поднялась и прошла в переднюю, откуда вернулась со стареньким фотоальбомом. Положила его на стол, полистала и протянула мне фотографию. Мужчина лет тридцати, волосы темные, коротко стриженные, лицо довольно симпатичное. На фотографию в паспорте мало кто обращает внимание, а неизвестный племянник производил самое приятное впечатление, причем не только на женщин, но и на мужчин, если ве-

рить словам Льва Григорьевича. Так что подозревать его в чем-то вряд ли пришло кому-то в голову. Легкого сходства с фотографией в паспорте вполне достаточно.

— Можно я ее с собой возьму? — спросила я.

Женщина посмотрела как-то неуверенно и кивнула. Я убрала фотографию в сумку и поднялась.

— Чего теперь будет-то? — спросила она, наблюдая за мной. — Посадят его?

— Да вроде не за что. Если он вдруг объявится, позвоните мне. — Я записала номер на листке бумаги и оставила на столе.

Клетчатый вышел из дома вместе со мной, покосился на дверь и зашептал:

— Видели его прошлым летом. Димка Фомин видел, сын соседки. В областной центр ездил в командировку. Там и встретил в пивной у вокзала. Юрка хвастал, что живет припеваючи, точно сыр в масле катается. Димка-то решил, что врет, за выпивку ему пришлось платить, но одет, говорит, чисто. Видно, у бабы какой-то прижился.

— Возле какого вокзала встретились, Димка не говорил?

— У железнодорожного. Зря он на нас обиделся, Людка-то права, мать он забросил, а она четыре года за ней, точно за дитем малым. И ни разу голос не повысила, хоть она крикливая вообще-то.

Точно в подтверждение этих слов из дома донесся грозный рык:

— Лешка, ты куда, скотина, подевался? Кто порося-то кормить будет?

Мужик поспешно ретировался, а я направилась к машине. Немногочисленные прохожие разглядывали меня с повышенным интересом. Я решила, что виной всему Агаткин костюм, и торопливо загрузилась в свое транспортное средство.

Всю обратную дорогу я вновь размышляла. Племянник, скорее всего, воспользовался чужим паспортом. Люди с годами, конечно, меняются, но вряд ли до такой степени, что неведомого Юрку с его дурными склонностями стали бы именовать интересным мужчиной, да еще интеллигентом. Где сейчас Юрка, остается лишь гадать. Но если его паспорт оказался у «племянника», то где-то судьба их свела. Есть еще вариант. Юрка хвалился соседу, что отлично устроился. Может, речь вовсе не о бабе, а о некой афере, в результате которой он надеялся разжиться деньгами. В любом случае очень бы хотелось с ним встретиться.

Вернувшись в город, я не удержалась и отправилась к железнодорожному вокзалу. Обследовала местность и убедилась, что по соседству есть ресторан, два кафе, несколько палаток, в которых торгуют сосисками, и один пивной бар. Притулился он в тупике возле котельной и выглядел так паршиво, что заходить в него не хотелось. Однако я зашла. Прокуренное помещение с плиточным полом и столами вдоль стен. Возле них пристроились человек десять мужиков. Вроде бы не бомжи, но близко к тому. За стойкой стояла рыжая тетка с таким злющим лицом, что стало ясно: моя экспедиция предпринята напрасно. Скорее из упрямства я направилась к ней.

— Ты кого ищешь? — сурово спросила она, таращась на мой костюм. Я достала фотографию и протянула ей. — На что он тебе? — спросила она с недоумением. — Неужто на такого козла запала?

— Вы его знаете? — обрадовалась я.

— Чего его знать-то? Вон они... сильный пол... — Тут она добавила несколько непечатных выражений. — С утра уже навеселе, к обеду пьяней пьяного.

— Разделяю ваше возмущение. Так вы его знаете?

— Звать Юркой. Толкался тут... только зря ты его ищешь. Мужики говорят, посадили его.

— Давно?

— Да уж недели две.

— А где он жил, знаете?

— Где-то поблизости, одно время приходил чуть не каждый день. Потом пропал. Потом опять явился. Ну, а потом по пьяни башку мужику проломил, его и сцапали. Таким, как он, одна дорога...

— Ага. Нашел свое место в жизни, — пробормотала я и, сказав «спасибо», пошла к двери.

— Ты тут поаккуратней, — крикнула мне тетка вдогонку. — Полно всякой шпаны болтается.

На следующий день я заглянула к сестрице, чтобы отдать фотографию. Агатка была занята, с вопросами не лезла, кивнула и сунула фотографию в ящик стола. Несмотря на пренебрежительное отношение, я знала: сестрица сделает все возможное, чтобы отыскать Паринова.

Этот день и весь следующий ушли на бесплодные попытки узнать хоть что-нибудь о залетном Милкином любовнике по имени Миша. Долгие разговоры с подругами ничего не дали. Никто о нем ничего не слышал. Это не удивило: мне самой о нем она тоже не рассказывала до тех самых пор, пока вдруг не объявился шантажист. Однако совершенно бесполезными разговоры все-таки не были. Картина вырисовывалась следующая: узнав об измене Берсеньева, Милка ходила сама не своя (это я прекрасно помнила), грозилась то наглотаться таблеток, то лишить жизни изменника. Ни то, ни другое всерьез никто не воспринял. Милка девка эмоциональная, но с головой у нее все в порядке. Однако где-то в апреле ее поведение изме-

нилось. Милка заметно успокоилась (так уж вышло, что в тот момент мы встречались с ней нечасто, и мне пришлось всецело положиться на чужое мнение. По мне, успокоиться следовало значительно раньше). Девчонки дружно решили, что именно тогда Мишка и появился. Помог пережить тяжелые времена, Милка поняла, что на ее Берсеньеве свет клином не сошелся. Но если честно, ее нежелание сообщить о радостных переменах в жизни слегка удивило. Поговорить Милка любила, а тут такой повод. Девчонки сделали вывод: парень был женат, оттого подруга и помалкивала, потому что выходило: она опять дурака сваляла, променяв одну головную боль на другую. Берсеньев ежедневно мозолил ей глаза в офисе, и забыть его не получалось. И тогда она придумала эту поездку в Венесуэлу. Как долго они встречались с предполагаемым любовником, неясно, возможно, до самого путешествия с Берсеньевым. Если так, то становится понятно ее дальнейшее поведение. Былая любовь вернулась, но обида осталась. Милка встречается с Мишкой, чтобы дать ему отставку, они решают напоследок заняться любовью и... появляются компрометирующие фотографии. Если я права, вряд ли к ним имеет отношение Чухонка. Михаил возник в тот момент, когда девушке беспокоиться было не о чем, а если и был повод (старая любовь долго не забывается), комбинация чересчур сложная. Хотя... допустим, девушка с фантазией и решает поставить жирную точку в отношениях недавних любовников. Просит кого-то из знакомых обаять Милку, что тот и делает. А когда из Венесуэлы Милка с Берсеньевым возвращаются с намерением связать свою судьбу, девушке ничего не остается, как прибегнуть к шантажу. И убийству? На первый взгляд —

опасная глупость. Но мне ли не знать, на что способны влюбленные женщины. Михаил, узнав об убийстве, задумался о возможных последствиях, оттого к следователям не спешит. Предположим, к убийству он отношения не имеет, но ситуация все равно не из приятных. Ко всему прочему у него может быть личный интерес. Убитый горем Берсеньев найдет опору в Чухонке, женится, и она станет богатой женщиной. На миллионы Мишка вряд ли сможет рассчитывать, но кое-что за молчание ему перепадет. Если так, то искать его надо среди знакомых Чухонки. Берсеньев подарил Милке квартиру в новом доме, сделать ремонт в ней она так и не удосужилась и жила с матерью. Слова Эммы Григорьевны о том, что, поссорившись с Берсеньевым, дочь сидела дома безвылазно, критики не выдерживали. Милка, пытаясь развеять грусть-тоску, предпочитала родному дому ночные клубы. По крайней мере, раз пять они с Юлькой отрывались по полной программе. После долгих размышлений выходило, что подозреваемая номер один — Чухонка. У нее был мотив.

Однако был еще дом в Лесном с его странным обитателем. В течение недели, прошедшей после нашего с Милкой разговора, она эту тему ни с кем из девчонок не обсуждала. У меня нет ни одного факта, что ее гибель связана с Яковом Ивановичем. Только голос на пленке. Что могла узнать Милка за неделю? Этот вопрос не давал мне покоя. Я рассчитывала, что разговор с Берсеньевым кое-что прояснит, и откладывала его со дня на день, не надеясь на ласковый прием.

В среду меня вызвал следователь. Час я отвечала на вопросы, а когда отправилась домой, позвонила Агата.

— У меня есть адрес Чухонки, — сказала она. — Хочешь на нее взглянуть?

— Еще как.

— Менты с ней имели трехчасовую беседу. У девушки алиби. В ночь убийства она находилась в поезде, возвращалась от родителей, и оказаться в это время здесь при всем желании не могла.

— Вовсе не обязательно убивать самой, — напомнила я.

— Не обязательно, — согласилась Агатка. — Приезжай в контору, наведаемся к девушке вместе.

Пришлось звонить Славке и придумывать срочное дело. Последние дни мы виделись редко, и это его нервировало. Сегодня собирались поужинать вместе, но, видно, не судьба. За минуту разговора Славка умудрился задать дюжину вопросов. Я буркнула «пока», отключилась и вновь затосковала о тех временах, когда жила без мобильного. Славке пришлось бы звонить на домашний телефон и общаться с автоответчиком, а мне было бы не нужно ничего объяснять. Впрочем, зная его характер, нетрудно предположить, что в этом случае постоянным местом жительства для него стал бы мой подъезд.

В общем, ровно в пять я подъехала к офису сестры и тут же увидела Агату, она появилась в дверях, высматривала мою машину. В отличие от меня, сестрица пунктуальна. Сейчас это порадовало.

— Привет, — бросила она, устраиваясь рядом.

— Забыла вернуть тебе костюм, — покаялась я.

— Не беда, я с ним уже простилась. Паринов находится в следственном изоляторе. Адвокат по моей просьбе поинтересовался паспортом. Оказывается, он его лишился полгода назад. При каких обстоятельствах, не помнит.

— Ясно, — кивнула я. Новость удивления не вызвала.

Агатка достала из сумки блокнот и продиктовала адрес бывшей пассии Берсеньева. Кивнув, я тронулась с места.

— Почему она ее Чухонкой звала? — додумалась спросить сестрица. — Фамилия у девушки Фоминцева, зовут Наталья Дмитриевна.

— Милка покопалась в ее родословной.

— Я тоже покопалась. Она из Самары, какие там чухонцы?

— Может, и приблудился кто, — пожала я плечами.

— Девчонке всего девятнадцать, учится в медицинском колледже.

— Поближе к Самаре медицинского колледжа не нашлось? — удивилась я.

— Должно быть, не нашлось. Я сегодня со следователем доверительно поговорила. Создалось впечатление, что они рассматривают лишь одну версию: шантаж.

— То есть Чухонку в качестве подозреваемой они не видят?

— Одно другому не мешает.

— Мишку так и не нашли?

— Ищут, — вздохнула Агатка. — Вот только был ли мальчик? Ты, сестрица, мне, часом, мозги не пудришь?

— С какой стати? — удивилась я. Хотя сомнения Агатки понятны.

— Вот и я голову ломаю. Может, есть нечто такое, о чем ты предпочитаешь помалкивать?

— Нет, — подумав, ответила я.

— Точно?

— Точно.

Версия следователя строится лишь на моих по-

казаниях, а подтвердить свои слова я ничем не могу. Вот что беспокоит сестру. Знала бы она, как это беспокоит меня.

Наталья Фоминцева жила в спальном районе. Панельная пятиэтажка с застекленными балконами, которые напоминали большие скворечники. Подъезд без домофона, ремонт здесь последний раз делали лет двадцать назад.

— Это ее квартира? — спросила я Агату.

— Снимает.

Мы поднялись на второй этаж. На лестничную клетку выходили четыре двери, та, что справа, была обита клеенкой, в нескольких местах порванной, из прорех торчали клочья ваты, номер квартиры висел как-то криво, вместо звонка — торчащие провода.

— Нам сюда, — кивнула Агата на эту самую дверь и принялась по ней барабанить.

Из-за обивки стук особенно внушительным не получился, я подумала, а не пнуть ли дверь ногой, и тут она открылась. На пороге стояла девушка в спортивных штанах с пузырями на коленках и очень короткой маечке. Мы смогли лицезреть пупок, украшенный тремя бусинами. Волосы у девушки темные, стриглась она коротко, под мальчика. Лицо приятное, но какое-то невыразительное.

— Привет, — сказала Агата. — Нам нужна Наташа Фоминцева.

— А вы кто? — хмуро поинтересовалась девушка.

— А ты? — последовал встречный вопрос.

— Соседка, — девушка еще больше нахмурилась.

— Наталья дома?

— Она плохо себя чувствует. Вы родственники или знакомые?

— Родственники. Близкие.

Девушка вдруг предприняла попытку закрыть дверь, но я этому воспрепятствовала.

— Да кто вы такие? — возмущенно спросила она.

— Объяснили ведь, свои, — с улыбкой заявила я. — Родня приказала: вперед на мины, мы по сто грамм для храбрости и в атаку.

— Чего? — растерялась девушка.

— Где Наташа? — вздохнула я.

— Вот ее комната, — с обидой сказала девушка, ткнув в дверь со стеклом, завешенным шторкой в горошек. — Она сама не своя. Второй день лежит, в стенку уткнувшись. И молчит. Мне на работу надо, а я боюсь ее оставить. Вы правда ее родственники?

— До чего молодежь пошла недоверчивая, — посетовала Агата и распахнула дверь в комнату.

Комната была совсем маленькой, метров одиннадцать. Я посмотрела на старые стулья, стертый пол, выцветшие занавески на окнах. Либо Берсеньеву все равно, где живет его возлюбленная, либо она не хотела принимать его помощь. Хотя был еще вариант: сюда она переехала после разрыва с ним. Возле стены стоял диван, занимая большую часть комнаты. Поначалу я увидела лишь подушку и плед в клеточку, фигура девушки с трудом угадывалась под ним. Девушка то ли спала, закутавшись с головой, то ли просто не желала реагировать на окружающих. Ее соседка протиснулась в комнату следом за нами и теперь позвала не без робости:

— Наташа...

— Ты иди, — сказала ей Агата. — Мы тут по-семейному потолкуем.

— А вы ей ничего не сделаете? — спросила девушка.

Агатка закатила глаза.

— Не сожрем же мы ее.

— Мы вегетарианцы, — сообщила я на всякий случай, видя, что Агаткин ответ собеседницу отнюдь не успокоил, скорее наоборот.

Потоптавшись немного, она вышла, но осталась стоять возле двери, должно быть, прислушивалась. Агатка села на стул, взглянув на него с сомнением. Я предпочла подоконник. Сестрица вертела головой, я насвистывала. Никто никуда не торопился.

Наконец плед был отброшен в сторону, и показалась девичья головка. Волосы льняного цвета до плеч, веснушчатая мордашка со вздернутым носом. Глаза покраснели от слез, оттого девушка казалась похожей на кролика. Маленького, несчастного и абсолютно беспомощного. Только извращенный мозг мог выдать идею, что подобное создание спланировало убийство.

— Твою мать, — брякнула Агата, которую, должно быть, посетила та же мысль. — Что скажешь? — повернулась она ко мне.

— Скажу, что рожать пора.

— Тебе или мне?

— Обеим. Материнский инстинкт зашкаливает.

Девушка между тем села, вытерла нос ладошкой и спросила:

— Вы из милиции?

— Из сопредельной конторы, — ответила я, а Агатка добавила:

— Я адвокат.

— Чей? — испуганно пролепетала Наташа.

— Могу быть твоим.

— Зачем мне адвокат? Вас Сережа прислал? — стоило ей произнести это имя, как слезы полились сплошным потоком.

— Сережа — это Берсеньев? — спросила я.

Она дважды кивнула.

— А чего ревешь?

— Он... я... что мне теперь делать?

— Откуда нам знать, если ты ничего не объясняешь. Расскажи, в чем проблема, потом вместе подумаем, что делать.

— Он меня бросил, — заикаясь, произнесла она.

— Так ведь это было несколько месяцев назад. Ты что, с тех пор и ревешь? — Я подошла и протянула ей носовой платок. Она вроде бы его не заметила. Я вытерла заплаканную рожицу и подмигнула.

— Где вас черт свел? — сердито спросила Агата.

Этот вопрос и меня интересовал. В каком месте пересеклись пути этой девчушки и преуспевающего бизнесмена, оставалось загадкой. Худенькие плечи, ключицы торчат, грудь как у подростка. Рожица скорее забавная, чем симпатичная. Приходилось признать, что Берсеньев оригинал. Милкина обида теперь понятна: променять ее на девчушку школьного возраста...

— Где вы познакомились? — спросила я, решив перевести вопрос с Агаткиного языка на общедоступный.

— С Сережей? — вздохнула девушка. — В магазине. Возле кассы. Он за мной стоял. А мне денег не хватило. Кассирша товар пробивает, цифры прыгают, я вижу, что денег не хватит, а сказать стыдно. Я со скидкой все считала, а они пишут одно, а потом выходит совсем другое. Я хотела коробку яиц назад вернуть, а она упала и разбилась. Тетка стала возмущаться, а я... хотелось сквозь землю провалиться.

— И тут вмешался Берсеньев, — подсказала я.

— Ага. Он сказал, что не ее дело замечания де-

лать и вообще... высказываться. И заплатил за меня тридцать четыре рубля.

— И тем пленил ее сердце, — пробормотала Агата.

Девушка, увлеченная рассказом, этого не услышала. Я легонько пнула сестрицу, это подействовало на нее благотворно, в ближайшие пять минут она хранила молчание.

— Я дождалась, когда Сережа из магазина выйдет, и сказала, что деньги верну, как только получу стипендию. А он сказал «обязательно» и засмеялся, а потом предложил меня подвезти. И дал свой номер телефона, чтобы я могла позвонить, ну, чтобы деньги вернуть. Я все думала о нем, думала... и звонить боялась. Вдруг он меня уже забыл? Но деньги-то вернуть надо, и я позвонила. Я сказала, что звонит Наташа, и он сразу понял, кто я. И обрадовался. Вовсе не из-за денег, тридцать четыре рубля для него пустяк. Это он мне потом сказал. Мы встретились возле «Кругозора», вечером. Я долг вернула, а он говорит: «Давай я тебя мороженым угощу». Там кафе рядом, и мы пошли. А потом он меня домой отвез. Дождь начался, мы сидели в машине возле подъезда и разговаривали обо всем на свете. На следующий день он позвонил, и мы стали встречаться. В кино ходили, в зоопарк, иногда в кафе. Сережа говорил, что меня надо переводить на усиленное питание, потому что сквозь меня стены видно. А потом...

— Он затащил тебя в постель, — не удержалась Агата и заработала еще один пинок.

— И вовсе не затащил, — вскинулась девушка. — Я сама... Я люблю его, понимаете?

— Насчет любви — это вот к ней, — ткнула в меня пальцем сестрица. — У меня все просто: трахнулись — разбежались. Ну, что у нас было дальше?

— Дальше? Ничего. То есть все хорошо было. На мой день рождения мы в Москву ездили, он мне платье купил.

— Платье — это здорово. А когда любовь пошла на убыль?

— Что? — не поняла Наташа.

— Когда ты реветь начала?

— Он мне сказал, что в командировку уезжает. На две недели.

— В июне? — подсказала я.

— Да, в июне. Я домой поехала. Он звонил мне два раза, а потом перестал. Я ждала, ждала, потом сама позвонила, но мобильный был отключен. И я сюда приехала на месяц раньше. Беспокоилась очень. Позвонила ему на работу, мне сказали, что его нет. Я и домой звонила, и на мобильный, а потом он сам позвонил, сказал, что... что жениться собирается на другой девушке.

— Про аварию что-нибудь рассказывал?

— Нет, — ответила Наташа. — Еще спросил: «Надеюсь, у тебя все хорошо?» — Она вновь залилась слезами. — А у меня все плохо... Я не знаю, что мне делать...

Тут взгляд мой переместился на ее талию, и пришла догадка.

— Ты беременна? — спросила я. Наташа молча кивнула. — Родителям рассказала?

— Да, я домой ездила. Мама плачет, а отчим твердит, чтоб я к ним дорогу забыла. Он меня терпеть не может, у них с мамой двое детей, я там не нужна. Меня сюда учиться отправили, потому что здесь мамина тетка. Только она меня жить к себе не взяла, у нее квартира однокомнатная, пришлось снимать. Я в поликлинике подрабатываю и еще курьером, этих денег только на комнату хватает.

Как я с ребенком буду работать? И где жить? Господи...

Она так отчаянно ревела, что могла бы разжалобить кого угодно, но только не мою сестрицу.

— Тошнит меня от этих историй: каждый раз одно и то же.

— Сюжет классический, — не стала я спорить. — Берсеньев о беременности знает?

Девушка стиснула руки коленями и кивнула. Признаться, такого ответа я не ожидала. Была уверена, девчонка изводит себя слезами, но гордость не позволяет рассказать все любовнику, который ее бросил.

— Знает? — переспросила я. Она вновь кивнула. — И как он к этому отнесся?

— Сказал, что это моя проблема.

— Ну, это он зря, — хмыкнула Агата. — Сотворили дитя на пару, так что проблема общая.

— Странно, — вслух подумала я. — Допустим, жениться он не торопится, но помочь просто обязан. Ты когда с ним говорила?

— Вчера.

— По телефону?

— Нет. Я позвонила, попросила, чтобы он приехал. А Сережа сказал, что у него нет времени. Я очень просила, тогда он сказал, чтобы я в офис пришла к двум часам. У него будет полчаса свободных, и я поехала. — Девушка замолчала, уткнувшись взглядом в колени.

— Дальше-то что? — не выдержала Агата.

— Он стал совсем другим, — прошептала Наташа. — Я его сначала даже не узнала.

— Давай-ка поподробней, — попросила я.

— Ну, я вошла. Он сидел за столом. Лицо у него... Я так испугалась, а он улыбнулся и сказал: «Не удивляйся, это после аварии». Потом поднял-

ся, посадил меня на диван и сам сел рядом. Спросил, как я провела каникулы, как родители. А я не знала, что ответить, болтала всякую чушь, потом попросила рассказать, что с ним случилось, ну, про аварию. Он сказал, что долго лежал в больнице, потом поднялся и говорит: «Рад был тебя видеть. Извини, у меня сейчас совещание». А я сказала: «Сережа, я беременна». Он так на меня посмотрел... Я испугалась, потому что сразу поняла: он меня ни капельки не любит. Он раньше так никогда не смотрел, даже если сердился. Он спросил, какой срок, потом спросил, что я собираюсь делать. А я сказала — не знаю. Он опять сел рядом и говорит: «Мне ребенок не нужен, тебе — тоже. Если решишь его оставить, буду выплачивать тебе по тысяче долларов в месяц, на большее не рассчитывай. Не согласна, значит, решать проблему будем в суде». Он потребует провести экспертизу, и если выяснится, что отец кто-то другой, то я не получу ни копейки.

— Ну и чего ты ревешь, дурища? — нахмурилась Агата. — Тысяча баксов — нормальные деньги. Если считаешь, что этого мало, тряхнем как следует твоего Берсеньева, заплатит куда больше.

— Мне его деньги не нужны, — прошептала девушка. — Он так сказал, как будто... как будто не верит, что это его ребенок. Как же так можно, ведь он... ведь я... у меня никого другого не было. Никогда.

— Может, он прав и с ребенком торопиться не стоит? — неуверенно произнесла я.

— Вы что? — нахохлилась девушка. — Это Сережин ребенок.

— Но ему он на фиг не нужен, — буркнула сестрица. — Ты бы романтическую дурь из головы выбросила... «Сережин ребенок», — передразнила

она. — Сереж этих — как грязи по осени, от каждого рожать замучаешься.

— Я не могу, — запричитала Наташа. — Я все думаю, а вдруг он вернется?

— Кто? — хмыкнула Агата.

— Сережа. Мой Сережа.

— Скажи-ка мне, грешное дитя: с тобой менты беседовали?

— Вы про убийство это? — испуганно пролепетала Наташа.

— Про убийство, про убийство.

— Беседовали. Только я про эту Людмилу ничего не знала и видела один раз. Пришла какая-то девица в колледж, посмотрела на меня и говорит: «Ты Наталья Фоминцева?» — я кивнула, а она мне: «Чухонка белобрысая», — и ушла. Я уже после разговора со следователем догадалась, что это, наверное, она была, Сережина девушка, потому и обзывалась.

— Когда она в колледж явилась?

— В марте, кажется.

Вопросов больше не осталось, зато возникла проблема: что делать с девчонкой?

— Реветь завязывай, — сказала я. — И как следует подумай. Ребенок — это серьезно, это на всю жизнь. А своего Сережу ты можешь и не дождаться.

— Понадобится помощь — звони, — добавила Агата и положила на стол визитку.

Мы направились к двери, когда Наташа спросила:

— Я не поняла, а вы кто?

— Снегурочка. Я. А вот она — Дед Мороз, только переодетый, — кивнула я на Агату, и мы поспешили убраться восвояси.

— Столько времени псу под хвост, — ворчала сестрица. — А у меня его и так нет, по крайней мере, на личную жизнь хронически не хватает.

— Нет у тебя личной жизни, — хмыкнула я.

— Откуда ей взяться, если с утра до вечера слушаешь душещипательные истории одна другой бестолковей? Вот и сейчас: ничего путного не узнали, а геморрой нажили. Теперь вот думай, что с этой дурехой будет.

— Ничего не будет. Отревется и пойдет делать аборт. Или родит ребенка, страна остро нуждается в юных гражданах.

— А чего у тебя рожа кислая, если ничего не будет? — съязвила Агата.

— Хрен знает. Как-то странно она это сказала.

— Что «это»?

— Про своего Сережу.

— Чего ж странного? Был Сережа — чуткий, ласковый, и вдруг бац: твой ребенок, твои проблемы. Прекрасный образ оказался с изъяном. Девчонка дурочка, но мужикам дурочки нравятся. Прельстился, а потом игрушка перестала казаться забавной, и он забыл про нее, как забывают все игрушки, когда в них больше не нуждаются.

— Он мог быть с ней помягче.

— Зачем? Бабло пообещал — нормальный мужик, с понятием, — усмехнулась Агата. — А иной бы просто на дверь указал. А то, что в отцовстве сомневается, тоже дело обычное. Каждый мужик нет-нет да и усомнится, судьба у них такая. То ли дело бабы. Что в брюхе выносила — то твое по праву, хоть мышонок, хоть лягушка, хоть неведома зверушка... У девки алиби, и если верить ее словам, о твоей подруге она даже не знала... На роль злодейки не тянет. Обманутая белошвейка. Такая все простит, а верить будет до последнего, то есть до тех пор, пока не явится тетка с косой и веселым воплем «Поздняк метаться!».

Простившись с Агатой, я позвонила Славке.

— Ты все еще не прочь осчастливить меня ужином?

— У тебя нашлось для меня время? — хмыкнул он.

— Не трать его понапрасну на дурацкое брюзжанье.

— Какой ресторан предпочитаешь? Или зависнем на твоей кухне?

— Лучше в ресторане. Позаимствовала у сестрицы костюм, офигенный, надо его прогулять, а заодно предстать перед тобой во всем блеске.

— Годится, но при условии, что после ужина ты устроишь мне стриптиз. Костюм — это здорово, но все, что под ним, куда интересней.

— Это мы с радостью, — заверила я.

Для Агаткиного костюма мог подойти только один ресторан в нашем городе. Пафосное заведение с двумя залами и дюжиной отдельных кабинетов. Славка, заказывая столик, предпочел кабинет, так что мой костюм недолго мозолил глаза публике, хотя и был оценен ею по достоинству. Пока мы с ним и Славкой торжественно маршировали через весь зал, ведомые подобострастным метрдотелем, граждане не спускали с него глаз. Причем граждане обоих полов. Вряд ли мужская половина человечества особо заинтересовалась костюмом, и мы поделили с ним славу поровну: женщин, безусловно, интересовал именно он.

— Верни его Агатке, — смеясь, сказал Славка, устраиваясь за столиком.

— С какой стати?

— Ты слишком хороша, это начинает беспокоить. А ну какой-нибудь стервец решит перебежать мне дорогу?

— Он быстро сообразит, что дурака свалял.

— Ты просто невероятно красива, — вздохнул Славка, — и костюм здесь совершенно ни при чем. Поскорее выходи за меня замуж, хоть какая-то гарантия, что тебя не уведут из-под носа.

Мы сделали заказ и выпили по бокалу вина. Я выжидала, когда Славка полезет с вопросами, раз уж без них он не мог. Он разглядывал меня с улыбкой и беспокойством в глазах и наконец спросил:

— Когда пойдем в загс?

— Время терпит. Я ведь не на сносях.

— А жаль, — хмыкнул он. — Скажи, это не связано... то есть я хотел сказать, это связано с тем, что произошло?

— Само собой. Вот закончу с этим делом, и пойдем под венец.

— А чем ты, собственно, занята? — насторожился он.

— Бегаю в добровольных помощниках милиции.

— Где бегаешь? — Славка нахмурился. Ему уже мерещились враги, от которых меня срочно надо спасать.

— В основном по подругам. Пытаюсь что-нибудь узнать об этом Мише.

— И как успехи? — Славка малость расслабился.

— Никак. Их просто нет. Я уже начинаю думать, что Миши тоже нет. Никто из девчонок слыхом о нем не слыхивал.

— Я думал, женщины не прочь поговорить о своих парнях.

— Я тоже так думала. О тебе я всем разболтала сразу. Милка оказалась куда сдержаннее.

— У нее была причина держать язык за зубами, разве нет? Именно поэтому никто о Мише и не знает.

— С Берсеньевым никому из подруг тоже не уда-

лось свести знакомство. Конечно, он крутой бизнесмен, но ты еще круче, однако за пару месяцев перезнакомился со всеми моими подругами.

— Это потому, что ты остро нуждаешься в их обществе.

— Если честно, не особенно.

— Нет бы ответить: когда ты рядом, мне никто не нужен.

— Это ты сказал или я?

— Господи, — фыркнул Славка, — и почему я до сих пор не послал тебя к черту?

— Вот и я думаю: почему? — Вышло излишне серьезно, и я поспешила широко улыбнуться.

На следующий день я наконец-то дозвонилась до Веры, Милкиной подруги, с которой они вместе работали у Берсеньева.

— Слушай, у меня вечером встреча, — заныла она. — О чем ты поговорить хотела?

— О Милке, естественно. Пытаюсь своим умом дойти, кому она перешла дорогу. Вот и пристаю к людям с вопросами. Толку от этого ноль, но на душе как-то спокойнее.

— Понятно, — вздохнула Верка. Девкой она была доброй и теперь наверняка прикидывала, как со мной поговорить и не угробить на это вечер. — Знаешь что, приезжай в офис. Я сейчас кабинет ни с кем не делю, поговорим спокойно, кофейку попьем. А вечером правда не могу, с мужиком познакомилась в выходные, сегодня наконец позвонил... — Весело хихикая, она поведала мне историю знакомства, а я вдруг подумала: жизнь продолжается. Без обиды за погибшую подругу, просто подумала, и все.

Вера просила зайти ближе к обеду, и я отправилась в офис Берсеньева пешком. По дороге загля-

нула в магазин, примерила блузку и туфли, в общем, тянула время. Вышла на улицу, сделала пару шагов и ошалело замерла. Из ресторана напротив вышел Стас. Оглянулся, достал из кармана пиджака темные очки и направился к припаркованному неподалеку джипу. Машина была с питерскими номерами, но вовсе не та, на которой он приезжал сюда несколько месяцев назад.

Я попятилась, чтобы он меня не увидел, не сводя глаз с его машины. Уезжать он не спешил, окно со стороны водителя опустилось, Стас курил, судя по всему, кого-то ждал. «Может быть, Настю? — подумала я. — Какого черта он вернулся? Ведь знает, как это опасно. Он должен уладить дела с наследством... Давно он здесь?» Эти мысли вихрем кружились в голове, а в груди пекло и было больно, и я вдруг почувствовала себя беспомощной, а еще жалкой, как чувствовала себя всегда, думая о нем. Черный «Опель», объехав джип Стаса, аккуратно встал перед ним. Из машины показался мужчина лет сорока, коренастый, среднего роста, в джинсах и ветровке. Стас вышел ему навстречу, мужчины пожали друг другу руки, с проезжей части переместились на тротуар. Стас стоял, сунув руки в карманы брюк, вздернув подбородок и глядя куда-то перед собой, а не на собеседника, мужчина торопливо ему что-то рассказывал, жестикулируя и то и дело кивая головой. Не похоже, что нервничает, скорее торопится поделиться новостями или объясняет что-то. Стас склонил голову, вроде бы разглядывая асфальт под ногами, потом повернулся, произнес несколько слов, мужчина развел руками, подумал и кивнул. Стас вновь заговорил, мужчина внимательно слушал. На встречу старых друзей это не походило. Может, потому, что выглядели они прямой противоположностью

друг другу. Стас высокий, широкоплечий, в дорогом костюме, с гордо вскинутым подбородком, глаза скрыты очками. Красивое лицо. Красивое, когда не видишь глаз. Женщины, проходя мимо, оборачивались, чтобы взглянуть на него еще раз. Рядом с ним собеседник выглядел серой мышкой. Наконец мужчины вновь пожали друг другу руки и разошлись по машинам. Джип рванул с места и через полминуты исчез за поворотом. А я почувствовала настоятельную потребность сесть, а еще лучше выпить.

Забрела в кафе, которое было в торговом центре, и заказала рюмку водки. Сидела за столом и пялилась на нее. Стас здесь, совсем рядом...

Когда-то он был охранником моего мужа. Наш роман с Вадимом продолжался недолго, но закончился свадьбой. Отправляясь под венец, я не удосужилась поинтересоваться, как мой муж зарабатывает деньги. Открытие не пришлось мне по душе, еще меньше оно понравилось родителям. По их мнению, Вадим был с законом не в ладах, что подкреплялось досье на восемнадцати страницах. Так что хотелось мне или нет, а считаться с ним пришлось. Будь я умнее, быстренько бы развелась, упорхнув под крыло родителей, но возникла проблема: Стас. Он жил в нашем доме и очень скоро стал моим любовником. Как и положено среднестатистической дуре, я мечтала соединить с ним свою судьбу. Вадим виделся единственной помехой на пути к нашему счастью, и Стас предложил его убить. Поначалу я решила, что он шутит. Но мозги мне он вправил быстро, и уговаривать долго меня не пришлось. Я сделала то, что сделала, оправдывая себя тем, что другого выхода нет. Вранье. Выход всегда есть. Но в тот момент я считала иначе. Я-то думала, что Стасу нужна я,

оказалось — деньги. Миллион долларов США, с которыми он покинул этот город, оставив мне бельевую веревку — верное средство от угрызений совести. И несчастной любви. Веревкой я не воспользовалась, духа не хватило. Или помешала здравая мысль, что один грех не искупить другим. И я попробовала жить без него. Не скажу, что хорошо получалось, но кое-как справлялась. Пока несколько месяцев назад судьба вновь не свела нас — преуспевающего бизнесмена из Питера с молодой женой и меня, дворничиху с разбитым сердцем. Ничего хорошего из этого, само собой, не вышло. Я вляпалась в очередную историю, где вновь фигурировал труп, а Стасу с женой пришлось спешно покинуть город. Отец Насти погиб, она стала богатой наследницей, а наследство пригляда требует. Вот Стас, должно быть, и вернулся, решив, что три месяца — достаточный срок, чтобы страсти поутихли. Напрасная надежда. В городе был человек, для которого поквитаться с ним было навязчивой идеей. Вряд ли он успокоится и за куда больший срок. Человек этот — Дмитрий Ломакин, Димка — сын Вадима. После гибели отца он, по слухам, занял его место. Ко мне у него тоже были существенные претензии, что не удивительно[1]. Однако после того, как Стас с Настей покинули город, Димка никак себя не проявлял. Ни звонков с угрозами, ни звероватого вида парней под окнами. Может, ждал чего-то, а может, я казалась ему существом незначительным. Заводной игрушкой, которая пляшет по хлопку хозяина. Славка принял самое деятельное участие в той истории и предложил мне на некоторое время уехать

---

[1] Подробно об этом читайте в романе Татьяны Поляковой «И буду век ему верна?», издательство «Эксмо».

за границу, но я отказалась. Может, не очень-то боялась чужой мести, а может, потому, что решила — у Димки есть на это право.

Рюмка так и осталась нетронутой, а я вдруг поняла, что верчу в руках мобильный. Номер Стаса я помнила наизусть, если он его не сменил, конечно. Позвонить? Зачем? Телефон притягивал взгляд, манил, как бесценное сокровище. Я резко поднялась и направилась к выходу, оставив его на столе рядом с нетронутой рюмкой.

Верка подняла взгляд от монитора компьютера и весело подмигнула:

— Привет.

— Как дела? Удалось совершить что-нибудь путное во славу российского бизнеса?

— Мне бы замуж, — промычала Верка. Рост у нее выдающийся и комплекция тоже. Копна рыжих волос и огромные глазищи. Мужики должны столбенеть. Я хоть и не мужик, но столбенела, почувствовав себя в присутствии Верки ущербным созданием, у которого не руки, а ручки, не ноги, а ножки, а вместо головы вообще неясно что. Дабы вернуть себе чувство собственного достоинства, я переключила свое внимание с Верки на окружающие предметы.

Офис Берсеньева занимал второй этаж новенького здания, не скажу, что в самом центре города, но в достаточной близости от него, чтобы считаться престижным местом. Выйдя из лифта, я обнаружила двухстворчатую дубовую дверь, на стене рядом — табличку с названием фирмы. За такой дверью, по моему мнению, должен находиться охранник, и, потянув ее на себя, я усомнилась, так ли уж легко попасть в кабинет Верки. Охранник в самом деле был, сидел за столом и пялился в ком-

пьютер. Для чего ему компьютер, осталось неясным, парень лет двадцати пяти взглянул на меня сонно, спросил:

— Вы к кому?

Я назвала фамилию, удостоилась кивка и лаконичного ответа:

— Двенадцатый кабинет.

Офисы богатые, не очень и совсем скромные навевали на меня тоску. При мысли, что здесь придется находиться с 9.00 до 18.00 как минимум, я начинала думать о своем участке с любовью и благодарностью. Даже в прошлом году, когда пришлось убедиться, что зимой в России снег все-таки не редкость, у меня не возникло желания променять лопату на компьютер. Хотя Веркин кабинет мне понравился. Просторный, светлый, окно во всю стену, стеллажи, два стола, за одним Верка, второй пустовал.

— Хочешь кофе или чаю? — спросила она. — У меня сухарики есть. Ничего другого не держу. От сладкого зубы болят.

— У меня — не болят, — ответила я, устраиваясь за столом. — Только башка от водки.

— Так ты не пьешь.

— Все пьют. Просто я хитрю и пью в одиночку.

— Да ладно, — недоверчиво протянула Верка. — Хочешь, спрошу конфет у девчонок.

— Хочу, чтобы ты про Милку рассказала.

Верка скуксилась и вздохнула.

— Ну ты и так все знаешь.

— А ты расскажи, как будто не знаю.

— Ага, — кивнула Верка и замолчала.

— Начни с ее романа с Берсеньевым. Она работала здесь четыре года, но любовь задержалась на несколько лет и вспыхнула примерно год назад.

— Не-а, раньше, — подумав, ответила Верка. —

Мы сюда два года как переехали, а до этого офис был на Сизова, там теперь страховая компания. Помещение принадлежит разным хозяевам, и имело два входа. Кабинет Берсеньева в одном крыле, мы в другом. Числились мы с Милкой рядовым офисным планктоном, и перед светлыми очами хозяина возникать не было никакой необходимости. Видели его от силы раз в день, да и то в окно, когда он в машину садился. Для нас он был хозяин с большой буквы, никто о любви с ним не помышлял. Милка-то уж точно. А вот когда переехали и Берсеньев стал глаза мозолить, то там пройдет, то туда заглянет, Милка на него и запала. Принялась хвостом крутить. Все за этим наблюдали с большим интересом, гадая: выгорит или нет. В прошлом году на корпоративку по случаю Восьмого марта она явилась в красном платье и пошла в атаку. Сама танцевать его пригласила, хватив коньячку, он тоже с коньячком перестарался, принялись зажигать на пару. После праздника их отношения сместились в сторону игривости. Улыбки, взгляды... Милка на седьмом небе, но расслабляться не спешила. Шеф у нас тусовщик знатный, мог подцепить в ночном клубе какую-нибудь лахудру — и улыбочки улыбочками останутся. Ближе к лету Танька их в кабинете засекла. У шефа рожа багровая и галстук сбит на сторону, а у Милки титьки наружу, хоть она и поспешила засунуть их обратно. В общем, свершилось. А потом они уже и не прятались. Обедать вместе, с работы вместе, да и Людмила Михайловна принялась такие понты кидать, что стало ясно: отношения у них с шефом близки до оргазма.

— А что за понты? — спросила я.

— Ну... ты плохо знала свою подругу, если такие вопросы задаешь. Сразу дала понять, кто в доме

хозяин. Запросто могла наорать, а если кто в ответ вякал, так грозилась уволить. Правда, Берсеньев никого не выгнал, но и ее на место ни разу не поставил. Делал вид, что ничего не замечает. Потом они решили пожениться, и ей удержу вовсе не стало. Потребовала себе отдельный кабинет и должность зама. Кабинет не получила, у нас и так народ теснится, пришлось нам с ней одним воздухом дышать, и замом ее не назначили. Хотя баба она толковая и вполне могла бы... Вместо этого Берсеньев предложил ей к свадьбе готовиться, и она все больше по салонам да магазинам бегала. В общем, когда Берсеньев вдруг запал на Чухонку, многие от души позлорадствовали. Не все коту масленица, то есть кошке, конечно.

— Про Чухонку как узнали?

— Так сама Милка и растрепала. Устроила ему скандал с битьем посуды. Какой там, на хрен, Шекспир! Народ притих и затаился. Я Милке, конечно, сочувствовала, обидно все-таки, поймала жар-птицу, и нате вам... К тому же ко мне она всегда относилась дружески, если и орала, то по делу. У меня память плохая, что-нибудь да забуду, а запишу на бумажке, так бумажку потеряю... Все ждали, шеф ее погонит, но он терпел. Берсеньев у нас из тех, кто физически не может сказать слово «член» матом и женщину обидеть тоже не может. Вот так мы и жили... — вздохнула Верка.

— Скандалы — это понятно. Но не всегда же она скандалила. Она тебе ничего не рассказывала про нового знакомого по имени Миша?

— Нет. Менты о нем тоже спрашивали. Ни о каком Мише я не слышала. Но кто-то у нее точно был.

— Откуда знаешь?

— Как-то она вдруг стихла. С Берсеньевым по

имени-отчеству, работала за двоих, а глаза горят. Вдруг задумается и улыбается так, точно ее мужик оглаживает. Я, конечно, с вопросами полезла, да без толку. Один раз, когда я особо домогалась, Милка сказала, что надежды не теряет на близкое счастье с Берсеньевым.

— А ничего странного ты не замечала? Может, звонил ей кто?

— Ну, звонят у нас постоянно. А странного... она с собой диктофон начала таскать.

— Диктофон? — насторожилась я.

— Ага. Маленький такой, но я заметила. Спросила, зачем ей, а Милка разозлилась. И стала его прятать.

— Думаешь, она компромат на Берсеньева собирала? — почесав за ухом, спросила я.

— Такая мысль мелькнула, но... — Верка развела руками.

— Чего «но»? — поторопила я.

— Откуда компромату взяться? Не знаю, что у Берсеньева на личном фронте, а здесь у нас все чисто. Работаем по договорам, налоги платим до последней копейки, реши Милка продать секреты конкурентам, то и тут полный облом — и секретов нет, и конкурентами не обзавелись. Фирма у нас надежная, но бешеных денег здесь не крутится. К тому же финансами Митя Новосельцев ведает, зануда страшный, помешанный на законности, каждую цифру сто раз проверит, сам в дерьмо не полезет и другим не даст. Берсеньев его очень ценит и всем в пример ставит. Сам Сергей Львович осуществляет общее руководство. Он по организационной части — гений, а замы — рабочие лошадки, но тоже в своем роде гении. Так что в будущее смотрим уверенно, а репутацией дорожим.

— Аминь, — кивнула я.

Мы немного помолчали, размышляя каждая о своем. Я поскребла затылок с постной миной и спросила:

— Значит, вы делили кабинет с Милкой?

— Ага, — кивнула Вера.

— Это ее стол?

— Само собой.

— И компьютер тоже ее? Можно я в нем немного пошарю?

— Да ради бога. Только дверь запру, чтоб кто-нибудь не заглянул ненароком. Менты компьютером интересовались, хотели к себе уволочь, еле отбили, пришлось внушить людям, что это рабочий инструмент. Насколько мне известно, ничего интересного они не обнаружили.

— Вдруг мне повезет больше? — помечтала я.

Мне не повезло. Потратив больше часа, я могла констатировать, что на работе Милка работала, в отличие от многочисленных граждан, которые совмещают приятное с полезным. Я проверила почту. Письма шантажиста не нашла, что не удивило: Милка поспешила его уничтожить. Никаких записей и документов, которые могли бы вызвать подозрение. Если подруга и напала на след потенциальных врагов, предпочла хранить свои тайны в другом месте.

Что бы она стала делать с документами, если б таковые обнаружились? Спрятала дома? Или в каком-то другом месте, которое она сочла надежным? А если речь идет не о документах, а о неких людях, вызвавших у нее подозрение? Я бы поспешила рассказать обо всем Берсеньеву. Хотя... если речь шла о близких ему людях, а прямых доказательств у нее не было, она, скорее всего, помалкивала, надеясь доказательства раздобыть. Я к следователю со своими догадками тоже не спешу...

Выключив компьютер, я вновь поскребла затылок.

— Ну что? — спросила Верка. — Легче стало?

— Не стало.

— Ты сделала, что могла.

Она поднялась, подошла к двери, повернула ключ в замке. Это можно было расценить как предложение выметаться, но я не спешила. Было странное чувство, что я не вижу или не понимаю очевидного. Теплилась надежда: если я еще немного здесь посижу, то начну понимать.

Время шло, а озарением не пахло. Очень захотелось вскарабкаться на стену и немного поползать по потолку. Когда я собралась удалиться, сообразив, что удача не торопится навстречу, дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошла женщина лет тридцати, высокая, очень худая, с длинными темными волосами, рассыпанными по плечам. Одета она была в серую юбку и блузку в полоску, очки без оправы, взгляд пристальный и даже настороженный. Я решила, что это секретарь Берсеньева, и оказалась права.

— Привет, — сказала девушка, переводя взгляд с меня на Верку.

— Привет, — ответила та и на меня кивнула: — Знакомьтесь, это Татьяна, а это Фенька.

— Та самая? — улыбнувшись краем губ, уточнила Татьяна. Что она имеет в виду, для меня осталось загадкой, а Верка заявила:

— Ага. — И обе на меня уставились.

— И чего? — проявила я интерес.

— Странная история, — покачала головой Татьяна.

— Берсеньев здесь? — влезла Верка.

— Нет. Но скоро должен появиться. То, что болтают про шантажиста, правда? — Она смотрела на

меня, и стало ясно, что отвечать на этот вопрос тоже придется мне.

— Не знаю, что у вас болтают, но Милка сказала, что некий тип хочет денег.

— За фотку? На которой она с другим мужиком? — Я решила, что могу и не отвечать, раз уж девушка и без меня все знает. — Чудеса... — сказала она нараспев.

— Есть сомнения? — подала я голос.

— Ну... зачем ей врать подруге? Хотя... трудно представить, что она ему изменила. Может, раньше, но не после того, как они вернулись из Венесуэлы.

— Наблюдалась большая любовь?

— Огромная, — усмехнулась Татьяна. — Когда женщина с таким восторгом смотрит на мужчину, вряд ли ее посещает мысль об измене.

— А он на нее тоже с восторгом смотрел?

— С нежностью. Если честно, я завидовала. И вовсе не тому, что Милка шефа окрутила, а настоящему чувству с обеих сторон. По-моему, сейчас это большая редкость. Правду говорят, что несчастье сближает людей. Раньше Милка на него смотрела как на собственность, любила указать, настоять на своем. Видимо, его это раздражало, вот он и нашел ей замену. А в последнее время она вроде как тише стала, уступила первенство. В рот ему смотрела и готова была со всем согласиться. Да и он изменился. Впрочем, неудивительно. И вдруг такое несчастье.

— Как он, справляется? — спросила я.

— Держится, но это нелегко дается. Не успел в себя человек прийти после аварии, и нате вам...

— Со здоровьем у него большие проблемы?

— Да вроде бы все нормально. Организм молодой... Первое время он даже документы подписывать не мог: правая рука сломана, ладонь по кос-

точкам собирали, пришлось печать изготовить с его подписью, чтоб не мучился. Но я думаю, сейчас его мало беспокоит собственное здоровье.

— На днях у него была посетительница, юная девушка со светлыми волосами.

— Была, — усмехнулась Татьяна. — Выскочила из кабинета зареванная. Это Чухонка, о которой Милка рассказывала? Вряд ли девчонка что-то выгадала от ее смерти. Ему потребуется время, чтобы прийти в себя... хотя... никогда не знаешь, как все обернется...

— А никаких странностей за шефом в последнее время вы не замечали? Может, звонки какие-нибудь или излишняя нервозность?

В ответ она пожала плечами:

— Не замечала.

— Фенька считает, что под нас конкуренты копают, — с усмешкой заметила Вера.

— Откуда им взяться?

Татьяна задала Верке пару вопросов касательно работы, взяла папку с документами и покинула кабинет.

— Танька права, — понаблюдав за мной, заметила Вера. — Милка последнее время говорила о Берсеньеве с придыханием. Любовь, граничащая с обожанием. Она б в лепешку разбилась для его удовольствия. А раньше в самом деле относилась... как бы это помягче... без особого уважения. Уж очень командовать любила.

— Одно другому противоречит, — кивнула я. — Любовь, и вдруг Миша...

— Да уж...

Минут через пять я простилась с Веркой. Двигая по коридору, продолжала размышлять о странностях в поведении Милки, которых, на мой взгляд, предостаточно. Еще несколько дней назад я была

уверена: ее любовь к Берсеньеву — скорее упрямство, помноженное на нежелание упустить состоятельного мужика. Теперь выходило, что к Берсеньеву у нее в действительности были большие чувства. Собственно, она это доказала, вытащив его с того света в далекой Венесуэле. Но это лишь подтверждало мою теорию: гибель Милки каким-то образом связана с Берсеньевым, точнее, с тем, что вокруг него происходит. Подруге стало известно об этом, и в результате... «Берсеньев просто обязан знать о своих врагах», — решила я и тут же увидела того, кто наравне с Милкой в последнее время не выходит у меня из головы. Одна из дверей распахнулась, и появился Сергей Львович.

Если это показалось для меня неожиданностью, то он явно пребывал в еще большем замешательстве. Он замер, посмотрел на меня с сомнением и спросил:

— Это вы?

— Глупо врать, что кто-то другой, правда? — улыбнулась я, втайне надеясь, что моя улыбка произведет-таки впечатление. Обычно так и бывало. Но не сегодня. Сергей Львович нахмурился.

— Что вы здесь делаете?

Я страдальчески огляделась, уже сообразив, что наша встреча не сулит ничего хорошего. Ладно бы только мне, но есть еще Верка. Как бы ей не досталось за то, что я разгуливаю по коридорам офиса.

— Отвечать обязательно? Так быстро ничего путного я все равно не придумаю.

— Идемте, — кивнул он, не то чтобы спокойно, но и без заметной нервозности.

Он направился по коридору в том самом направлении, откуда возвращалась я, а я припустилась следом, лелея в душе надежду, что он меня выслушает, прежде чем начнет вправлять мозги.

Берсеньев распахнул дверь, и я увидела просторную приемную. За столом возле окна сидела Татьяна. Увидев Берсеньева, она улыбнулась, но тут заметила меня и поспешно убрала улыбку. Берсеньев на ее мимику никакого внимания не обратил, пересек приемную, не говоря ни слова, и распахнул очередную дверь. Подождал, когда я войду в кабинет, и бросил Татьяне, не поворачивая головы:

— Я занят.

Кабинет Берсеньева оказался небольшим и каким-то безликим. Окна с поднятыми жалюзи, стол с неизменным ноутбуком, два кресла. Чуть в стороне мягкая мебель и журнальный столик.

— Садитесь, — кивнул он в сторону дивана.

Я села, он опустился в кресло по соседству. Теперь я рассчитывала на доверительную беседу. Тот факт, что Берсеньев не устроился за столом с начальственным видом, позволял надеяться, что он не прочь поговорить по душам. Хотя наверняка, конечно, не скажешь. Физиономия его оставалась непроницаемой. Гадай теперь, как он воспринял мое появление.

— Слушаю вас, Ефимия Константиновна.

Я поморщилась.

— Такое обращение вызывает у меня чувство неполноценности, — сказала я со вздохом.

— С какой стати?

— По-моему, звучит довольно глупо.

— Не я вам дал это имя.

— Своих родителей я успела отблагодарить. Если вам претит называть меня Фенькой, обращайтесь по фамилии. Или вовсе никак.

— Хорошо, оставим это. Скажите, что вам понадобилось в моем офисе?

— Нетрудно догадаться, — пожала я плечами.

— Только не мне. Так в чем дело?

— Пытаюсь хоть что-нибудь узнать о Михаиле. Вдруг кому-то из знакомых Милка о нем рассказывала.

— Может, предоставить это дело милиции? Уверен, у них получится куда лучше.

— Возможно. Но помочь-то я могу?

— Вы уже помогли своей подруге, — усмехнулся он.

— Критику принимаю, — кивнула я. — Даже если бы вы выразились резче, я бы и это проглотила.

— Не совались бы вы не в свое дело, — со вздохом заметил он.

— Не соваться я не умею. И учиться не собираюсь.

Он взглянул исподлобья.

— Должен заметить, мне ваше поведение не нравится.

— Да и я от него не в восторге.

Он вдруг засмеялся и покачал головой. Достал сигареты, протянул мне пачку.

— Курите?

— Спасибо, — отказалась я.

— А я закурю. Два года не курил, а теперь...

— Бросить курить легко, — заметила я, наблюдая за тем, как он неловко возится с зажигалкой. — Я уже раз десять бросала.

— Считаете, у вас есть чувство юмора? Должен заметить, оно не ко времени.

— Извините, — вздохнула я. — Милка была моей подругой, что бы вы по этому поводу ни думали.

Он помолчал немного, приглядываясь ко мне.

— Допустим, вы действуете из лучших побуждений. Вот только смысла в этом не вижу.

— Сергей Львович, вы в поведении Милы ничего странного в последнее время не замечали?

— Это смешно, — хмыкнул он. — На подобные вопросы я уже ответил следователю. Что вы себе вообразили?

— У меня есть повод думать, что никакого Миши в природе не существует.

Берсеньев затушил сигарету и в упор взглянул на меня.

— Есть повод или вы в этом уверены, потому что сами его и выдумали?

— Для таких выдумок должна быть причина. Может, я и произвожу впечатление слегка чокнутой, но сама себя таковой не считаю.

— Людям свойственно ошибаться, — усмехнулся он. — Так что у вас за повод?

— Скажите, Сергей Львович, у вас есть враги?

— Наверное, только я о них ничего не знаю.

— Допустим, не знаете, но предположение сделать можете.

— Не пойму, о чем вы? — нахмурился он.

— Мы с вами познакомились несколько дней назад, но я абсолютно уверена, что ваш голос слышала раньше.

— Мой голос? — Он вроде бы решил, что я дурака валяю, по крайней мере, смотрел с недоумением.

— В конце апреля меня нелегкая занесла в один дом... — Далее я, как могла доходчиво, поведала о своих приключениях в Лесном. Берсеньев слушал не перебивая. Глаза его отливали сталью, ощущать этот взгляд было неприятно, может, потому, что я была убеждена: он не поверил ни одному моему слову. Так и оказалось.

— Вы это сейчас придумали? — сурово спросил он.

— У меня фантазия убогая, — ответила я. — Я рассказывала Людмиле эту историю.

— И что?

— Возможно, она проявила любопытство.

— Стоп, — Берсеньев поднял руку. — Если до той поры мы не встречались, то с чего вы взяли, что это мой голос? Я хочу сказать, если Мила не знала, что голос на предполагаемой пленке принадлежал мне, с какой стати ей интересоваться этим домом?

— Согласна. Но ведь это могло быть обычное любопытство, а проявив его, она обнаружила нечто...

— Понимаю, куда вы клоните, — усмехнулся он. — И она ничего не рассказала мне? По-моему, это бред. Не советую вам повторять все это следователю, версия с шантажистом куда убедительнее. Хотя и в ней я сомневаюсь.

— А своя версия у вас есть?

— Есть. Вы втравили Милу в скверную историю. Это не вы с ней, а она с вами отправилась на встречу с каким-то типом. И в результате погибла. А вы отделались легким сотрясением мозга.

— Интересная мысль, — кивнула я.

— Куда уж интересней. Готов допустить, что вас мучает совесть, но помогать следствию вы не намерены, пытаясь сохранить свои тайны. Я проявил любопытство. Оказывается, ваша жизнь вполне сгодится для авантюрного романа с элементами детектива. И белых пятен в ней предостаточно. Что скажете?

— Скажу, что любопытство проявили не зря.

— Учитывая, кто ваши родители, убийство может так и остаться нераскрытым.

— Ценю вашу откровенность, — кивнула я. — Надо полагать, мои слова впечатления на вас не произведут, и все же: я ничего не выдумывала.

Он вновь уставился на меня, а я решила, что характер Берсеньева далек от моих представлений о

нем, хотя бы потому, что выдержать его взгляд непросто. Он вдруг вздохнул и покачал головой в досаде.

— Не пойму, по какой причине, но я вам верю. Однако эта история с диктофоном — полная чушь. Скажите честно, вы на сто процентов уверены, что слышали мой голос?

— Я — да, но убедить в этом кого-то еще весьма проблематично. У меня к вам просьба: будьте осторожны, не хотите верить — ради бога, но на досуге пораскиньте мозгами, вдруг враги начнут вырисовываться. — Я поднялась, решив, что разговор на этом закончен, но Берсеньев остановил меня жестом.

— Давайте следовать логике. У меня нет врагов, конкурентов тоже нет. Я совершенно одинок, моя мать была сирота, инвалид детства. Кто сделал ей ребенка, неизвестно, скорее всего, любовник на одну ночь. Она умерла в тридцать один год, когда мне было пять лет. Меня взяла к себе ее тетка — единственный близкий человек. Десять лет назад тетка скончалась. У меня нет компаньона, который в случае моей смерти мог бы претендовать на мою часть бизнеса. Я не занимаюсь политикой, я... в общем, я не представляю, кому вообще могу быть интересен, причем до такой степени, чтобы этот «кто-то» решился на убийство. И я абсолютно уверен: если бы Мила узнала о чем-то для меня опасном, сразу же рассказала бы мне. У нас не было тайн друг от друга.

— Можно нескромный вопрос? — спросила я.

Берсеньев улыбнулся.

— Я от вас скромных и не жду. — Голос его звучал мягко, и улыбался он без насмешки, скорее сочувственно.

— Позавчера к вам приходила девушка...

— О господи, не ее же вы подозреваете?

— Если и была шальная мысль, то только до встречи с ней. Сейчас меня интересует другое. Вы ведь знаете, что она беременна?

— Ваша осведомленность впечатляет, — хмыкнул он.

— Может, я чего-то не понимаю, но как человек, выросший без отца...

— Так вот в чем дело. По-вашему, я должен на ней жениться?

— Вы как будто и сами подумывали об этом всего несколько месяцев назад.

— Раз уж у нас с вами разговор по душам, не вижу повода скрывать правду. Она вам может не понравиться, но что есть, то есть. Наши отношения с Милой длились больше года. Как всякая женщина, она хотела, чтобы отношения эти закончились совместной прогулкой в загс. А я не был к этому готов. И тут подвернулась эта девчонка. Мила о ней узнала, и я решил, что это хороший повод отбить у нее охоту к ненужным фантазиям. Она тяжело переживала наш разрыв, я это видел и чувствовал себя виноватым. Поэтому, когда она предложила вместе провести отпуск, я с готовностью согласился. Что произошло потом, вы знаете. Валяясь на больничной койке, я многое понял. Людмила стала для меня самым близким человеком. И никого другого на ее месте я не вижу, по крайней мере сейчас. А что касается девушки... Я сомневаюсь, что это мой ребенок.

— Она в этом не сомневается.

— Так вы и с ней успели свести знакомство? — поднял брови Берсеньев. — Должен вам сказать, внешность бывает обманчива. Пару раз я вытаскивал ее из ночных клубов практически в невменяемом состоянии. Как-то застал в компании моло-

дого человека, который явно одевался в спешке, в то время как моя юная подружка щеголяла в неглиже. Я спокойно относился к этому, но водить себя за нос не позволю. Лишние сложности мне ни к чему, о презервативах я знаю, покупать их не стесняюсь. Поэтому и предложил ей вполне разумный выход: если она сохранит ребенка, я стану ей помогать. Но признаю его только в случае стопроцентной уверенности, что его отец действительно я.

Через десять минут я покинула офис Берсеньева с весьма странным чувством. С одной стороны, все вроде бы ясно: чувства к Наташе, которые многие, и моя подруга в том числе, принимали за большую любовь, были всего лишь увлечением, и теперь становилось понятно, почему Берсеньев с такой легкостью принял предложение Милки провести отпуск вместе. У меня по-прежнему никаких догадок, кто и по какой причине убил мою подругу. Берсеньев вроде бы уверен, что врагов, серьезных врагов, у него нет. Сомневаться в его словах у меня причины тоже не было. Мой рассказ о доме в Лесном вызвал у него скорее недоумение, а еще сомнение в искренности моих слов. Он решил — я все это попросту выдумала, чтобы отвести подозрение от себя. Что ж, вполне логично. Но я-то знала, что одинокий старичок вовсе не плод моего воображения. Смущало еще нечто такое, чему я никак не могла дать определение. Проще всего было назвать это интуицией, то есть я была уверена, Берсеньеву известно куда больше, но он предпочитает об этом помалкивать. Что, кстати, не удивительно. И все-таки что-то в нашем разговоре настораживало. Вновь вернулось чувство, что я

упустила нечто важное, очевидное, лежавшее на поверхности. Настроения мне это, само собой, не прибавило, более того, здорово злило. И я в который раз прокручивала в голове недавний разговор. Толку от этого чуть, только голова разболелась.

Я зашла в магазин и купила мобильный. Славка, должно быть, теряется в догадках, почему я не отвечаю на звонки. И, конечно, переживает. Его хлебом не корми, только дай побеспокоиться. Предупредив, что у меня сменился номер, я отправилась домой. Славка обещал приехать через час, а я в целях успокоения нервной системы решила принять ванну, но и в этом не преуспела. Зазвонил телефон в прихожей, и я бросилась к нему в одной тапке и наспех наброшенном халате, хотя могла бы на звонок наплевать. Добрых вестей я не ждала, а плохие подождут, но к телефону все-таки спешила. Звонила мать Милки. По тому, как звучал ее голос, стало ясно: испытания еще впереди.

— Фенечка, хорошо, что я тебя застала, — заговорила она. — Неудобно тебя беспокоить, но...

— Что случилось? — перебила я, решив не церемониться.

— У нас несчастье. Оля погибла, Милочкина двоюродная сестра. Ты ведь ее знала?

— Да, конечно, — ошалело ответила я, силясь прийти в себя от этой новости.

— Оля уехала сразу после похорон Милы, потому что дочка оставалась с соседями, вот и торопилась, а моя сестра, Ксения Григорьевна, была здесь, со мной, уехала вчера вечером, вот сейчас позвонила... просто ужас какой-то... мне надо ехать к сестре, а голова ничего не соображает. Хотела позвонить Сереже, чтобы он меня отвез, но тут о тебе подумала. У тебя ведь есть машина?

— Да, конечно, — сказала я. — Я сейчас приеду.

Повесив трубку, я бестолково заметалась по квартире, пытаясь одновременно найти ключи от машины, одеться и позвонить Славке. Оделась за пять минут, ключи в конце концов тоже отыскались, хуже всего было со Славкой. Он тут же заявил, что поедет со мной.

— Скажи на милость, кому ты там нужен? — со вздохом спросила я, скатываясь по лестнице.

— Тебе не кажется подозрительным, что две сестры гибнут одна за другой? — сурово произнес он.

— Я даже не знаю, что случилось.

— Что бы ни случилось...

Мы продолжали препираться довольно долго. Я уже подъезжала к дому Эммы Григорьевны, когда Славка произнес с отчаянием:

— Держи телефон при себе, чтобы я мог дозвониться. Ты-то уж точно забудешь позвонить.

— А что я сейчас делаю? — возмутилась я и бросила мобильный в сумку.

Эмма Григорьевна стояла у кухонного окна. Увидев во дворе мою машину, поспешила навстречу. В результате мы столкнулись в подъезде.

— Что же это делается? — причитала женщина, ухватив меня за руку. — Сначала Мила, теперь вот Оленька... Где справедливость, Феня?

По этому поводу мне сказать было нечего, и я отделалась кивками и вздохами, помогла Эмме Григорьевне устроиться в машине и, немного выждав, задала вопрос:

— Что случилось с Олей?

— Сама толком не знаю, — покачала головой Эмма Григорьевна. — Феня, как думаешь, венок здесь купить или лучше там? Наверное, там. Что у них, венков нет?

— Уверена, что есть.

— Кажется, я деньги забыла... — Эмма Григорь-

евна схватила сумку с заднего сиденья и принялась в ней рыться, сказала с облегчением: — Нет, здесь они. У сестры сроду денег не было. Если честно, она ужасно неприспособленная. Все у нее не как у людей. Замуж и то не вышла. Связалась с женатым... О господи, о чем это я сейчас? Не знаю, как Ксюша все это переживет. Весь дом на Оле держался. А теперь Ксения с маленьким ребенком. Она же себе пенсию и ту не заработала, получает гроши... Не могла настоять, чтобы дочь образование получила, а девочка была талантливая... красавица. И что? Ольга замуж не вышла, ребенка родила неизвестно от кого, а теперь вот... Что Ксения будет делать с ребенком, ума не приложу. Придется забирать их к себе. Это ужасно, сестра совершенно невыносима, но теперь мы обе лишились детей и должны поддерживать друг друга. К тому же, если не вмешаться, она и из Светочки неизвестно кого воспитает. Ох, Феня, это просто божье наказание... Но за что? Разве я плохая мать?.. Будет еще покойник... Не зря в народе говорят: если до сорокового дня в семье второй покойник, быть и третьему...

Я продолжала кивать, но как только в бесконечном словесном потоке возникла пауза (Эмма Григорьевна искала носовой платок), я вновь спросила:

— Так что вам сказала сестра?

— Да ничего толком не понять, вроде бы Ольгу машина сбила, — махнула рукой Эмма Григорьевна и зарыдала. Выяснение этого вопроса пришлось оставить до лучших времен.

Ольга жила с матерью не в самом районном центре, а в поселке, который находился километрах в десяти. Милка с сестрой дружила. Не скажу, что виделись они часто, но не реже раза в месяц Мил-

ка ее навещала, как правило, для того, чтобы привезти продукты и игрушки для племянницы. Девочке четыре года, о ее отце ничего известно не было, по крайней мере мне. Вряд ли Милка о нем что-то знала. Учитывая ее словоохотливость, особенно если дело касалось чужих секретов, я понимала: она непременно поведала бы о своих догадках. Я иногда сопровождала ее в поездках. Подолгу она в квартире родственников не задерживалась, я предпочитала ждать ее в машине. Это являлось хорошим поводом сократить визит до минимума. Надо сказать, что свою тетку Милка терпеть не могла и называла не иначе как дурищей (страсть Милки давать всем прозвища была общеизвестна).

— Когда я вижу эту безмозглую курицу, у меня давление подскакивает, — неизменно повторяла она и добавляла: — Бедная Ольга, как она ее терпит?!

Навещая Ольгу, моя подруга не просто исполняла родственный долг, как это могло показаться, к Ольге она действительно была привязана. Любила вспоминать, как счастливо они проводили время на бабушкиной даче, доверяя друг другу свои секреты, как влюбились в одного парня. Он предпочел обеим девчонку из своего класса, и соперницами они не стали. Несчастная любовь сблизила их еще больше. Милка была старше на три года. Когда она поступила в институт, Ольга еще училась в школе. Окончив ее, приехала в наш город. Подала заявление в педагогический, экзамены сдала на тройки. В этом месте Милка обычно кривилась и поясняла: «Тяга к знаниям ей от мамаши досталась». На платное обучение денег не было. Однако домой Ольга не вернулась, нашла работу и стала жить у тетки, то есть у Эммы Григорьевны, решив попытать счастья на следующий год. Со-

вместная жизнь дружбу сестер только укрепила. В то время они стали еще ближе, Милка везде ее с собой таскала, заявив как-то: «Надо ее поскорее замуж выдать, в институт она все равно не поступит, а мамаша и жена из нее выйдет просто загляденье». Ольга была невысокой блондинкой с кругленьким личиком и серыми глазами чуть навыкате. Особым умом и впрямь не блистала, как, впрочем, и красотой. Тихая, улыбчивая и услужливая. Глядя на нее, я была согласна с Милкой: пожалуй, роль матери семейства подойдет куда больше, чем тернистая стезя российского учителя. Чтобы успешно сеять разумное, доброе, вечное, надо обладать хоть каким-то характером. А с этим у Ольги проблемы. По крайней мере, в то время Милка взирала на нее с печалью и бормотала: «Нам бы паренька непьющего, тихого, а главное, работящего. Чтоб деньги в дом волок и супружницу не обижал. А она ему и детей родит, и котлет нажарит, и по сто банок огурцов на зиму закрутит. Одна беда, парней таких днем с огнем, а если и пасутся где, то в местах далеких и неизведанных».

Своих намерений пристроить сестру Милка не оставляла, пока та, ко всеобщему удивлению, не взяла свою судьбу в собственные руки. Уволившись из фирмочки, где подавала кофе немногочисленным сотрудникам и следила, чтобы в туалете всегда была бумага для известной надобности, Ольга вдруг подалась в официантки, и не куда-нибудь, а в ночной клуб «Бордо», который, по мнению граждан, мало чем отличался от борделя. Эмма Григорьевна пила капли, а Милка орала так, что я, как раз в тот момент приблизившись к их дому, слышала эти вопли, стоя во дворе. Само собой, я сочла за благо смыться и о причине семейного праздника узнала позднее. Капли и вопли

привели вовсе не к тому результату, на который рассчитывали: Ольга не только осталась работать в «Бордо», но в тот же день покинула родственников и сняла квартиру на пару с двумя девицами, которые исполняли в клубе танцы у шеста.

— Вот уж подходящая компания, — свирепела Милка и собиралась проклясть сестру, но довольно быстро передумала. Встречи их в то время заканчивались громкими ссорами, то есть громкими они были благодаря моей подруге, которая все еще надеялась вразумить сестрицу. Та, повесив голову, покорно вздыхала и, подозреваю, мало что слышала из Милкиных увещеваний.

— Оставь ее в покое, — как-то посоветовала я, испытывая к Ольге нечто вроде симпатии. Может, бордель и не самое подходящее место, но человек рожден быть свободным, по крайней мере, мне это не раз внушали в школе, и идея мне приглянулась, оттого, должно быть, я в нее и поверила. Заслышав от меня подобное предложение, Милка пошла пятнами.

— Спятила, да? Она ж один в один мамаша. Та родила неизвестно от кого, и эта непременно отправится проторенной дорогой. Я для чего ей мужа искала? Сама она его ни в жизнь не найдет, зато свяжется с каким-нибудь козлом, который ее трахнет, в душу нагадит и смоется. А мне ей сопли вытирать.

Как это ни печально, Милкины прогнозы оказались верными. За два года Ольга пережила три романа, два из которых закончились абортами, последний на приличном сроке. Милка замучилась с чужими соплями, и лишь убежденность в том, что она, как всегда, оказалась права, придавала ей силы. Ольга покинула клуб, вернулась к тетке и вновь стала заваривать кофе в ничем не примеча-

тельной фирме. Но радовалась Милка недолго. Через несколько месяцев Ольга покинула их с чемоданом, в котором уместилось все самое необходимое, оставив родне записку: «Уехала в Иваново, буду звонить». Эмма Григорьевна вновь пила капли, а Милка вознамерилась сломя голову лететь в Иваново, чтоб «убить эту дуру», но, на счастье, не знала, где «дуру» следует искать. Та звонила регулярно, но о своем точном местонахождении предусмотрительно помалкивала.

— Ну что ей делать в Иванове? — бушевала Милка. — Там своих дур девать некуда.

В славный «город невест» мы с ней все-таки съездили. Я согласилась сопровождать подругу, опасаясь, что, если отпущу ее одну, она даст волю своему темпераменту, и о ее визите там начнут слагать легенды. Скажу сразу, поездка успехом не увенчалась. Ольгу мы не нашли, в городе она жила без регистрации, что в общем-то не удивило. В наше время на такие вещи особого внимания не обращают.

— Я ожидаю самого худшего, — честно предупредила Милка, когда мы возвращались в родной город.

Не знаю, что она имела в виду, но через пять месяцев Ольга вернулась к матери с ребенком на руках, прелестной дочкой, которую назвала Светланой.

— Ну, что я говорила? — качала головой Милка. — О папаше ни слуху ни духу, об алиментах можно забыть.

Как ни старалась Милка узнать, кто отец ребенка и чем занималась пять месяцев ее сестра, ничего не вышло. Ольга по обыкновению, свесив голову, молчала, время от времени вздыхая. Милка, добрая душа, вознамерилась поселить ее у себя, то

есть у Эммы Григорьевны, чтобы «рядом с ребенком были нормальные люди и дурь по наследству не передавалась». Но Ольга ответила решительным отказом. В своем ребенке она души не чаяла, мать ей помогала, как могла, и семейство можно быль назвать вполне счастливым. По выходным, если у Милки выдавался свободный день, Ольга с дочкой приезжала в наш город, втроем они отправлялись то в зоопарк, то в кукольный театр. Милка давно уже успокоилась и решила, что нет худа без добра.

— Никого путного все равно бы не нашла, а чем с алкашом мучиться, лучше уж одной, — вынесла она вердикт, но время от времени все-таки задавалась вопросом: — Кого она там подобрала, в этом Иванове?

Однажды я, устав от ее затяжных монологов, заявила с некоторой долей язвительности:

— Какое, на хрен, Иваново? Твоя племянница что, пятимесячной родилась?

Это повергло Милку в долгие раздумья.

— А ведь точно, — сказала она, придя в себя. — Ребенок абсолютно нормальный, то есть родился вовремя. Я медицинскую карточку видела, когда ее на прививку возила. Так зачем она в Иваново поперлась?

— Должно быть, не хотела, чтобы кто-то узнал раньше времени о ее интересном положении.

— Думаешь, она от этого козла пряталась? Он был против, а она хотела сохранить ребенка? Что ж за гад такой? Пока она у нас жила, у нее вроде никого не было... И что ты по этому поводу думаешь?

— А на фига мне думать? — искренне удивилась я, а Милка кивнула:

— Знаешь, что я тебе скажу? Она туда уехала для

того, чтоб никто ничего не знал. Ага. Собиралась родить и оставить ребенка в роддоме. Но потом... не смогла. Она хоть и дура, но человек хороший.

Это было похоже на правду, по крайней мере, объясняло внезапность отъезда Ольги в другой город и нежелание видеться с родней. К тому моменту вся эта история мне успела здорово надоесть, тем более что, по большому счету, закончилась она хорошо: у Ольги и ее матери появился смысл в жизни (которого, кстати, нет у меня), а Милка могла себя поздравить, что, как всегда, оказалась права.

Мои размышления были прерваны Эммой Григорьевной.

— Фенечка, притормози, что-то мне нехорошо.

Я остановилась, Эмма Григорьевна немного прошлась, обмахиваясь платочком. Движение на дороге особо оживленным не назовешь, и все-таки я забеспокоилась, оттого и присоединилась к ней. Эмма Григорьевна, обняв меня, положила голову мне на плечо и прошептала:

— Не дай бог, Фенечка, пережить собственных детей. Врагу не пожелаешь. За что нам с сестрой такое? У нее хоть внучка осталась, а у меня...

Кое-как успокоив женщину, я повела ее к машине.

Через двадцать минут мы въехали в ничем не примечательный райцентр. Обветшалые дома, построенные еще в середине прошлого века, сменили многоэтажки, площадь с памятником Ленину, напротив дом с колоннами, с развевающимся на ветру трехцветным флагом. Восемьдесят тысяч жителей, две фабрики, хлебозавод. Вот, пожалуй, все, что я знала об этом городе. Поселок Красноармейский находился километрах в десяти запад-

нее. Дорога шла через лес. Сразу за поселком река, мост отсутствовал, поселок оказался конечной точкой маршрута, может, по этой причине за дорогой здесь особо не следили, решив, что и так хороша. Сплошные рытвины, кое-как засыпанные щебенкой. Нас то и дело подбрасывало на очередной колдобине, и это направило мысли Эммы Григорьевны с собственных горестей на проблемы государственные. Она начала сетовать на бесхозяйственность и никчемность местных властей.

Наконец показался поселок. Ольга жила в двухэтажном панельном доме, который с пятью точно такими же собратьями стоял вдоль дороги. Возле первого подъезда собрались соседи. Заметив нашу машину, дружно замолчали, хотя до этого разговор шел оживленный. Я помогла Эмме Григорьевне выйти, при виде импровизированной демонстрации у подъезда она разрыдалась.

— Горе-то какое, — послышалось со всех сторон, толпа расступилась, пропуская нас.

Дверь в квартиру была приоткрыта, я слышала женские голоса, сливающиеся в ровный гул. В просторную комнату набилось человек десять, должно быть, соседки, в кресле возле телевизора сидела Ксения Григорьевна, разглаживая на коленях юбку с таким сосредоточенным видом, как будто это было делом всей ее жизни. Возле ее ног примостилась Света, что-то конструируя из разноцветных кубиков. Оглядев собравшихся, Эмма Григорьевна произнесла сурово:

— Дайте побыть с сестрой.

Тетки неохотно поднялись и друг за другом покинули комнату. Эмма Григорьевна подошла к сестре, та неловко приподнялась и сказала:

— Жить не хочу, хоть руки на себя накладывай.

— Ты что, спятила? — прикрикнула Эмма Гри-

горьевна. — Тебе о внучке думать надо. Надеюсь, у тебя хватило ума не пугать ребенка?

Ксения Григорьевна сестру побаивалась, вот и сейчас она торопливо вытерла слезы и сказала:

— Светочка, кровиночка моя... ничего я ей не сказала. Но ведь как-то надо... ведь...

— Нельзя травмировать ребенка. Отправим ее к Розе в город, а потом... что-нибудь придумаем.

— Что придумаешь, когда соседи все равно скажут...

— Будете жить у меня.

Вряд ли это сестру обрадовало. Пока они препирались, я присела рядом со Светой и сказала:

— Привет.

Девочка повернулась, и от ее взгляда мне вдруг стало не по себе. Она поднялась и обняла меня, шепнув:

— Здравствуй, Феня. Почему все плачут?

— Я еще сама не знаю.

— А моя мама где?

— Уехала ненадолго, — малодушно ответила я. — Ты что собираешь? Хочешь, помогу тебе?

— Лучше включи мне мультики.

Она открыла тумбочку, где лежали диски, и мы принялись их перебирать.

Эмма Григорьевна с сестрой отправились в кухню. Девочка переместилась на диван, теперь ее интересовали только любимые мультяшки. Убедившись в этом, я присоединилась к сестрам. Они сидели за столом напротив друг друга.

— Рассказывай, что случилось, — потребовала Эмма Григорьевна, обращаясь к сестре.

— Лучше б я умерла, чем до такого дожить, — горестно вздохнула Ксения Григорьевна.

— Это я уже слышала. Ты должна держать себя в руках. Ради Светочки.

— Да... я уж и так... — Она высморкалась и стала рассказывать. — Оля вчера днем в город поехала.

— В областной центр? — вмешалась я.

— Нет, в районный. Светочку с соседями оставила. Сказала, часов в семь вернется. Но не вернулась. Я приехала, Свету от соседей забрала, ждала часов до десяти, думала, может, она... ну, в общем, задержалась, — с некоторым смущением произнесла Ксения Григорьевна, это смущение не замеченным мною не осталось. — Я позвонила ей на мобильный. Она не ответила. Я еще несколько раз звонила. Конечно, беспокоиться начала. Не спала всю ночь. Утром звоню, опять никакого ответа. Я позвонила... знакомому Оли, он в райцентре живет, Оля у него убиралась. Подумала, может быть... Но и там ее нет. Я извелась вся, не знаю, что и делать. Соседка сказала: в милицию звони. Я позвонила, а мне говорят: ждите, мало ли что, может, у кого-то остановилась. А у кого она могла остановиться? Чуяло мое сердце, беда пришла... А потом... — В этом месте она зарыдала, и нам стоило больших трудов ее успокоить.

Далее рассказ вышел сбивчивым, но суть я уловила. Один из жителей поселка пас коз в лесу и неподалеку от дороги обнаружил труп. Приблизиться к телу не решился. Насмерть перепуганный, бросился в поселок, забыв про свое стадо, сообщил о находке соседям. Те поначалу в его словах усомнились (как видно, мужичок особым доверием сограждан не пользовался), но экспедицию в лес снарядили, а обнаружив труп, вызвали милицию. Кто-то опознал Ольгу и сообщил ее матери. Та была на месте трагедии еще раньше милиции.

Ксения Григорьевна вновь разрыдалась. Я представила, что ей пришлось пережить, и невольно

поежилась. Однако она все-таки нашла в себе силы продолжить рассказ.

— Приехали из милиции и Оленьку увезли.

— Так что случилось, я не поняла? — растерянно спросила Эмма Григорьевна. — Ее что же, машина сбила?

Предположение логичное, если учесть, где нашли труп.

— Нет, — покачала головой ее сестра. — Я сначала тоже так подумала, но от дороги она далеко лежала. А уж потом мне милиционер сказал — задушили ее.

— Господи, — ахнула Эмма Григорьевна, хватаясь за сердце. — Как же так? За что?

— Кто ж знает, Эммочка. Сумка пропала, должно быть, на копейки ее позарился, нехристь... Следователь сказал, с вечера лежала. Видно, вчера домой поехала и вот... Я уж ей сколько раз твердила: уж коли на автобус опоздала, возьми такси, плевать на деньги... У нас тут кто только не ездит, подрабатывают на своих машинах, вот и попался ей мерзавец...

У меня возникли вопросы, но задавать я их не стала — женщине и без того тяжело. Тот факт, что Ольга погибла не в результате несчастного случая, как я предполагала, а была убита, заставил задуматься. Дорога тупиковая, так что вряд ли убийцей стал залетный водитель. А местные должны понимать: город небольшой, и при желании вычислить тех, кто обычно здесь «бомбит», будет нетрудно. К тому же Ольгу кто-то видел на вокзале, мог обратить внимание на машину, в которую она садилась. Рассчитывать на то, что в ее кошельке окажутся миллионы, довольно глупо. Выходило, что убийца рисковал из-за весьма незначительной добычи. Идиотов пруд пруди... и все же... Ольга

молодая привлекательная женщина, возможно, дело не в деньгах. Мужчина рассчитывал на легкое приключение, а Ольге это даром не нужно. Хотелось бы знать, что по этому поводу думают в милиции. Смущало вот что: дорога от города до поселка занимает пятнадцать минут, а чтобы желание в мужчине вспыхнуло с невероятной силой, необходимо время. Не сразу же он на нее набросился. А здесь на все про все десять километров. Либо он присмотрел ее еще в городе и решил подвезти в расчете на удачу, либо она его чем-то спровоцировала. Во второе верилось с трудом. Ольга деваха хоть и бестолковая, но опасливая. Неудачи на любовном фронте приучили ее к мужчинам относиться с недоверием. Или ей попался псих с осенним обострением?

Я размышляла над этим, пока не появилась вот какая мысль: а если убийца — вовсе не случайный попутчик? И задушил ее не под горячую руку, а как раз за этим и отправился с ней в поселок? Хотя еще вопрос: была ли эта самая машина? Села Ольга в нее сама или оказалась в ней уже в бесчувственном состоянии? Спрашивается, с какой стати кому-то убивать женщину, которая живет с ребенком и матерью в богом забытом поселке? Ответ вроде бы очевиден: никому. Но всего несколько дней назад убили ее сестру, с которой они были довольно близки. Уже через несколько минут я была уверена: оба убийства связаны.

Милка узнает от меня о странном старичке в Лесном и диктофоне, пытается распутать в одиночку хитросплетение чужих интриг, которые направлены против горячо любимого ею Берсеньева. Допустим, ей удается что-то обнаружить. Некие документы, к примеру. Милка — девка головастая и наверняка позаботилась о том, чтобы бумаги

или иные доказательства «заговора» надежно спрятать. Собственная квартира и офис для этого не годятся. А вот квартира сестры... Ольга после убийства Милки чем-то себя выдала, например, случайно проговорилась на похоронах, где присутствовали сотрудники фирмы Берсеньева, и ее слова достигли нужных ушей. А может, обратилась к некоему человеку со своими сомненьями? К кому? Тут возникла проблема: по идее, обратиться она могла либо в милицию, либо к Берсеньеву. Тот, как предполагаемый объект интриг, на роль Иуды не годится, значит, есть еще человек, о котором я не знаю. Хотя информация могла просочиться из милиции. В этом случае бумаги, если, конечно, они существуют, должны быть у следователя, а ни о чем подобном я не знаю. Ладно я, Агатка и та не знает, а это куда серьезней. По здравом размышлении и ментов как возможный источник информации тоже пришлось отмести. Остается неизвестный...

В общем, за пять минут я придумала крутой детектив и свято в него уверовала. Осталось выяснить, с кем после похорон сестры встречалась Ольга.

— А зачем Оля поехала в город? — дождавшись, когда женщина немного успокоится и выпьет чаю, спросила я.

— Так ведь... я думала, на работу поехала, правда, обычно она рано утром ездила, но ведь могли попросить попозже...

В поселке с работой было туго, с детсадом тоже, и Ольга, насколько мне было известно, ездила в райцентр, где у нее были клиенты, в квартирах которых она убирала, оставляя на это время Светланку на попечение матери.

— Вы сказали, она могла задержаться. У кого?

Вопрос вызвал неожиданные трудности.

— Ну... — Ксения Григорьевна беспомощно посмотрела на сестру и тут же отвела взгляд.

— Ксения Григорьевна, — не отставала я. — У Оли был мужчина?

— Она ни с кем не встречалась, — поспешно ответила та.

— Говори как есть, — сурово одернула ее сестра, особой деликатностью никогда не страдавшая. — Тебя не зря спрашивают. Оленьку убили, чтобы убийцу найти, надо все как на духу...

— Я думаю... мне так кажется... Привозил ее как-то Валерий Петрович Карташов. Он холостяк, Оленька у него работала, убирала квартиру раз в неделю. Ее клиентка рекомендовала, знала, что Оленьке деньги необходимы.

— Кто такой этот Карташов? — задала вопрос Эмма Григорьевна, опережая меня.

— Оля говорила, что он адвокат. Молодой, симпатичный, не женат и детей очень любит. Я в ее дела не лезла, а она ничего не рассказывала, но ведь не женат, а дело-то молодое, вот я и подумала...

— Ты следователю о нем сказала?

— Так меня не спрашивали.

— Непременно надо рассказать.

— Эммочка, ты что, с ума сошла? Он же адвокат, неужто ты думаешь...

— Что я думаю, совершенно неважно. А рассказать необходимо.

— Так, может, не было у них ничего! И я человека оговорю. Ты пойми, Оля — девушка молодая, я же понимаю, без мужчины ей трудно, а с расспросами не лезла, чтоб ее не смущать. Вдруг, думаю, женатого нашла или вообще... залетного ухажера.

Кто осудит? Сидит здесь, считай, в деревне... мужика днем с огнем...

— Никто и не осуждает, — отрезала Эмма Григорьевна. — А рассказать надо. Пусть проверят.

— Хорошо, — покорно кивнула сестра.

— Ксения Григорьевна, а вы не помните, когда Мила к вам в последний раз приезжала? — задала я вопрос, который меня очень интересовал.

Эмма Григорьевна посмотрела на меня с удивлением, но промолчала.

— Мила? Ну, так недели за две до того, как... как все случилось.

Я испытала нечто вроде разочарования. Моя гениальная версия летела к чертям. Две недели — это значит, еще до разговора со мной. Тут из комнаты появилась Света, и мы поспешили отвлечься от темы. Я взглянула на часы.

— Наверное, мне пора.

— Куда ты поедешь на ночь глядя? — вскинулась Эмма Григорьевна. — Переночуй у нас... и завтра в город съездить надо... столько дел.

Возвращаться домой в тот вечер я не собиралась. Слишком много неясностей, с которыми надлежало как-то разобраться. Хотела остановиться в райцентре, рассчитывая, что какая-никакая, а должна быть там гостиница. Предложение Эммы Григорьевны пришлось как нельзя кстати.

— Я могу устроиться в гостинице, а за вами заеду завтра, — из вежливости предложила я.

— Что, здесь места не хватит? Оставайся.

Мы еще выпили чаю, а потом я незаметно выскользнула на улицу. Видеть двух сестер, убитых горем, было тяжело, требовалась передышка, вот я и устроилась на скамейке возле подъезда с намерением немного поразмышлять. Народ успел разойтись по домам, и я пребывала в одиночестве.

Но недолго. Вскоре из подъезда появилась толстая тетка в вязаной кофте и села рядом. Она была одной из соседок, что мы застали в квартире Ксении Григорьевны. С интересом взглянув на меня, тетка начала незамысловато:

— Горе-то какое... девчонка теперь без отца, без матери... Сначала Людмила, потом вот Ольга... Ужас что творится, хоть из дома не выходи.

— Да уж, — решила я поддержать разговор.

— Колька когда прибежал да рассказал... я и думать не могла, что это Ольга... и вот... мать-то чуть умом не тронулась, ее увидев... лежит, бедная. Еле Ксению в чувство привели, два раза «Скорую» вызывали. Как думаешь, найдут убийцу-то?

— Найдут, — кивнула я, желая придать себе уверенности.

— Уж и не знаю. Колька-то Самохин, ну, тот, что ее нашел, стакан выпил и давай щеки раздувать, вроде знает чего. Ага... но молчит. Такое, говорит, дело, бабоньки, что лучше молчать. Поди, врет, чтоб бутылку поставили. Откуда ему чего знать?

— Следователь с ним беседовал?

— Знамо дело. Только ничего путного от него не услышал. Это жена Колькина сказывала. Брел за козами своими, увидел, лежит человек, вроде баба... руки в ноги и в поселок. Бледный, точно смерть, и весь трясется. Едва уговорили показать, где лежит-то. Если б не козы, ни в жизнь не пошел бы. Уж очень он покойников боится, а уж как выпил — загеройствовал, туману напускает, чтоб народ слушал уши развесив да не забывали бы в стакан наливать.

— А где живет этот Самохин? — спросила я.

— Да вон через дорогу, синий дом с наличниками.

— Пожалуй, стоит с ним поговорить, — вслух подумала я.

— Без бутылки он говорить не будет, — покачала головой тетка. — Магазин уже закрыт, но у меня есть...

— Продадите? — очень надеясь на положительный ответ, спросила я.

— Для такого-то дела? Само собой. — Тетка ходко поднялась и скрылась в подъезде, вернулась через несколько минут. Карман кофты отвис, из него торчало горлышко бутылки, завернутой в газету. — Пошли, — заговорщицки шепнула соседка.

Поднявшись на резное крылечко, где вместо нижней ступеньки лежали два кирпича, тетка подергала дверь, но она оказалась заперта. Мою спутницу это не остановило, и она решительно надавила кнопку звонка.

Открыла нам женщина лет шестидесяти в халате, наброшенном поверх ночной рубашки, ее седые волосы были в беспорядке. Я заподозрила, что мы подняли человека с постели, и на радушный прием не рассчитывала.

— Рая, Иваныч дома? — слегка заискивающе спросила соседка.

— Где ему быть-то?

— Вот, пришли к нему по делу. Из города человек приехал, Олина родня. Поговорить бы надо.

— О чем говорить? Ведь ничего путного не скажет.

— Может, скажет.

— Ага... — начала Раиса, но тут раздался мощный бас:

— Райка, кто там?

— Не твое дело, — огрызнулась она.

— Не мое? А пришли к кому?

— Чертов пьяница, — буркнула женщина. — Заходите, коль пришли.

Из сеней дверь вела в просторную кухню. За столом сидел мужичок в темной рубашке, застегнутой на все пуговицы, узкоплечий и ростом не выше подростка. Богатырским оказался только голос.

— Иваныч, — начала соседка. — Ты б рассказал девушке, что и как. Из областного центра приехала, Ольгина родня... дело-то такое, помочь людям надо.

— Ни к чему мне с вами разговаривать. Я где надо, там скажу... у меня нервы не железные...

— Да говорю вам, дурака он валяет, — вмешалась Раиса. — Спрашивали его эти, из города, так он весь трясся и двух слов сказать не мог. Да и что он знает... балабол.

— Сама балаболка. У меня нервы, а ты мужу стакан пожалела.

— Ты уж два выпил.

— Так вот... не с пустыми руками... — Соседка выставила на стол принесенную бутылку, Раиса ее тут же подхватила.

— Своего мужика спаивай.

— Так я для дела, Рая...

— У него и так язык заплетается. — Бутылку Раиса определила в шкаф под растерянным взглядом соседки и горящим негодованием взглядом мужа.

— Вот ведь коза безрогая...

— А ты-то кто тогда?

— Иваныч, — вновь начала соседка, но он вдруг гаркнул:

— При тебе говорить не буду. Ты ж завтра по всему поселку разнесешь, а дело такое... Вот ей, может, и скажу, — кивнул он на меня.

— Да я ни в жизнь...

— А то я тебя не знаю. Брысь отсюда, и Райку забирай.

— Да чего вы, в самом деле, — всплеснула супруга руками. — Видите, пьян он в стельку, такого наболтает, только слушай.

— Рая, пойдем на крыльце посидим, — потянула ее за руку соседка.

Та, чуть замешкавшись, вышла следом за ней, а мужик хитро на меня уставился.

— Ты кто?

— Ольгина родственница. — Я села за стол, не дожидаясь приглашения, и тоже на него уставилась.

— А ты не из милиции?

— Нет. Я из общества защитников окружающей среды.

— А чего это такое?

— Вы лучше расскажите, что видели.

Он поскреб в затылке и спросил:

— Тыщу дашь?

— Дам две, если будет за что.

— Бабы дуры, — заявил он с печалью.

— Это известие двух тысяч не стоит, — предупредила я.

— Дуры бабы, говорю, — повысил он голос. — Вот хоть Ольгу взять. Всяк сверчок знай свой шесток. А она? Нет бы здесь мужа себе сыскать, куда там, в город поперлась. Городского ей подавай. И что? Вернулась с дитем. А то бы здесь ей никто девчонку не сварганил. Да запросто.

— Верю. Но денег не дам.

Он перегнулся ко мне поближе.

— Я коз пасу в лесочке возле дороги. Посиживаю, покуриваю да по сторонам поглядываю. И так целый день. Бывает, и увидишь чего.

Я достала из кармана тысячу и положила на

стол. Иваныч протянул к ней руку, но я купюру придержала.

— Машины-то мимо ездят, — хихикнул он. — Дите заимела, а умней не стала. Не с теми дружбу водит, — перешел он на зловещий шепот. Я убрала ладонь, и купюра мгновенно исчезла со стола, после чего я вынула вторую.

— А с кем надо? — спросила хмуро.

— С тем, кто тебе под стать. Вот племянник мой, к примеру. Он с ней в одном классе учился...

— О племяннике тоже можно поговорить, но бесплатно, — предупредила я.

— Позавчера, часов в пять, подъехала машина. Черная, вся блестит. Уйму денег стоит.

— «Жигули»? — спросила я для затравки.

— «Жигули», — передразнил дед. — «БМВ». Я машины знаю. Не лаптем щи хлебаем. У Паньковых-дачников такая, богачи, племянник мне сказал, сто штук зеленых, не кот чихнул. У Паньковых старая, а эта новенькая. Вся блестит. Соображай, сколько стоит.

— Уже сообразила. А Ольга здесь при чем?

— При том. Слушай дальше и не перебивай. Подъехала машина, я сижу себе в лесочке, наблюдаю. Машина стоит, никто из нее не выходит. Десять минут стоит, пятнадцать. Интересно, думаю, чего ей здесь стоять? Если у человека нужда, так уж давно бы вышел. И вдруг Ольга торопливенько так бежит и оглядывается. Но меня-то она, конечно, не видела. В машину шмыг. Что там у них было, не скажу, стекла темные, не разглядишь, но пробыла она в машине полчаса, не меньше, а когда выходила, я слышал, как мужик ей сказал: «Все поняла?» — грозно так, а она быстро-быстро в поселок. И вроде испуганная. Лицо такое... задумчивое, одним словом.

— А мужика видели? — спросила я.

— Не видел, врать не стану. Только слышал. Значит, она бегом в поселок, а он развернулся и уехал восвояси. А теперь скажи: на что глупой бабе, вроде Ольги, вот такие знакомства? Без гадалки ясно: до добра не доведут. Так и вышло.

— А вы на номер «БМВ» случайно внимания не обратили? — невинно поинтересовалась я.

— Как же не обратить, — хитро прищурился тот. — И на память не жалуюсь, и номера приметные. — Но осчастливить меня не торопился, пришлось достать еще тысячу и выложить на стол. Она мгновенно исчезла, а дядька усмехнулся: — Три семерки, как портвейн, да ты не помнишь, — крякнул он в досаде. — Теперь такого не сыщешь, а раньше зайдешь в магазин...

— Благодарности советской ликеро-водочной индустрии оставим на потом, — миролюбиво предложила я. — Вернемся к Ольге. Вчера вы видели, как она в город уехала?

— Нет. Потому как уехала на автобусе. Зинка Сорокина сказала, Ольга в автобус садилась. Его я видел, само собой, прошел строго по расписанию, а Ольгу — нет, не видел, должно быть, по другую сторону сидела.

Я кивнула и немного поразмышляла.

— Раньше здесь «БМВ» с тремя семерками в номере не встречали?

— Не встречал. Уж такую-то машину не пропустишь. Вот он и не стал в поселок соваться. Другой Ольгин хахаль на «Жигулях» ее привозил, видел два раза. Ну и сестра ее приезжала, машина тоже приметная.

— Откуда знаете, что хахаль? — задала я вопрос.

— А кто еще? Мужик молодой, да и она из ма-

шины выпорхнет и вся светится. Говорю тебе, девка, не с тем она связалась. Вот и вышло дело...

— Это вы сейчас кого имеете в виду? — вздохнула я.

— Знамо дело, мужика на «БМВ». Для нее и «Жигули» хороши, а она...

— Скажите, — еще немножко поразмышляв, спросила я, — когда машину Ольгиной сестры последний раз видели?

— Ну, это проще простого... хоть и будет стоить денег.

Я выложила сотню, решив, что чужие аппетиты нужно сдерживать. Дядька поднял брови, однако я продолжала сидеть с каменной физиономией. Теперь вздохнул он, деньги спрятал и продолжил с некоторой обидой в голосе:

— Аккурат в Райкин день рождения. — Он назвал дату, а я нахмурилась, потому что выходило: Милка была здесь накануне своей гибели.

— Ничего не путаете? Мать Ольги утверждает, что видела племянницу больше двух недель назад.

— Точно, — степенно кивнул он. — А потом через несколько дней опять приехала. Была недолго, я только успел покурить, смотрю, уже назад возвращается. Ее машину ни с какой другой не спутаешь.

Что верно, то верно, у Милки был ярко-желтый «Фольксваген».

— А вот скажите, почему вы решили, что «БМВ» имеет отношение к гибели Ольги? Видели вы его накануне, а не в тот день, когда она погибла.

— Так это ж ясно, — хмыкнул дед. — Говорю, не с тем связалась...

— Вы почему следователю об этом не рассказали? — посуровела я.

Иваныч нахмурился.

— Так ведь это... растерялся. А уж когда домой вернулся... выпил, мозги на место встали, вот и начал соображать...

Соседка с женой Иваныча сидели на скамейке возле крыльца.

— Чего сказал-то? — заволновались женщины.

Я пожала плечами, не желая вступать в разговоры. Раиса, в сердцах плюнув, вернулась в дом, я отправилась к Ксении Григорьевне, соседка ходко семенила рядом.

— Неужто зря бутылку ставили? — спросила она, поглядывая на меня с надеждой.

— Может, и не зря. Главное, чтобы он все, что мне рассказал, повторил следователю.

Вернувшись в квартиру, где сестры плакали, сидя обнявшись на диване рядом со спящей Светланой, я позвонила Агате.

— Где тебя носит? — проявила она интерес. Пришлось объяснить. — По-твоему, убийства както связаны? — подумав немного, задала она вопрос.

— Если дядька ничего не выдумывает, то выходит, Милка приезжала сюда за день до смерти. Узнай, кто хозяин «БМВ». И побыстрее.

— Сделаем. А я сегодня с Берсеньевым ужинала, — с легким смешком заявила сестрица. — У него была встреча с одним моим клиентом, а я появилась вроде бы случайно. Интеллигентные люди не могли не пригласить меня к столу.

— Ну, и что скажешь?

— Честно?

— Соври, если нужда есть.

— Он мне понравился. Умный, интеллигентный. Горем своим не козыряет, но чувствуется, что ему ох как нелегко. Впечатление произвести умеет, хо-

тя вроде не особо старается. Одно в голове не укладывается: как твоя подруга могла им вертеть? По мне, таких, как он, сдвинуть можно только танком.

— Она им не вертела, — вздохнула я. — Она его любила, что и доказала в дни испытаний.

Простившись с Агатой, я заглянула в комнату, где сидели сестры.

— Ксения Григорьевна, — позвала тихо, чтобы не разбудить Светлану. — Соседи сказали, Мила приезжала к вам накануне своей гибели.

— Приезжала? — искренне удивилась женщина. — Я в тот день в райцентре была, у Розы, сестры двоюродной. Чего ж мне Оля не сказала, что Мила была? И... обычно Мила подарки Светочке привозит, а тут ничего... может, путают соседи?

Иванычу я была склонна верить, дядька глазастый. Когда коз пасет, ничем особо не занят, вот и приглядывает, кто в село ездит. Предположим, Милка действительно появилась здесь в поисках надежного тайника. Рассказала она обо всем Ольге или нет? Могла просто спрятать документы, или что там было, в вещах сестры, рассчитывая, что ненадолго. Но могла и рассказать... ее мнение об умственных способностях Ольги невелико, но они дружили, плюс беспокойство, что сестра случайно наткнется на бумаги. Логичнее довериться ей. Рассказала она или нет, но некто Ольгой заинтересовался. И здесь появляется тип на «БМВ». Машину той же марки черного цвета я видела выезжающей из гаража дома в Лесном. Ольге вроде бы угрожали, хотя фраза «Все поняла?» особо зловещей не кажется. Впрочем, как произнести... Ладно, завтра я узнаю фамилию владельца. Моя сестрица на многое способна, и я, скорее всего,

буду в курсе его краткой биографии. Ободренная этой мыслью, я отправилась спать.

Постелили мне в Ольгиной комнате. Я лежала в темноте и прикидывала: будь я на месте Милки, куда бы спрятала бумаги (почему-то мне казалось, что это непременно какие-то документы), не желая, чтобы сестра их нашла? Хотя, если следовать логике, Ольга о бумагах знала. После убийства Милки она сообщила о них кому-то... и погибла. Или о них узнали как-то иначе? И для начала попробовали ее запугать. Опасаясь чего-то всерьез, не станешь садиться в машину первого встречного...

Из гостиной больше не доносилось ни звука. Помучившись еще немного, я поднялась, включила ночник и огляделась. Стараясь двигаться бесшумно, приступила к обыску. Если меня застукают за этим делом, придется объясняться. Надеюсь, Эмма Григорьевна не сочтет меня сумасшедшей.

Потратив часа три на напрасные поиски, я вновь устроилась в постели, досадливо морщась. Ничего такого, что могло бы меня заинтересовать. Пока я мысленно чертыхалась, вдруг явилось воспоминание, как в лихой юности я прятала от родителей фотографии с празднования Нового года. На трех из них я в компании двух сокурсниц исполняла на столе канкан, и если б фотографии попались на глаза моей маме... Подобными воспоминаниями Милка со мной не делилась, но гениальные идеи не одну меня посещают. Это стоило проверить, и начала я с письменного стола. Выдвинула верхний ящик, провела рукой по столешнице изнутри и едва не взвизгнула: плотный листок бумаги был прикреплен к ней скотчем.

Вытащив ящик и положив его на пол, я встала на колени и сунула в образовавшуюся дыру голову. Так и есть. Через мгновение у меня в руках бы-

ла сберкнижка на имя Ольги Витальевны Овчинниковой. Цивилизация еще не достигла здешних мест, оттого в сберкассе райцентра по старинке пользовались подобными книжками. Пролистав ее, я присвистнула. На счету Ольги было чуть больше двух миллионов. Сумма для матери-одиночки астрономическая. Ольга каждый месяц откладывала по сорок пять тысяч. Вряд ли эти деньги она заработала мытьем полов. Тогда откуда они взялись? А главное, с какой стати сберкнижку прятать, да еще так тщательно? Боялась воров? Или не хотела, чтобы книжка попалась на глаза матери? Второе более вероятно. Ксении Григорьевне пришлось бы объяснять, откуда деньги, а Ольга делать этого по неизвестной причине не хотела.

Причину я нашла без особого труда. Деньги она начала откладывать четыре года назад, когда у нее родилась дочь. Получается, что Ольга, тщательно скрывая, кто отец ребенка, связь с ним поддерживала, по крайней мере, материально он ей помогал. Конечно, мои догадки придется проверить, но я почти не сомневалась: все так и есть. Квартира, где Ольга жила с матерью, бедно отнюдь не выглядела, вполне уютное жилище, мебели с избытком. Бытовая техника, новенький телевизор, у девочки дорогие игрушки. Я-то думала, это Милкина заслуга, но два миллиона — чересчур щедро для подруги, тем более что у нее самой таких денег просто не было. Вернув сберкнижку на прежнее место, я вновь позвонила Агатке.

— С ума сошла? — возмутилась сестрица. — Только уснула...

— Сочувствую. Я тут немного порылась в чужих вещах и обнаружила кое-что интересное.

— Думаешь, это папаша? — выслушав меня, спросила Агата.

— А ты что думаешь?

— Допустим, папаша. Нам-то что до этого? Какое отношение эти деньги имеют к убийству Ольги и тем более твоей подруги?

— Вот я и пытаюсь понять.

— Да ради бога, только дай мне возможность выспаться.

— Потерпи еще пару минут. Среди Ольгиных знакомых адвокат по фамилии Карташов. Узнай, что за человек. Тип на «БМВ» в поселок не въезжал, Ольга к нему сама прибежала. Значит, он ей звонил.

— Хочешь взглянуть на распечатку ее звонков?

— Еще как.

— Если МТС, то без проблем, есть у меня умелец. Если другая компания... тоже раздобудем, при известном везении. Скажи, а тамошние менты чем заняты?

— Должно быть, спят.

— Везет же некоторым. Не хочешь дать и другим людям возможность сделать что-нибудь путное?

— Ты же знаешь — гром не грянет, мент не пошевелится. Помнишь Витьку Лаврова, он со мной в одной группе учился? В те времена, когда я пробовала свои силы в юриспруденции?

— Не помню. Я спать хочу.

— По последним сведениям, он как раз в местном райцентре следаком.

— Повезло ему, хорошо, что он пока об этом не догадывается, хоть выспится.

— Много спать вредно. За тобой номер тачки и распечатка. Перезвоню завтра, сообщу телефон Ольги.

— Спасибо тебе большое, — буркнула Агатка и отключилась.

Еще раз тщательно осмотрев комнату, я с неко-

торым разочарованием легла спать. Стоящих находок в ту ночь больше не было.

Утром я отвезла Эмму Григорьевну с сестрой и Светланкой в райцентр.

— Прости, Фенечка, что безбожно тебя эксплуатирую, — сказала мать Милки.

Я поспешно заверила, что помочь рада, а домой не спешу. Небольшое отклонение от истины: дома ждал участок, брошенный на произвол судьбы, но я решила, что день без хозяйского пригляда он как-нибудь продержится.

— Надо к сестре двоюродной заехать, — вновь заговорила Эмма Григорьевна. — Часа два мы там пробудем. Потом... ты же понимаешь, сколько дел нужно сделать.

— Да-да, конечно, не беспокойтесь. Я вас подожду. Когда сделаем все необходимое, отвезу в поселок и поеду домой.

— Спасибо, — кивнула Эмма Григорьевна, и вскоре они скрылись в подъезде многоэтажного дома, где жили родственники, а я позвонила Агатке, чтобы сообщить номер телефона Ольги.

Сестрица с утра была злющей и разговаривала со мной, скрипя зубами. Но я не стала принимать это близко к сердцу. Зря тратить время глупо, и я решила взглянуть на адвоката Карташова, который был Ольге то ли сердечным другом, то ли работодателем. Оля вроде бы говорила матери, что офис Карташова находится возле площади Победы. Поспрашивав у прохожих, я отправилась туда.

Площадь, по большому счету, площадью не была. На стыке трех улиц стоял памятник погибшим воинам в центре пятачка земли, засаженного сиренью. Слева торговый центр, справа стоянка такси. Дома по соседству одно- или двухэтажные, общий вид нагонял тоску.

Сделав пару кругов по площади, я свернула на одну из улиц и почти сразу увидела вывеску «Адвокат». И притормозила. Если это не контора Карташова, так, может, узнаю, где его следует искать.

Штукатурка на доме облупилась, его давно следовало покрасить, но, как видно, у местных властей не было на это ни средств, ни желания их изыскать. Крыльцо с железными перилами и дверь, которая открылась со зловещим скрипом. Должно быть, адвокат выкупил в доме квартиру, а может, только комнату, и устроил здесь свой офис, одно из окон превратив во входную дверь. Передо мной было небольшое помещение со стеллажами вдоль стен. Папки на них выглядели совсем новенькими, и я усомнилась в том, что ими когда-нибудь пользовались. Скорее всего, они были пусты, зато придавали помещению деловой вид. У окна стол, за которым сидел мужчина лет тридцати. Светлый ежик волос, здоровый румянец и нос картофелиной. Мужчина читал газету. Заслышав скрип двери, газету поспешно свернул и сунул в ящик стола. На физиономии его появилось сосредоточенное выражение.

— Здравствуйте, — сказала я, он кивнул на стул.

— Присаживайтесь. Слушаю вас.

— Как ваша фамилия? — спросила я, плюхаясь на стул. Стул заскрипел. Все здесь скрипело, трещало и жило какой-то своей жизнью. В общем, хоть парень сейчас и старался выглядеть довольным жизнью, вряд ли его дела шли блестяще.

Чуть замешкавшись, мужчина протянул мне визитку, они стопочкой лежали на столе, и ответил:

— Карташов, Валерий Петрович.

— Повезло мне, — вздохнула я.

— В каком смысле?

— Не пришлось вас долго искать. Я приятельница Ольги Овчинниковой.

Он подпер щеку рукой и опустил глаза. Лицо сделалось абсолютно несчастным, на мгновение мне показалось, что он сейчас зарыдает. Однако Карташов вздохнул тяжело и пробормотал:

— Просто в голове не укладывается.

— Вы знаете, что произошло?

— Конечно. Город маленький, новости распространяются со сверхзвуковой скоростью, особенно скверные. Вы сказали, Оля — ваша приятельница?

— Угу. Меня Фенькой зовут, может, она вам обо мне рассказывала.

— Как же... как же... ваш отец...

— Точно, — не очень вежливо перебила я. — Я вчера приехала вместе с сестрой Ксении Григорьевны, как только узнала о несчастье.

— Я собирался к ней сегодня... вдруг помощь нужна. Как такое могло случиться? — горестно покачал он головой.

— Ольга у вас работала?

— Да. Убирала раз в неделю, здесь и в квартире, где я живу. Я холостяк, целыми днями на работе, вот мне ее и рекомендовали знакомые. У них она тоже работала. Обычно приходила сначала сюда, потом шла в квартиру, я живу неподалеку... На обратном пути ключи заносила и ехала домой. Чаще на автобусе, иногда я ее отвозил.

— У вас есть машина?

— Есть. «Жигули». Давно пора сменить, да все руки не доходят.

Я решила, что дело тут вовсе не в отсутствии времени, но предпочла помалкивать.

— Обо мне вы слышали, значит, отношения у

вас были довольно дружескими? — закинула я удочку. Карташов вновь вздохнул.

— Врать бесполезно, все равно узнаете. Да и причины нет. Сначала Оля просто по хозяйству помогала, а потом... Я зимой с гриппом свалился, температура под сорок, ухаживать за мной некому. Тут как раз Оля приехала... ну, вы понимаете... холостой мужчина и молодая женщина...

— Вы стали любовниками?

— Можно и так сказать, — вновь вздохнул он. — Хотя нас скорее связывала дружба. Так уж получилось. Вы не подумайте, если бы Оля захотела, я бы на ней женился. И ребенок не помеха. Хорошая, добрая девушка, хозяйственная, а детей я люблю. Но Оля... как бы это выразиться... ее вполне устраивала собственная жизнь, и она ничего не хотела менять. Сначала это показалось обидным, потом я решил: может, так лучше. Пройдет время и... жизнь сама покажет, что делать дальше.

— Разумно, — кивнула я. — Вы когда виделись в последний раз?

— В понедельник. Она, как обычно, приехала, чтобы прибраться. Позавчера позвонила, сказала, что у нее здесь дела. За день до этого тоже звонила. Часов в пять.

— А что за дела, вы не знаете?

— Наверное, уборкой занималась, — пожал он плечами. — Когда она позавчера позвонила, я сказал, что ближе к обеду освобожусь, но планы у меня изменились — встреча с клиентом. Оля приехала, позвонила, и я попросил подождать меня в квартире. Но она отказалась, решив по магазинам пройтись. Встреча заняла гораздо больше времени, чем я предполагал, я опять позвонил ей, извинился. Она ответила, что поедет домой. Машину я утром угнал в автосервис, должен был забрать ее

только через несколько дней, отвезти Олю не мог. Остаться здесь она не захотела, последний автобус уходит в восемь вечера. Если бы я знал... — Он вновь опустил глаза и судорожно вздохнул. — Должно быть, на автобус она все-таки опоздала и поехала на попутке. Убить человека из-за пары сотен...

— Вы думаете, убили в расчете поживиться?

— Так говорят, — пожал он плечами.

— Валерий Петрович, об отце своей дочери Оля вам ничего не рассказывала?

— Она как-то... избегала этой темы, а я спрашивать не решился. Но у меня сложилось впечатление, что это был... мимолетный роман.

— Вот как.

— Может, я и не прав. Но женщины обычно не прочь поговорить о себе. Мне казалось, Оле об этом человеке вспоминать неприятно. Возможно, он подло бросил ее, она разуверилась в мужчинах, оттого и замуж не спешила.

— А сколько вы ей платили? — задала я очередной вопрос, он вызвал легкое замешательство. Сумму Карташов все-таки назвал, а я решила: если он и платил ей деньги, то только в начале знакомства, когда их отношения были сугубо деловыми. Потом Ольга, скорее всего, занималась благотворительностью. Вполне в ее духе. А вот то, что она не спешила замуж, слегка удивило.

— Почему вы спросили о деньгах? — нахмурившись, задал вопрос Карташов.

— Заработки у Ольги невелики, нелегко прожить на эти деньги с матерью и ребенком. А жили они неплохо.

— Но ведь у Ксении Григорьевны пенсия... и сестра. Сестра всегда ей помогала.

— Да, я знаю. Когда вы ей позвонили, чтобы

предупредить о том, что задерживаетесь, она сказала, где находится?

— В торговом центре, он до девяти работает.

— А освободились вы...

— В половине девятого. Сразу же позвонил Оле, но она не ответила. Я подумал, может, она уже дома, а телефон лежит в сумке, и звонка она не слышит. Утром опять позвонил, а потом... потом узнал...

— Сколько прошло времени между звонками? Я имею в виду, когда вы звонили в тот вечер.

— Ну... примерно час.

— То есть в половине восьмого она должна была отправиться домой?

— Ну да. Я же говорил, автобус уходит в восемь, вот и поспешил предупредить. От торгового центра до вокзала пешком пятнадцать минут. Вполне могла успеть на автобус. Но почему-то им не воспользовалась.

— После встречи вы отправились домой?

— Да, в девять был дома. Вы что, моим алиби интересуетесь? — вновь нахмурился Карташов.

— Алиби — это для следователя, а я просто пытаюсь понять, что произошло.

— Я был в своей квартире, просматривал документы, спать лег поздно, — терпеливо объяснял он, вздохнул в который раз и добавил: — Мне тоже не дает покоя мысль, почему Ольга не поехала на автобусе. Может, встретила знакомого, который обещал ее подвезти?

— Вот только с какой стати знакомый решил убить ее? — с невеселой усмешкой заметила я.

— А если что-то задержало ее в городе?

«Гадать можно сколько угодно», — подумала я. Пока мне даже неизвестно, была ли в тот вечер Ольга на вокзале. Не удивлюсь, если она все-таки успела на автобус и благополучно добралась до

поселка. А потом... кто-то уже ждал ее там или позвонил на мобильный. Очень хочется взглянуть на распечатку ее звонков.

— Один из жителей поселка видел, как Ольга накануне своей гибели встречалась с мужчиной, он был на машине, черный «БМВ». Она ничего не говорила вам о нем?

— Нет, — поспешно ответил Карташов, мне показалось, излишне поспешно, как будто этот вопрос по неведомой причине был ему неприятен.

— И вы не представляете, кто это может быть?

— Мне казалось, знакомых у Ольги не так много. Она жила довольно уединенно, большую часть времени посвящая воспитанию дочери. И мужчин в ее окружении не было, по крайней мере, я в этом уверен. Я не слышал от нее ни одного мужского имени, если не считать ее клиентов.

— А среди клиентов были одинокие мужчины?

— Нет. Только семейные пары. Вы думаете... — Он нахмурился и тут же заговорил взволнованно: — Ольга не производила впечатления женщины, которая способна крутить романы сразу с двумя мужчинами. И не позволила бы себе связь с женатым человеком. Тем более что хорошо знала, чем обычно заканчиваются такие связи. Она порядочная и разумная девушка...

— У меня и в мыслях не было сомневаться. Просто прикидываю, кем мог быть этот тип. Впрочем, об этом узнают очень скоро, есть номер машины.

Карташов ничего не ответил, но поспешно отвел взгляд. В нем чувствовалась какая-то маета, и это убедило меня, что ему, пожалуй, известно куда больше, хотя, может, я несправедлива к человеку. Любил он Ольгу или просто пользовался ее расположением, но ее гибель по-настоящему его расстроила. Он терпеливо отвечает на мои вопросы,

хотя мог бы уже давно указать мне на дверь. Но как только речь заходит о «БМВ», начинает ерзать. Что-то тут есть.

— Со следователем вы говорили? — спросила я.

— Да, мне звонили вчера, и я встретился с человеком, который ведет дело. У него нет сомнений, что это ограбление. Оля сопротивлялась, и вот итог... Почему я не уговорил ее дождаться меня? — добавил он с горечью.

Мы немного посидели в молчании, Карташов хмурился и в мыслях своих, скорее всего, был далек от нашего разговора. Я взглянула на часы, чужое время следовало беречь. Поднялась, поблагодарила и направилась к двери.

— Я надеюсь, его найдут, — сказал он мне в спину, но особой уверенности в голосе не чувствовалось.

Покинув Карташова, я еще больше укрепилась в желании встретиться с бывшим одногруппником, если, конечно, он до сих пор борется с преступностью именно в этом городе.

Витька Лавров был озорным, жизнерадостным парнем, с некоторой долей романтики, которую прятал за веселым цинизмом. В годы учебы мы с ним дружили, пока он не предпринял попытку перевести наши отношения в любовные, чем слегка ошарашил. Сообразив по моей реакции, что свалял дурака, пошел на попятный, отделавшись очередной шуткой. Но я, успев заподозрить его в коварных намерениях превратить нашу ничем не омраченную дружбу в никому не нужный роман, держалась настороже. К счастью, он вскоре и сам понял, что, потеряв в моем лице беззаботного спутника в походах по ночным заведениям, взамен ничего стоящего не приобретет, и начал сам над собой подшучивать, уверяя, что не иначе как в

беспамятстве решил, что влюблен. В общем, наша дружба счастливо продолжалась до той поры, пока он не уехал в район. Первое время Витька звонил регулярно и даже приезжал, потом, как водится, звонки и встречи стали реже, а последние два года мы и вовсе не общались.

Покружив по городу, я наконец обнаружила обшарпанное здание, где Витька, по моим прикидкам, служил родине и президенту. Очень рассчитывая на удачу, я направилась к массивным дверям. Скучающий дежурный сообщил, что Лавров у себя в кабинете, кивнул в сторону длинного коридора, теряющегося в глубинах здания, и назвал номер кабинета. Я заспешила в том направлении, поглядывая на таблички. Увидев нужную, постучала и, не дожидаясь ответа, распахнула дверь. Витька сидел на подоконнике, поглядывая в открытое окно, забранное решеткой, и курил.

— Привет, — сказала я.

Витька повернулся, и на его круглолицей физиономии с перебитым боксерским носом появилась счастливая улыбка. А я мысленно поздравила себя с тем, что есть еще на свете люди, которых радует мое появление.

— Фенька, — пропел он, выбросил сигарету в окно и пошел ко мне, раскинув руки. — Вот так сюрприз. Привет. Ты какими судьбами? — Мы обнялись и облобызались. — Выглядишь офигенно, — заметил он, отстраняясь.

— Стараемся, — пискнула я.

— А я женился, — сообщил он вроде бы с обидой.

— Бывает.

Мы дружно засмеялись. Он провел меня к столу, усадил в кресло, устроился напротив и принялся меня разглядывать, раздвинув рот до ушей.

— А ты замужем?

— На днях собираюсь. Я к тебе за помощью.

— А что случилось? — посерьезнев, спросил он.

— Труп в лесополосе. Ольга Овчинникова — моя хорошая знакомая.

— Вот оно как, — кивнул Витька. — Сочувствую. Что тебе сказать? Результатов вскрытия пока нет. На первый взгляд задушили ее чем-то вроде провода или плотного шнура. Никаких следов борьбы. Одежда в порядке, не похоже, что ее пытались изнасиловать. Скорее всего, накинули удавку на шею, когда она этого не ожидала. Возможно, убийцу интересовал ее кошелек. Встречаются идиоты, готовые убить человека за сто рублей. В этом году это уже третий случай. В марте девушку изнасиловали и убили. Совсем рядом с дорогой. В июле задушили девчонку и бросили прямо на обочине, прихватив сумку. Там был мобильный и стипендия.

— Думаешь, один и тот же злодей промышляет?

— Кто знает. Может, один, а может, и нет. Зачем твоя знакомая приезжала в город, пока неизвестно. Ты знаешь?

— Нет. Мать считает, что по работе.

— Ни у кого из клиентов, из тех, что удалось установить, ее в тот день не было. Я обзванивал. На вокзале ее никто не видел, и билет на автобус она не покупала. Кассирша ее помнит, за несколько лет успела примелькаться. В город точно на рейсовом автобусе приехала.

— Среди ее клиентов есть некто Карташов, адвокат. У них был роман.

— Говорил я вчера с ним. Алиби у него нет, но и мотива тоже. С какой стати ему свою бабу убивать? Допустим, поссорились. Ну, надавал тумаков под горячую руку. Здесь же хладнокровное

убийство, он ведь ее не голыми руками задушил, шнурком заранее обзавелся. Конечно, мы к нему приглядимся, но я уверен, парень здесь ни при чем.

В общем-то я была с ним согласна. Мотива и в самом деле нет. Допустим, Карташов ее ревновал. Вот только к кому, если, по его словам, мужчин в ее окружении не наблюдалось? Конечно, это следовало проверить. Матери мало что известно, как выяснилось, у Ольги были от нее тайны. И все-таки Витька прав, на почве ревности так не убивают.

— Кто дело ведет? — спросила я.

— Я и веду, — пожал Витька плечами.

— И каков настрой?

— Боевой.

— Значит, ты мало изменился, — улыбнулась я и продолжила, уже серьезно: — У Ольги несколько дней назад погибла сестра, двоюродная. Моя подруга. История странная, и, насколько я знаю, у ментов никаких серьезных зацепок нет. — Я стала рассказывать, Витька слушал внимательно, в нужных местах кивал и даже что-то записывал на листке бумаги.

— Об этом убийстве я знаю, видел в сводках, — сказал он, когда я замолчала. — А вот то, что это сестра нашей убиенной, для меня новость. Ну и то, что ты там засветилась, конечно, тоже.

— Заслышав отцовскую фамилию, наши менты впадают в депрессию, так что вся надежда на тебя.

Витька засмеялся.

— Думаешь, я такой отважный, что меня известная фамилия не страшит? Историю ты рассказала интересную, «БМВ» возьмем на заметку, распечатку звонков проверим. Со стариком я еще раз поговорю.

— Есть еще кое-что. Я ночевала в квартире Оль-

ги и нашла сберкнижку. На ее счету больше двух миллионов.

— Ничего себе. Откуда такие бабки?

— Либо отец ребенка переводил ей эти деньги, либо...

— Либо она шантажом промышляла, — подсказал Витька. — Так, что ли?

— Будь на месте Ольги кто-то другой, я бы так и решила, — ответила я. — Но я-то неплохо ее знала, и шантажисткой мне ее представить трудно. Девка она добрая, к тому же умом особо не блистала. Если все-таки шантаж, вряд ли она сама это затеяла. Кто-то подсказал.

— Адвокат?

— Я ему намекнула, что аборигены видели, как Ольга в «БМВ» садилась, и это вызвало беспокойство. Но я склонна думать, что деньги присылал отец ребенка. Она начала откладывать крупные суммы как раз после рождения дочери.

— Одно другому не мешает, — рассудил Витька. — Допустим, отец платил исправно, но потом девица решила, что этих денег недостаточно.

— Для начала надо узнать, кто предполагаемый папаша.

— Какой, ты говоришь, номер сберкассы? Это на Михайловской... — Витька поскреб затылок. — Если деньги она получала наличкой, то в вечер убийства могла иметь при себе крупную сумму. Кто-то об этом узнал... Тут первый на очереди опять адвокат. Хотя ее могли просто выследить.

— Сестра приезжала к Ольге накануне своей гибели, вдруг оставила какие-то документы... Их я, собственно, и искала, когда обнаружила сберкнижку.

— Какие еще документы?

— Я думаю, гибель Милки напрямую связана с бизнесом ее жениха.

— Конкуренты донимают?

— Если верить хозяину, у них тишь, гладь да божья благодать. Но... кое-что заставляет усомниться.

— Расскажешь?

— Нечего. Пока одни догадки. А их к делу не пришьешь.

— Это точно. Да, история принимает неожиданный оборот.

— Если нароешь в квартире Ольги что-то интересное, шепни по-дружески. Сам понимаешь, все это меня напрямую касается. А я со своей стороны буду всячески способствовать. И если мы эту хрень распутаем, ты получишь благодарность от начальства, а я буду спать по ночам. Сейчас с этим туго.

— Я бы и от звездочки не отказался, — весело подмигнул Витька.

— Могу подарить одну, генеральскую, — хмыкнула я.

— Что ж, прокатимся к старичку? — сказал Витька, поднимаясь из-за стола. — Днем он был тих, яко агнец, а к вечеру, смотри, разговоримся. Ты на машине?

— На машине.

— Вот и славненько. Сгоняем по-быстрому в поселок, только загляну в кабинет напротив, скажу, чтобы номер «БМВ» пробили.

Пока я ждала Витьку, успела позвонить Эмме Григорьевне. Они все еще находились у родственников, времени, чтобы съездить в поселок, у меня достаточно. Увидев мою машину, Витька поцокал языком.

— Везет же некоторым, жаль, нет у меня папы-генерала.

— Это подарок любовника, — осчастливила я. — Его у тебя тоже нет.

— Бог миловал. Но от богатой любовницы я бы не отказался.

— А ты давно женился?

— Год назад.

— Да, самое время подумать о любовнице.

Витька засмеялся:

— Успел отвыкнуть от твоих шуточек. Слушай, я рад, что ты вдруг объявилась. Честно.

— Радость вряд ли продлится долго, — заверила я.

По дороге в поселок мы вернулись к прежней теме. Я пыталась связать воедино Милку, Берсеньева, мать-одиночку с ее сберкнижкой и знакомым на «БМВ», а также адвоката Карташова. Получалось так себе. Витька ничего толкового тоже измыслить не смог.

— Погоди, — утешил он меня. — Покопаемся немного, и станет ясно, что здесь к чему. Куда хуже, когда есть труп и никаких зацепок. А тут их тьма-тьмущая, только не ленись, звездочку зарабатывай. Как дела у твоей сеструхи? — сменил он тему. — Замуж, конечно, не вышла?

— Не нашлось никого подходящего среди вашего брата. Оно, может, и к лучшему. По сравнению с Агаткой монголо-татарская орда просто легкая конница.

— Это точно, — кивнул Витька.

Впереди показался поселок, вскоре я уже тормозила возле дома Самохина. Николай Иванович появился на крыльце и даже пошел мне навстречу, когда я выпорхнула из машины. Но, завидев моего спутника, вдруг развернулся и ходко скрылся в огороде, допустив тем самым стратегическую ошибку, потому что из огорода другого выхода не

было. Оттого старикан затаился в кустах малины. Мы не спеша прошли через калитку вслед за ним, Витька качал головой с усмешкой, а я позвала:

— Дед, вылазь оттуда, не смеши людей.

С большой неохотой Иваныч выбрался из кустов и сказал досадливо:

— Связался с тобой, задрыга.

Я была не прочь походить немного в задрыгах, лишь бы делу польза.

— Рассказывай, дед, чего вспомнил, — предложил Витька.

— Ничего не знаю, ничего не видел, — отбарабанил он.

— Тогда деньги назад гони, — внесла я предложение.

— Какие еще деньги?

— Бумажные. Либо гони деньги, либо выполняй свой гражданский долг.

— Совести у тебя нет, — маетно вздохнув, заявил Иваныч. Чувствовалось, денег ему жалко. Берешь, как известно, чужие, а отдаешь свои. — А ну как и меня придушат?

— Да с чего ты взял, что Ольгу убил мужик на «БМВ»? Ты ж его накануне видел.

— А то я не знаю, кто на таких машинах ездит. Жулики и проходимцы.

— Ты ж сам говорил, сосед твой на такой машине ездит. Он что, проходимец?

— Конечно, — глазом не моргнув ответил дед. — Ладно, идемте в дом. Вот порешат меня, будет грех на вашей совести.

Хозяйки в доме не оказалось, должно быть, отлучилась ненадолго. Дед устроился за столом и ворчливо рассказал, что видел, время от времени сердито на меня поглядывая. Витька задал ему несколько вопросов, поблагодарил с серьезным ви-

дом, тут как раз позвонила Эмма Григорьевна, и мы простились с хозяином. Я доставила Витьку на работу и отправилась забирать сестер. В райцентре мы задержались еще часа на три и в поселок вернулись уже после обеда. К тому моменту в доме появились родственники, которым успели сообщить о трагедии. Решив, что теперь обойдутся без меня, я, шепнув Эмме Григорьевне о своем отъезде, заспешила к машине.

В родной город приехала около пяти и успела застать на рабочем месте свое непосредственное начальство. По дороге я вспомнила, что мне положен отпуск, вот и надумала написать заявление. Судя по всему, в ближайшее время мне будет не до родного участка. Начальство выразило легкое недовольство, но заявление подписало. Окрыленная успехом, я отправилась домой, испытывая муки голода. Весь день у меня маковой росинки во рту не было, не считая утренней чашки кофе. Но намерениям моим не суждено было осуществиться. Раздался звонок мобильного, и я услышала голос Агатки.

— У меня скверная новость. — Судя по интонации, новость в самом деле никуда не годилась. — Знаешь, кто хозяин «БМВ»?

— Узнаю, если скажешь.

— Димка Ломакин. Сын Вадима и твой давний недоброжелатель.

— Спасибо, что напомнила.

— Оставь свои дурацкие шуточки. Лично мне теперь вся история видится совсем по-другому. Приезжай ко мне, поговорим.

Я набрала Витькин номер, которым он меня предупредительно снабдил, и развернулась на светофоре.

— Хозяин «БМВ» Дмитрий Вадимович Лома-

кин, — сказала я. — Если ты еще не в курсе, сообщаю, он мне почти что родственник. Сын покойного мужа.

— И что за тип?

— Знающий человек сказал — спит и видит себя крутым бандитом.

— Задатки есть?

— Сколько угодно.

— Уважаю людей с мечтой, хотя мечта могла быть и получше.

— Я того же мнения, но ему наплевать.

— Они были знакомы с Ольгой?

— Если и были, то для меня это новость. Гадай теперь, где их черт свел. — Тут я вспомнила некоторые факты Ольгиной биографии и добавила: — Ольга когда-то работала в ночном клубе. Может, там и познакомились.

— Что ж, проверим. Придется с ним поговорить. Или ты для начала побеседуешь? По-родственному?

— По-родственному не получится. Когда мы встречались в последний раз, он ясно дал понять, где видит подобную родню.

— А как же твое обаяние?

— Не сработало.

— Стойкий парень. Ладно, будут новости, звони.

Вскоре я тормозила возле офиса Агатки. Сестрица была разгневана и весь свой гнев по неведомой причине обратила на меня.

— Умеют некоторые наживать неприятности.

— Не повезло тебе с сестрой. Хорошо, хоть мне повезло.

— Гадай теперь, что затеял этот паршивец. Хотя сообразить нетрудно, учитывая его давнюю неприязнь.

— Ты что думаешь, он имеет отношение к убийству Милки? — нахмурилась я.

— Почему бы и нет? Ты очухалась рядом с трупом, свой рассказ ничем подтвердить не в состоянии. При других обстоятельствах это могло кончиться для тебя скверно.

— Уж очень затейливо. Опять же, обстоятельства он тоже должен был учитывать. Убить человека, чтобы меня подставить... — недоверчиво покачала я головой.

— Вполне в духе твоего Димки.

— Почему моего?

— А чей он пасынок? Ладно. Сейчас не об этом. Есть распечатка звонков Ольги. — Агатка пододвинула мне листы бумаги, поднялась со своего кресла и устроилась за столом рядом со мной. — Здесь звонки за последнюю неделю. Их, как видишь, немного. Те, что я вычеркнула, звонки матери. А вот это интересно. Девятнадцатого числа звонок с телефона, зарегистрированного на Ломакина. Разговор длился две минуты.

— Как раз столько времени потребуется сообщить, что он приехал и ждет ее, — кивнула я.

— Через сорок минут после этого она звонит по номеру Карташова. Разговор длится двадцать три минуты. Что-то люди обсуждали. Как считаешь?

— Похоже на то. Допустим, сразу после свидания с Димкой ей потребовался совет адвоката. Или дружеская поддержка.

— Утром следующего дня она опять звонит ему. Потом еще дважды.

— Девушка хотела с ним что-то обсудить, может, потому и отправилась в город?

— Три раза звонил он. Все звонки в этот день короткие.

— Он был занят с клиентом. Последний звонок

от него в 19.27, он боялся, что она опоздает на автобус, который отходит в 20.00. Ольга хотела увидеться с адвокатом, но затянувшаяся встреча с клиентом этому помешала.

— Ольга должна была объяснить, почему ей необходимо поговорить с ним.

— Она могла не назвать причину. Но ее настойчивость, конечно, наводит на размышления. Со мной Карташов откровенничать не пожелал, может, Витьке удастся его разговорить.

— Ты с Витькой встречалась?

— Ага. Тебе привет. Это дело он ведет, так что мне повезло.

— Да уж, повезло так повезло, — хмыкнула Агатка, должно быть желая тем самым сказать: только граждане с придурью оказываются в ситуациях, подобных моей. На сестрицу я не в обиде, так и есть. Отправляясь вместе с Милкой на встречу с шантажистом, следовало хорошо подумать.

— О Карташове что-нибудь узнала? — спросила я.

— Поговорила с Буевичем, оказывается, Карташов у него практику проходил. Парень, по его словам, звезд с неба не хватает, но старательный. Специализируется на гражданском праве. Есть у него пара солидных клиентов.

— Не похоже, что дела его идут в гору.

— Конкуренция высока, — пожала Агатка плечами. — У Карташова ни связей, ни опыта. Городишко невелик, в общем, вряд ли в ближайшее время ему следует ожидать золотого дождя. Пока жил здесь, по словам Буевича, искал богатую невесту, но и тут не подфартило, скромником оказался, барышень побаивается, а барышни предпочитают кого-нибудь побойчее.

Я вспомнила о его романе с Ольгой и кивнула.

Вряд ли она являлась предметом мечтаний для парня с амбициями, с другой стороны — девка добрая, хозяйственная. И, как оказалось, с деньгами. Только ли нежные чувства их связывали? Или было что-то еще?

— Когда я спросила о знакомом Ольги на «БМВ», он заметно напрягся, — заметила я.

— Если Карташов в курсе, кто такой Димка, его беспокойство понятно, — вновь пожала плечами Агатка. — А вот по какой причине Ломакин вздумал Ольгу навестить... Что их вообще связывало?

— Придется заглянуть в ночной клуб «Бордо», — сказала я. — Вдруг там Ольгу еще помнят.

— Намекаешь, у нее с твоим родственником мог быть роман?

— Маловероятно. Милка, узнав об этом, непременно проболталась бы. Помнится, пять лет назад я то и дело слушала рассказы об Ольгиной несчастной любви. В возлюбленных числился бармен и два бизнесмена средней руки. Женатых.

— Нагрянуть в клуб можно хоть завтра. Тамошний хозяин кое-чем мне обязан, — заметила Агатка.

— Чего ж не сегодня?

— Надо предупредить человека о визите... К тому же сегодня у меня дела.

— Свидание?

— Работа, — буркнула Агатка. А я вдруг подумала, что сестрица выглядит подозрительно. Вроде бы погружена в себя и к чему-то прислушивается.

— Точно работа? — хмыкнула я.

— Отвали, — попросила сестрица, и я отвалила. Правда, не сразу. Набрала Витькин номер и сообщила о телефонных разговорах.

— Нам бы твою оперативность, — невесело пошутил он.

— Так меня нужда шевелиться заставляет.

— Да и я вроде бы от работы не отлыниваю.

— Ладно, сброшу тебе распечатку звонков по электронке.

Домой я возвращалась уже ближе к девяти. Свернув во двор, увидела в своих окнах свет и недовольно нахмурилась. Вот уж чего мне не хотелось, так это встречаться со Славкой. Я бы предпочла одиночество и возможность подумать в тишине и спокойствии. Я посмотрела на дисплей мобильного. Так и есть, три пропущенных вызова. Звонил, конечно, Славка.

Поднявшись по лестнице, я толкнула входную дверь и вошла в темноту прихожей. Обычно, ожидая меня, Славка что-нибудь готовит в кухне, справедливо полагая, что сама я до этого не додумаюсь. Кухня была пуста, и это слегка обидело. Я вновь вспомнила, что с утра ничего не ела.

— Славка! — позвала я, он не откликнулся. Распахнула дверь комнаты и замерла. В кресле сидел Стас и листал журнал. Подняв голову, взглянул на меня недовольно, журнал отбросил и сказал:

— Привет, Принцеска.

— Привет, — буркнула я, вошла в комнату и растерянно огляделась, пытаясь решить, куда присесть и как вообще себя вести. Еще вчера мне очень хотелось с ним встретиться, от искушения позвонить ему я смогла избавиться только вместе с телефоном. И вот он сидит в моей комнате, а мне хочется бежать отсюда со всех ног. Тоска навалилась сразу, накрыв с головой. Не так давно Стас сказал мне язвительно: «Для тебя ничего не изменилось» — и был, конечно, прав. Сердце стучит в горле, я мгновенно покрылась потом, дышала через раз. От мысли, что все это для него тайной не является, сделалось так тошно — хоть вол-

ком вой. Я прошлась по комнате без всякой цели, предусмотрительно держась от него на расстоянии и стараясь в его сторону не смотреть. А потом села на диван.

— Я думал, ты вышла замуж за своего Славку, — сказал он насмешливо.

— Я думала, у тебя хватит ума сюда не соваться.

— Сюда — это в твою квартиру?

— В город. Помнится, есть люди, которые не прочь увидеть тебя на кладбище.

— Им придется подождать.

— Настя с тобой?

— Осталась в Питере.

— Мог бы найти подходящего человека, который уладит дела с наследством. Не обязательно приезжать самому.

— Не обязательно, — кивнул он и стал смотреть в окно. Он молчал, и я молчала. Воцарилась тишина, только муха яростно билась в балконную дверь. Минут через пять Стас повернулся и сказал: — Что за дурацкая привычка держать ключ под ковриком?

— Чего здесь тырить? — вяло ответила я. — А ключи я постоянно теряю.

— Тебе не следует быть осторожнее? Учитывая, что кое у кого и к тебе есть претензии.

— Похоже, уже нет, — ответила я. — Димка ведет себя на редкость прилично.

— Серьезно? А не тебе на днях едва не проломили голову?

Я тяжко вздохнула:

— Это совсем другое.

— Да ну? По мне, так история новизной не блещет. Кто-то двинул тебе по башке, а когда ты очухалась, рядом был труп. Я думаю...

— А ты не мог бы думать в другом месте? — не выдержала я.

Стас поморщился:

— Только не говори, что это не мое дело.

— Не твое.

— Во все это дерьмо втравил тебя я.

— Чем заслужил мою большую признательность. Может, я как-нибудь сама во всем разберусь?

Тут хлопнула входная дверь и послышались шаги.

— Черт, — пробормотала я. Появление Славки сейчас совсем некстати.

— Феня, ты дома? — услышала я. Стас усмехнулся, наблюдая за мной. Дверь распахнулась, и Славка замер на пороге, совсем как я недавно. Окинул нас взглядом и спросил сурово: — Что он здесь делает?

— Ничего он не делает, — ответила я. — Может, заставить его кран в ванной поменять? Какая ни на есть, а польза.

— Очень смешно, — покачал головой Славка.

— А кто смеется?

— Надеюсь, я не помешал? — ядовито произнес он.

— Помешал, — спокойно ответил Стас.

— Слушай, ты... — Славка сделал шаг с неясной целью, а Стас предупредил:

— Не советую. Будешь ходить с разбитой рожей, только и всего.

— Конечно, ты же у нас крутой...

— Заткнитесь оба, — сказала я. — А еще лучше — выметайтесь.

— Никуда я не уйду, — повысил голос Славка.

— Тогда не веди себя как последний придурок, — внесла я разумное предложение.

— А как я должен себя вести? По-твоему, я не

понимаю, чего он добивается? — И вновь полез к Стасу. — Думаешь, стоит тебе сюда явиться, и она...

— А чего ты нервничаешь, если это не так? — усмехнулся Стас.

— Кончай его дразнить. Будем считать твой визит оконченным. Если ты не уйдешь — придется выметаться мне.

— Не буду нарушать вашу идиллию, — поднимаясь, сказал Стас. — Хотя, похоже, ею и не пахнет. Приглядывай за девчонкой, — повернулся он к Славке. — В моей помощи ты, ясное дело, не нуждаешься, значит, должен сам побеспокоиться о ее безопасности. Если у нее возникнут неприятности, я тебе шею сверну, защитник хренов.

— Если ты свалишь из города, неприятностей не будет.

— Хорошо, коли так. Но у меня есть сомнения. Замечу, что она болтается без охраны, и на твои заверения наплюю.

— Катись из этого города и из ее жизни! — заорал Славка.

— Обязательно. Как только буду уверен, что ей ничего не грозит. — Стас вышел и прикрыл за собой дверь.

— Вот скотина, — буркнул Славка и на меня уставился.

— И что? — спросила я.

— Так и знал, что он непременно явится. — Славка покачал головой в досаде. — Надеюсь, ты понимаешь, чего он хочет на самом деле? Рыбка сорвалась с крючка, и он сделает все...

— Не считай рыбку конченой идиоткой.

Славка приблизился и, заглядывая мне в глаза, спросил:

— Ты все еще его любишь? — Я ткнула пальцем

в сторону двери. — Значит, так и есть, — сказал он с горечью. — И это никогда не кончится.

— У меня нет желания говорить о Стасе, — вздохнула я. — Вовсе не он занимает мои мысли.

— А кто?

— Разные люди. К примеру, Ольга.

— Что произошло?

— Идем в кухню ужин готовить. Если ты не прочь послушать, я не прочь все рассказать.

В тот вечер Славка остался у меня. Я, как могла, пыталась избавить его от тревожных мыслей и вроде бы преуспела. Часа в три он уснул в состоянии, близком к блаженству. По крайней мере, убеждал меня, что в нем пребывает. А вот мне не спалось. Я вышла на балкон, села на пол, вытянув ноги и привалившись спиной к стене, и смотрела в звездное небо.

— Я должна найти убийцу, — твердила я себе. Вот о том, как это сделать, я и должна подумать. А все остальное... Но все остальное покоя не давало.

Так я и сидела до тех самых пор, пока не начало светать. Славка заворочался в постели, и я поспешила к нему присоединиться, холодная, как льдышка, с больной головой и смутными перспективами. И во сне видела Стаса. Склонившись ко мне, он улыбался и тихо шептал:

— Принцеска...

Должно быть, слова Стаса впечатление на Славку произвели, потому что ближе к обеду, отправившись в супермаркет, я заметила «Хонду», которая неотвязно следовала за моей машиной. Ничего глупее он придумать, конечно, не смог. Я хотела позвонить ему и воздействовать добрым словом, но, поразмышляв, решила немного потерпеть.

Пусть успокоится, «Хонда» хоть и действует на нервы, но в пределах нормы. Дам человеку возможность почувствовать себя защитником несмышленой девушки, готовым прийти на помощь в любую минуту. Витька не звонил, выходит, новостей у него нет. Помучившись немного, я сама позвонила.

— Утром был у матери Ольги, — сообщил он, голос звучал прерывисто, точно разговаривал Витька на бегу. — Сказал, что хотел бы взглянуть на ее бумаги. Тетка довольно бестолковая, но в квартиру меня пустила. Сберкнижку нашел там, где ты сказала. Мамашу чуть удар не хватил, когда она ее увидела. Ничего об этих деньгах она не знала и даже предположить не в состоянии, откуда они взялись. Я спросил об отце ребенка — опять ничего толкового рассказать не смогла. Дочь о нем предпочитала помалкивать. Отчество у девочки Витальевна, так звали отца убиенной. В общем, гадай теперь: она записала дочь под этим именем в память о родителе или папашу дочки в самом деле так зовут. Мать, по ее собственным словам, над отчеством никогда не задумывалась. По-моему, она вообще думает редко.

— Что сказали в сберкассе?

— Деньги она откладывала каждый месяц, приносила наличку. Кассирша ее хорошо запомнила, еще гадала, откуда у нее такие деньги. Для нашего города сумма немалая. Кроме сберкнижки, я еще пластиковую карту нашел. Запрос в банк послал, теперь буду ждать, когда соизволят ответить.

— А что за банк?

— «Дельта». В нашем городе филиала нет, зарегистрирован в областном центре.

— Результаты вскрытия получил?

— Обещали поторопиться.

— Но не торопятся.

— У патологоанатома вчера был день рождения. Понимать надо.

— Мои поздравления, — буркнула я.

— Передам непременно. Больше ничего интересного в квартире не обнаружил. Никаких бумаг. В общем, если твоя Милка и передавала ей что-то на хранение, то это точно не бумаги.

— Чем еще порадуешь?

— Машину Карташов действительно отогнал в автосервис, где она и стоит до сих пор. Движок накрылся. Так что в вечер убийства был он безлошадным.

— Мог у кого-то одолжить машину.

— Спасибо, что подсказала, сам бы ни в жизнь не догадался. Я над этим работаю, — куда спокойнее закончил он. — И не отрывай меня от дел. Бегаю, как савраска.

— Был бы толк, — вздохнула я и дала отбой. Подумала и позвонила Славке. — Ты свои деньги в каком банке хранишь?

— В швейцарском, — хмыкнул он.

— А мне, как будущей супруге, нельзя ответить поконкретнее?

— Я осторожный, в одной корзине все яйца не держу. Встретимся вечером, дам тебе полный отчет, распишу в деталях...

— В длинном списке банк «Дельта» не значится?

— Значится, — ответил Славка. — Как раз через этот банк идут все платежи моей фирмы.

— Ты там случайно не VIP-клиент?

— Я там даже лучше. Хозяин банка мой друг и, между прочим, на свадьбе будет шафером.

— Повезло.

— Кому? Чем тебя банк заинтересовал?

— Познакомь меня со своим другом. По дороге я тебе все объясню.

— Лучше объясни сейчас, чтобы я голову не ломал. — Услышав о том, чего я хочу от его друга, Славка присвистнул: — О тайне вкладов ты, само собой, ничего не слышала?

— А дружба?

— Только свинья будет просить друга о подобной услуге. Но тебе это объяснять бесполезно. Ладно, позвоню ему. Съездим, познакомимся, он пошлет нас подальше и будет прав.

В том, что так оно и будет, я почти не сомневалась, но попробовать стоило. По крайней мере, убедительно попрошу Славкиного друга поскорее ответить на запрос. А Витька в знак признательности поделится со мной информацией. Славка вскоре перезвонил и сказал, что ждет меня через час в своем офисе. Я спешно отправилась домой облачаться в Агаткин костюм. Парни на «Хонде» тосковали под моими окнами, а я в рекордные сроки соорудила на голове подобие прически, извлекла на свет божий косметичку и через час, представ перед Славкой во всем блеске, удостоилась комплимента. После этого он почесал бровь и спросил с сомнением:

— Ты для него или для меня так вырядилась?

— Для обоих. Еще начнет друг трендеть, что ты мог бы найти девушку посимпатичнее, и ты, чего доброго, жениться на мне передумаешь.

— Лучше скажи, когда в загс отправимся заявление подавать?

— Как только злодеи будут наказаны. Хочешь процесс ускорить — шевелись.

Геннадий Михайлович Веллер, Славкин друг и хозяин банка, принял нас в своем кабинете. Поначалу он решил, что мы вместе отобедаем, но Славка по телефону сказал ему: «Мы по делу», — и встре-

тились мы в офисе. Увидев меня, Геннадий Михайлович расплылся в улыбке, поднимаясь из-за стола.

— Счастлив познакомиться, — приложился к ручке и весело добавил: — Теперь понятно, почему он вас от друзей прячет. Я бы такую красивую девушку держал за семью замками.

— У меня есть и другие достоинства, — заявила я. — Светлый ум и доброе сердце.

— Есть, есть, — кивнул Славка. — А еще вздорный характер и дурное воспитание.

— Это он из вредности, чтоб вы на меня ненароком не запали.

Геннадий Михайлович рассмеялся, оценив шутку, и пригласил нас к столу.

Появилась секретарь с подносом, на котором стояли кофейник и чашки. Геннадий Михайлович выглядел куда старше Славки. Лет сорока, среднего роста, довольно упитанный, он успел обзавестись приличным брюшком и двойным подбородком. Волосы зачесывал назад, смазывая их гелем, причем геля не жалел. Я решила, что он похож на располневшего Стивена Сигала. Дождавшись, когда секретарь покинет кабинет, он спросил:

— Какое срочное дело привело вас ко мне?

Славка кивнул в мою сторону, предлагая объясниться в свое удовольствие, а сам стал пить кофе.

— Погибла девушка, у нее была карточка вашего банка. А также доходы, наличие которых вызвало удивление. Если на карточке есть деньги, хотелось бы знать, откуда они поступали.

— А какое отношение... — с некоторой растерянностью начал Геннадий Михайлович.

— Вам сегодня отправили официальный запрос... — сообщила я с улыбкой.

— Теперь понял, о чем вы. Да, начальнику отдела звонили и переслали запрос по факсу.

— И что?

— Сейчас готовят ответ.

— А нельзя на него взглянуть?

— Собственно, вы так и не объяснили...

— Эта девушка — Фенина подруга. Невеста у меня нетерпеливая, в расторопности ментов сомневается. Очень прошу, помоги.

— Слава, — развел руками Геннадий Михайлович. — Ты же понимаешь...

— Конечно, понимаю. Но это действительно очень важно. Мне неловко просить тебя, однако...

Геннадий Михайлович покачал головой, вздохнул, одарил Славку укоризненным взглядом, после чего поднялся и вышел из кабинета.

— Я с тобой всех друзей растеряю, — ворчливо заметил Славка.

— Что проку от друзей, если их дружбой нельзя воспользоваться?

— Лучше заткнись.

Вернулся Геннадий Михайлович минут через двадцать, устроился за столом и сказал, понизив голос и поглядывая на дверь:

— На карточке шестьдесят тысяч. Деньги поступают со счета фирмы «Домстрой», платежное поручение подписано Пронягиным Олегом Игоревичем. В течение четырех лет каждый месяц переводили по шестьдесят тысяч рублей. Последний перевод пришел вчера. Несколько месяцев назад истек срок действия карточки, и Ольга Овчинникова получила новую. В конце месяца она снимала с карточки крупные суммы. Обычно в банкомате, что стоит у нас в холле. Это все, что я могу для вас сделать?

— Спасибо, Гена, — сказал Славка поднимаясь.

Геннадий Михайлович проводил нас до дверей с заметным облегчением.

— Ты знаком с Пронягиным? — спросила я, когда мы уже садились в машину.

— Я знаком с его матерью, — ответил Славка. — Пронягина Жанна Викторовна — дама в городе известная.

— Что у нее за таланты?

— Она занялась бизнесом еще на заре перестройки. На базе одного из заводов создала кооператив. Тихой сапой прибрала завод к рукам. Баба железная. Сейчас, кроме этого завода, у нее много чего есть. В том числе строительная компания «Домстрой». Рулит там ее сын, но, по общему мнению, без мамаши он шага не сделает. И жутко ее боится.

— Он женат?

— Не знаю. Ему уже за тридцать, так что скорее всего да. Кстати, поговаривали, что Пронягина заказала собственного муженька. Он увлекся молодой особой, решил развестись и собирался разделить с супругой бизнес. С квартиры съехал, но подать на развод не успел. Возле подъезда его встретил неизвестный и расстрелял в упор. Убийцу так и не нашли. Вдова, когда ей сообщили об этом, спокойно заявила: «Собаке — собачья смерть».

— Занятная дама.

— Еще бы. О том, как она ведет дела, ходят легенды. В прошлом году у нее возникли проблемы с налоговой, но и здесь благодаря связям и, конечно, деньгам серьезных неприятностей избежала.

— Меня вот что интересует, — поглядывая в окно, произнесла я. — Деньги переводили на карточку, каждый месяц Ольга приезжала сюда, чтобы снять их в банкомате, а потом несла в сберкассу в своем райцентре. Не проще было переводить

их сразу на счет, оставляя некоторую сумму на проживание?

— Наверное, проще. Не пришлось бы ездить. Да и возить в автобусе такие деньги довольно неосмотрительно.

— Вот именно, — кивнула я.

— И что ты по этому поводу думаешь? — спросил Славка заинтересованно.

— Все эти сложности нужны ей были для того, чтобы в родном краю не узнали, откуда поступают бабки. Город маленький, кто-то мог заинтересоваться источником ее богатства.

— Она кого-то шантажировала?

— Хоть убей, а Ольгу в роли шантажистки я представить не могу. Скорее всего, это отец ребенка, он ежемесячно переводил деньги, а Ольга их усердно копила. Дочь вырастет, понадобятся средства на образование, да и вообще... Она очень любила дочь.

— Отец вряд ли отказался бы заплатить за обучение, если исправно платил алименты.

— Сегодня платит, завтра — нет, — пожала я плечами. — Должно быть, Ольга рассуждала именно так. На эти деньги две женщины и ребенок вполне могли бы прожить, забот не зная. Но Ольга моет полы в чужих квартирах, а деньги откладывает.

— Думаешь, отец ребенка Пронягин?

— Если нет, с какой стати ему платить?

— А какое отношение это имеет к убийству Ольги?

— Чем, по-твоему, я занята? Пытаюсь выяснить. Кстати, тебе самому не смешно, что они везде за нами таскаются? — задала я вопрос, в очередной раз заметив «Хонду», которая пристроилась сзади.

— Ну... береженого бог бережет. Слова этого типа все-таки произвели впечатление, — покаянно ответил Славка.

— Ты взрослый мальчик и вполне можешь жить своим умом.

— Не понимаю, чем тебе ребята мешают? К тому же по голове ты все-таки схлопотала.

— Они не мешают, они раздражают. Ты б меня расконвоировал, а я взамен обязуюсь вести себя смирно, по ночам не ездить и в темных переулках не болтаться. Ну, как? Идет?

— Ладно, — буркнул Славка с большой неохотой.

Мы решили перекусить и заехали в ресторан. Пока ждали заказ, я позвонила Агатке.

— По-моему, отыскался папаша. Деньги Ольге переводили по поручению Пронягина.

— Какого Пронягина? Неужто сынка Жанны Викторовны?

— А ты ее откуда знаешь?

— Еще бы мне ее не знать. Она наша соседка по даче. К предкам давно в друзья набивается. К матушке все лето бегает то с вареньем из черешни, то с пирогами. И все своими руками... Врет, конечно. Знает характер нашей маменьки. Приди с чем другим — погонит, а варенье — это очень по-соседски. Приличные люди непременно пригласят чай пить. В общем, обольщение идет полным ходом, но без особого успеха. Уж очень две дамы характерами схожи.

— А что сын?

— Сын? Ни рыба ни мясо. Мамашу до судорог боится.

— Он женат?

— Женат. Сноху Жанна терпеть не может, она из «простых», а Жанна хоть и считает сынка малахольным, но женить его планировала на принцессе, и вдруг... Парень, видно, не совсем тюфяк, или влюбился по самое не могу, но проявил завидную

стойкость. Мамаша уступила, но теперь шпыняет сноху в свое удовольствие, та платит ей большой любовью. Живут они вместе, тут Олег ничего поделать не смог, маменька считает: раз уж он настоял на своем, она не должна лишать себя удовольствия каждый день напоминать снохе, что ее на помойке нашли. Не думаю, что девушке сладко живется. Кстати, у Жанны неделю назад был день рождения. Предки, сославшись на дела, ограничились кратким визитом. Мы можем съездить к старой ведьме, заодно поздравить. Если повезет, задашь сынку пару вопросов.

— Я тебя обожаю.

— Чего не сделаешь ради сестры.

— Хозяину «Бордо» звонила?

— Вот тут ничем не порадую. Звонить звонила, но девки, как выяснилось, в клубе подолгу не держатся. Из тех, кто работал четыре года назад, никого не осталось.

— Попроси список тех, кто в то время работал, и узнай, где они сейчас. Мне нужны девушки, которые вместе с Ольгой снимали квартиру.

— Зачем? Ты и так знаешь, кто предполагаемый папаша.

— Все надо доводить до конца, — мудро рассудила я, а Агатка хихикнула:

— А ты не безнадежна. Может, все-таки стоит взять тебя в помощницы?

— Без моих ежедневных усилий город погибнет от грязи.

Закончив разговор с Агаткой, я тут же позвонила Витьке.

— Фенька, — сказал он со вздохом. — Ты в меня часом не влюбилась? То и дело звонишь.

— Ты бы радовался. Не каждый день красотки вроде меня предлагают свою нежную дружбу.

— Уже радуюсь. Что еще нарыла?

— Ответ из банка получил?

— Скоро сказка сказывается...

— Значит, я опять впереди на лихом коне.

— Скорее уж на БТРе. Вот что значит папа-генерал.

Фамилия Пронягина на Витьку никакого впечатления не произвела, пришлось объяснять, кто он такой и чем знаменит.

— Придет официальный ответ из банка, потолкуем.

— Когда с Ломакиным встречаться собираешься?

— Имел с ним беседу по телефону, — степенно ответил Витька. — С Ольгой он знаком с тех пор, как она работала в клубе «Бордо». Был в нашем городе по делам, вот и решил узнать, как живется знакомой. От города до поселка всего ничего, позвонил ей, Ольга старому знакомому обрадовалась, но в гости к себе не звала, боялась пересудов соседей. Посидели в машине, поболтали за жизнь, он уехал.

— А что у него за дела в райцентре?

— На аукцион выставили бывшие торговые ряды, приехал взглянуть. Похоже на правду.

— Знакомство у них должно быть близким, если через четыре года он решил ее навестить.

— Выходит, так. В любом случае прижать его пока нечем, раз он был в поселке за сутки до убийства и из его машины Ольга выпорхнула живой и здоровой.

— Чего-то он от нее хотел.

— Ага. Но нам вряд ли скажет.

— Ты будешь есть или болтать? — недовольно заметил Славка, и я с сожалением отложила телефон.

Вечером мы с Агаткой отправились к Пронягиной поздравлять ее с прошедшим днем рождения. Я выразила сомнение, что мадам мне обрадуется, но Агатка была убеждена: примут нас, как родных, и лишних вопросов не зададут. Принадлежность к известной в городе фамилии, которую носит сестрица и когда-то носила я, поистине творит чудеса.

Дверь нам открыла деваха лет двадцати семи в белом фартучке и кружевной наколке. Увидев ее, я едва не икнула от неожиданности.

— Проходите, пожалуйста, — сказала она. — Жанна Викторовна вас ждет.

Квартира оказалась огромной. Малость оглядевшись, я поняла: без девахи с кружевной наколкой здесь никак.

Перед тем как отправиться к Пронягиным, мы заскочили в магазин, где торговали итальянским фарфором. Агатка выбрала вазу, которая доставала мне до груди, с нелепыми вензелями из сусального золота.

— И как мы ее потащим? — с тоской спросила я.

— Придется напрячься. Для мадам такое страшилище в самый раз.

Теперь я смогла убедиться: сестрица оказалась права. Наш презент здесь весьма кстати. Не квартира, а Эрмитаж в переводе гоблина. Колонны, расписные потолки с амурами, наборный паркет, от золота рябит в глазах. Сама мадам оказалась высокой худой теткой без возраста. Лицо от бесконечных подтяжек потеряло всякое выражение. Взгляд бультерьера, острые, неестественно белые зубы сходство с бойцовской собакой лишь усиливали. Агата всучила ей вазу, которую мы едва доволокли, а я — букет цветов.

— Спасибо, спасибо, дорогие мои, — пела бультерьерша. — Можно я взгляну?

Она принялась распаковывать подарок, то и дело взвизгивая от восторга, что выглядело довольно забавно. Увидела фарфорового монстра и едва не прослезилась от счастья.

— Какая прелесть... но ведь это очень дорого.

Агатка витиевато высказалась в том смысле, что на уважаемую именинницу не грех и потратиться.

— А вы Фенечка? — метнулась ко мне хозяйка. — Давно хотела с вами познакомиться. Матушка ваша рассказывала, вы человек типично городской, дачу не жалуете. А вот я, признаться, люблю деревенскую жизнь. Идемте к столу, выпьем, посплетничаем.

Тетка изо всех сил старалась выглядеть светской дамой, милой и обходительной. Чужие усилия я оценила, заподозрив, что радость общения дается ей нелегко. Мы устроились за огромным столом. Тарелки, кольца для салфеток и сами салфетки украшали две золотые буквы «П. Ж.» с гирляндами цветов по кругу. Количество вилок возле моей тарелки рождало в душе смятение, я терялась в догадках, что с ними делать.

— Катя, — позвала Жанна Викторовна деваху в кружевах. — Позови Олега с его женушкой. Мы долго будем ждать?

Деваха скрылась в глубинах квартиры и продолжительное время не появлялась. Развлекая нас беседой, Жанна Викторовна то и дело поглядывала в том направлении, ладонь ее непроизвольно сжималась в кулак, а взгляд способен был прожечь дыру в стене напротив.

Наконец вернулась деваха, вслед за ней с видом каторжан на этапе появились мужчина и женщина. Мужчине было лет тридцать пять, женщина выглядела куда моложе. Пронягина можно было назвать красавцем. Высокий, подтянутый, свет-

лые, очень густые волосы, которым позавидует любая девушка, темные брови и карие глаза. Сочетание необычное и интригующее. Впечатление портили безвольный подбородок и тусклый взгляд. А еще привычка постоянно оглядываться, точно парню везде враги мерещились. С родительницей он старался взглядом не встречаться. Утверждение, что Пронягин боится матушку до судорог, пожалуй, небезосновательно.

Женщина, худенькая брюнетка с хорошей фигурой и милым личиком, была бледна и казалась человеком, перенесшим серьезную болезнь. За все время, что мы провели за столом, она не сказала ни слова. На колкости свекрови не обращала внимания, полностью погруженная в свои мысли. Счастьем в семействе не пахло.

— Вот, Фенечка, знакомьтесь, мой сын Олег. А это его женушка. — Имя она не произнесла.

Олег вздохнул и назвал его сам:

— Мою жену зовут Марина.

— Это Фенечка, дочка Константина Викторовича. С Агатой вы знакомы.

— Очень приятно, — сказал Олег, пожимая мне руку.

— Вот, пришли поздравить меня. Счастье, что много друзей, в родном доме мне внимания не уделяют.

— Мама, — укоризненно пробормотал Олег.

— Когда сыновья женятся, родная мать перестает их интересовать. Даже если она для единственного сына готова в лепешку расшибиться. Только кому это надо?

— Мама, я тебе очень благодарен.

— Не везет мне с мужиками. Муж был полным неудачником, вечно на моей шее сидел, да и сынок готов чем угодно заниматься, лишь бы не ра-

ботать. Стихи пишет. Издал на свои деньги тощую такую книжонку, без денег бы ее никто не напечатал. Жене посвятил. Конечно, такой жене только и посвящать стихи, которые никто читать не будет. Жена у него танцами занималась. Где ты, милочка, танцевала, я успела забыть?

Марина замерла, уткнувшись в тарелку, а Олег пошел пятнами, но на этот раз тоже промолчал. «С какой стати взрослый мужик терпит издевательства этой ведьмы? — терялась я в догадках. — Ну, не даст она ему денег, что с того? Или это сыновья любовь, моему разуму недоступная?»

— Иногда думаю: для кого я работаю? — продолжала ораторствовать бультерьерша. — Умру, все по ветру пустят. Может, стоит создать благотворительный фонд? Будет обо мне светлая память, наследнички-то, пожалуй, на могилу и то не придут ни разу.

— Что ты такое говоришь, мама? — вскинул голову Олег.

— Говорю, надо бы тебя наследства лишить, да сердце у меня доброе.

Подозреваю, еда у наследников встала поперек горла. Убедившись, что ее слова произвели впечатление, Жанна Викторовна переключилась на меня.

— Я слышала, Фенечка, с вами несчастье произошло?

— Что вы имеете в виду?

— Как же, говорят, погибла ваша подруга, и вы стали свидетелем кошмара.

Тетке следовало сказать спасибо за то, как ловко она переключила разговор на нужную мне тему, а я-то все это время голову ломала...

— Да, — кивнула я с большой радостью. — Если быть точной, погибли две мои подруги. Одна всего два дня назад. Овчинникова Ольга.

— Да вы что? Это не Петра Аркадьевича дочка?

— Нет. Моя подруга жила в поселке Красногвардейский. Кто-то напал на нее, когда она возвращалась из города.

При этих словах Олег заметно дернулся и быстро взглянул на жену. Та, казалось, моих слов вовсе не слышала.

— Да что вы говорите? Какой ужас! Скоро на улицу без охраны не выйдешь.

Мадам продолжила разглагольствования, а я наблюдала за Олегом. Находиться за столом ему явно в тягость. Конечно, известие о гибели Ольги могло на него произвести впечатление, хотя для скверного самочувствия и присутствия мамаши за глаза.

Через полчаса Олег вдруг поднялся и сказал:

— Извини, мама, нас с Мариной ждут Кудрявцевы. Я не знал, что у нас будут гости, и не успел их предупредить. — И, не слушая, что на это скажет мать, потянул жену за руку. Та покорно встала из-за стола, и они поспешно удалились.

— Вот скажите, что он в ней нашел? — возмущенно заметила Жанна Викторовна. — Ни кожи ни рожи, дворняжка без роду без племени, а он с нее пылинки сдувает. Эта сучка родить ребенка и то не может. Скоро пять лет, как женаты, а она все по врачам бегает. Где ее только ни лечили, сколько денег ухнули — все без толку. Вот ведь дрянь, чего замуж-то лезть, если родилка не работает.

Очень хотелось встать и нахлобучить ей на голову супницу. Угадав мои желания, Агатка поспешила сократить визит. Рассыпаясь в благодарностях, мы направились к выходу.

— Странно, что ее до сих пор никто мышьяком не отравил, — заметила сестрица уже на лестничной клетке.

— Мышьяком ее не возьмешь, она его сожрет и не поморщится.

— Парень с нашей Ольгой был знаком, — сменила Агатка тему. — Но то, что ее убили, для него, похоже, новость.

— Похоже, — не стала я спорить.

— Фимка, мы пустышку тянем. Ребенок, конечно, его, но он к убийствам отношения не имеет. С какой стати ему Ольгу убивать? Боялся, что жена узнает или мамаша? Так ведь следакам выйти на него будет проще простого, раз он деньги переводил со счетов фирмы.

— Меня больше интересует, как в эту компанию Димка затесался. Что у него за интерес к Ольге?

Немного порассуждав на эту тему, мы простились с Агатой возле моего подъезда. Поднявшись в квартиру, я устроилась на балконе и продолжила размышлять уже в одиночестве.

Во двор въехала машина и замерла под моим балконом, а вслед за этим раздался телефонный звонок.

— Ефимия Константиновна, прошу меня извинить, это Олег Пронягин беспокоит. Я звонил вашим родителям и попросил номер вашего телефона. Набрался смелости...

— Так я свой номер в секрете не держу, — ответила я, прикидывая, что ему от меня надо. Впрочем, догадаться нетрудно.

— Я проезжал мимо вашего дома и подумал... могу я к вам зайти?

— Заходите. — Значит, он не только номером обзавелся, но и адресом. Интересно, что такого он наплел моей матушке, если она так расщедрилась.

Распахнув входную дверь, я ждала, когда Пронягин поднимется по лестнице.

— Еще раз извините, — сказал он, входя в квартиру, и с недоумением огляделся.

— Это коммуналка, — поспешила объяснить я, чтоб он зря не мучился.

— Вы живете в коммуналке? — По-моему, это у него в голове не укладывалось.

— Ага. Правда, соседи временно отсутствуют. Без них, конечно, скучно, но я справляюсь.

Слегка ошарашенный, он прошел за мной в комнату. После маминой позолоты здесь он чувствовал себя неуютно. Устроился на краешке кресла, точно боялся, что оно развалится. Зря, между прочим. Кресло практически антиквариат и довольно крепкое.

— Вы, наверное, удивлены, — начал Пронягин и на меня уставился.

— Не очень. Ко мне разные люди ходят.

— Давайте откровенно. Вы ведь сегодня не просто так появились в нашем доме.

— Не просто так, а с подарком, маменьку вашу поздравляла.

— Я и так чувствую себя скверно и ваших издевок не заслужил.

— Вы хотели откровенно, ну так валяйте.

Он взглянул исподлобья и после недолгой паузы продолжил:

— Ольга была вашей подругой? Значит, вы... знаете?

— Дочь Ольги — ваш ребенок? — вопросом на вопрос ответила я.

Он вздохнул с облегчением.

— Да. Вы правы. Это мой ребенок. О том, что случилось с Ольгой, я не знал. Ужасное несчастье. — Он потер пальцами глаза. — Что теперь будет с девочкой?

— У нее осталась бабушка, которой о вас ничего не известно.

— Ефимия Константиновна, мою мать вы видели. Если она узнает... трудно вообразить, что она может сделать. Я уверен, ребенку с матерью Ольги будет куда лучше, чем в моем доме. — «С этим не поспоришь», — подумала я и кивнула. — А мне будет трудно объяснить своей жене... В общем, я не хочу, чтобы кто-то знал... Вам Оля все рассказала?

— Нет. Я случайно узнала о денежных переводах.

— Вот как, — нахмурился он. — Когда произошла трагедия?

Я ответила, а он вновь вздохнул с облегчением.

— Мать в тот вечер устроила фуршет по случаю своего дня рождения, она его всю неделю отмечала. Так вот, мы с супругой присутствовали, там было множество людей, разошлись в первом часу ночи. Говорю на всякий случай, хотя вы понимаете: Оле я зла не желал.

— Но вы ведь не хотели, чтобы о существовании вашей дочери узнали...

— Не хотел и не хочу. Но это не повод убить мать своего ребенка. Четыре года назад мы обо всем договорились. И за это время никто из нас договоренность не нарушил. Мы ни разу не встречались, я исправно переводил деньги.

— И никогда не видели свою дочь?

— Понимаете, — начал он подбирать слова. — Это было мимолетным увлечением. А потом я познакомился со своей будущей женой. Уже после этого Оля позвонила и сказала, что беременна. Для меня такая новость явилась полной неожиданностью и, конечно, была совсем некстати. А Оля мечтала о ребенке. Вот мы и договорились. Она рожает, я помогаю ей материально, но... ни-

каких встреч. А главное, она должна была молчать о том, кто отец девочки. Я готов и впредь помогать и... встретиться с ее матерью, чтобы все обсудить. Но с условием, что она сохранит все это в тайне.

— На мой счет можете не беспокоиться, — ответила я. — Но Ольгу убили, переводы следствие заинтересуют, и вам зададут вопросы.

— Лишь бы мать ни о чем не узнала. И жена, конечно, тоже. Надеюсь, в милиции отнесутся к этому с пониманием. Сейчас меня заботит одно: ваши родители и моя мать общаются и...

— Я ведь уже сказала: от меня никто ничего не узнает.

— Спасибо, — кивнул он, поднялся и неуверенно протянул мне руку. Рукопожатие вышло довольно вялым и насмешило обоих. Он уже шагнул к двери, когда я спросила:

— Вы знакомы с Дмитрием Ломакиным?

— Нет, — с легкой запинкой ответил Олег. — То есть имя, конечно, слышал. Почему вы задали этот вопрос?

— Подумала, что вы, должно быть, встречались. Когда вы познакомились с Ольгой, она работала в клубе «Бордо»?

— Да. Официанткой. Но познакомились мы не в клубе. Я как-то подвозил ее с работы. Просто ехал мимо, а красивая девушка ловила такси. В общем, обычная история. — Он криво усмехнулся и замолчал.

Заперев за ним дверь, я вышла на балкон. Через минуту Олег показался из подъезда, в кабине вспыхнул свет, когда он садился в машину, и я увидела на переднем сиденье Марину. И поскребла в затылке в большом недоумении. Он боится, что жена узнает о прижитом на стороне ребенке, но едет ко мне вместе с ней. Ему пришлось ведь

как-то объяснять этот визит. Либо Пронягин — большой спец по части выдумок, либо... либо что-то тут не так.

Днем позже меня опять вызвал следователь. Агатка отправилась со мной, хотя никто ее об этом не просил, на его вопросы по большей части тоже отвечала она, причем с таким выражением лица, что я уловила безусловное сходство сестры с нашей родительницей. Столкнувшись с мамой, любая армия теряет боеспособность и в страхе дает деру. Что ж говорить о следователе? Судя по его вопросам, он с чьей-то подачи или сам по себе утвердился в мысли, что мы с Милкой стали жертвами случайного грабителя. Если и был какой шантажист, то на сцене так и не успел появиться, зато появился психованный придурок, посчитавший нас легкой добычей. И в самом деле: две девицы поздней ночью в парке... Может, Милку он не собирался убивать, но так уж сложились обстоятельства. Я слегка запаниковала, в очередной раз подумав: убийство, чего доброго, останется нераскрытым.

— Можно спросить? — буркнула я. — Мишу, о котором говорила Милка, так и не нашли?

— Ищем, — лаконично ответил следователь, но как-то неубедительно.

Моя кислая физиономия очень раздражала Агатку, и сестрица потащила меня обедать, дабы вселить бодрость и оптимизм. В кафе и раздался звонок Эммы Григорьевны. Она спросила, приеду ли я на похороны, я под благовидным предлогом отказалась. Агатка немного поприставала с вопросом, отчего я вдруг впала в ступор, и, не дождавшись ответа, махнула рукой и отбыла восвояси. А я продолжила свои невеселые размышления. До

этого момента я была твердо уверена: шантажист — вовсе не плод Милкиного воображения. Кто-то воспользовался фотографией, чтобы заманить подругу в глухое местечко. Милка врать бы мне не стала. А если все-таки... Что, если Милка придумала этого Мишу, которого никто в глаза не видел, для моего спокойствия? А на самом деле все было куда серьезнее? Она намеревалась встретиться с человеком, которому не доверяла и которого боялась, оттого и не рискнула ехать одна. Следующий вопрос: кем может быть этот человек? Предположим, ему что-то известно о происходящих вокруг Берсеньева странностях (этой идеи я по-прежнему не оставляла). Милка надеялась что-то прояснить, но человек этот был заинтересован отнюдь не в сотрудничестве, а в Милкином полном молчании. Но почему он оставил в живых свидетеля, то есть меня? Самонадеянно, если учесть, что, по общему мнению, женщины болтливы, а Милка, потащив меня ночью в парк, должна была как-то все это объяснить. Был еще вопрос, вызывавший сомнения: каким образом она вышла на этого типа? Или все-таки он на нее? Распечатку звонков Милки следователь получил, но, похоже, ничего интересного не обнаружил.

Занятая своими мыслями, в кафе я задержалась надолго. Официантки начали недоуменно переглядываться, пришлось попросить счет и выметаться. Только я покинула заведение, как позвонил Витька.

— Ну что? — обрадовалась я. — Есть новости?

— Еще какие. Получил заключение патологоанатома. Если по-простому, смерть наступила от удушья, шнурок он ей сзади накинул, светило наш ответственно заявляет, что преступник либо меньше ее ростом, либо в тот момент сидел, что более

вероятно. Так что логично предположить: все произошло в машине, она стала выходить, повернулась к злодею спиной, а он накинул ей на шею удавку. Человек физически сильный. Покончил он с этим быстро, оказать сопротивление она не успела.

— И нападения не ожидала, если повернулась спиной.

— Выходит, так. Но это вовсе не значит, что он был ее хорошим знакомым. Ты, когда из такси выходишь, ждешь, что на тебя набросятся?

— Нет, если человек вел себя прилично. А если делал намеки, порочащие мою честь, могу и насторожиться.

— Значит, намеков не делал. Я все больше склоняюсь к мысли, что ее пасли, — вздохнул Витька. — Кто-то узнал о ежемесячных посещениях сберкассы и решил, что у девки денег куры не клюют. Смерть наступила в промежутке между девятью часами вечера и часом ночи.

— А поточнее нельзя?

— Поточнее только в кино. Адвокат ей звонил в половине девятого, а в девять был уже дома. Соседи видели свет в его окнах, правда, время с точностью до минуты указать не могут, но примерно в десятом часу.

— Учитывая расстояние, получаса вполне хватит.

— Хватило бы, будь у него машина. Свою он взять не мог, она без движка стоит, к знакомым с такой просьбой не обращался. И вообще, до половины девятого он был с клиентом, это установленный факт. За полчаса найти машину, убить девушку, от тачки избавиться и домой вернуться — это надо фокусником быть. К тому же мотив по-прежнему отсутствует. С какой стати ему убивать?

— Мотива и я не вижу, — неохотно согласилась я. Какой-никакой, а все-таки подозреваемый.

— Есть еще новость, — со вздохом продолжил Витька, сделал паузу и выпалил: — Ольга никогда не рожала.

— Что? — не поняла я.

— То. В медицинских терминах я вязну, как муха в варенье, оттого дважды переспросил, чтобы быть уверенным. Женщина никогда не рожала. Ей сделали аборт весьма неудачно, после этого иметь детей она не могла.

— Так, может, аборт она сделала после родов?

— Ты что, не поняла? Светило клянется: она никогда не рожала. Можно провести анализ ДНК, на это уйдет время, да и необходимость такого анализа еще надо обосновать. Кому это нужно?

— Откуда же тогда ребенок?

— Ну не украла же она его. Выходит, удочерила. Заключение патологоанатома я получил вчера и сразу связался с ивановскими коллегами. Свидетельство о рождении нашел в бумагах Ольги.

— А документы об удочерении?

— Никаких документов. Но это еще не все. Принимали роды в частной клинике, мать — Овчинникова Ольга Витальевна, есть ксерокопия медицинской карты. Причем три недели женщина лежала на сохранении, родила в срок, как положено.

— Почему в частной клинике, а не в роддоме?

— Сейчас многие предпочитают рожать за деньги, что в этом особенного? Ивановские отзвонились двадцать минут назад, утверждают: никакого удочерения быть не могло, женщина родила сама, получила на ребенка документы по всем правилам, выписалась из клиники на пятый день. Вот такая хрень.

— Так кто мать девочки? — рявкнула я, теряя терпение.

— Выходит, что Ольга.

— Что ж ты мне голову морочишь?

— А наш светило утверждает, что такого быть не может, на что у меня есть официальный документ. Говорю тебе, полная хрень.

— А светило не мог наколбасить после празднования дня рождения?

— Такого за ним раньше не водилось.

— Что за клиника? — спросила я.

Витька не только назвал клинику, но и адресом меня снабдил.

— Хочешь проверить?

— А ты — нет?

— Фенька, мы, конечно, друзья и все такое, но ты б не лезла. За помощь спасибо, но я уж как-нибудь без тебя...

— Без меня ты б еще неделю на запрос ответа ждал, — пробормотала я, убирая телефон в сумку.

Вот так новость. Если патологоанатом прав, тогда откуда у Ольги ребенок? Допустим, Ольга после неудачного аборта решила удочерить девочку и в Иваново поехала, чтобы скрыть не свою беременность, а ее отсутствие. Но документов на удочерение Витька не нашел. Мало того, судя по медицинской карте, рожала в клинике сама Ольга, да еще на сохранении лежала. Однако выбрала частную клинику. За деньги можно получить любой документ. А если я перемудрила и, увлекшись заговором против Берсеньева, проглядела очевидное: дело вовсе не в нем, а в ребенке? В той давней истории? Милка о ней что-то знала и погибла. А вслед за ней и Ольга. Ломакин там с какого бока? А Пронягин? Вчера Пронягин сказал, что это его ребенок, и слова его подтверждает факт: он че-

тыре года исправно переводил деньги на его содержание. Интересно, как он отнесется к известию, что родить Ольга была не в состоянии? Может, светило все-таки дал маху, страдая с перепоя? А сейчас упорствует, не желая признать ошибку?

Я набрала номер сестрицы.

— Агатка, срочно разыщи девушек, которые работали вместе с Ольгой в «Бордо».

— У меня, между прочим, без того работы по горло.

— Работы много, а сестра одна. Так что сделай правильные выводы.

То ли сестрица выводы сделала и напряглась, то ли просто везение поперло, но уже на следующий день она позвонила и ворчливо сказала:

— Нашлась девица, которая работала в «Бордо» пять лет назад. На счастье, адрес у нее не изменился. Ольгу нашу помнит, сказала, что квартиру она снимала с двумя девчонками, Мариной Балыниной и Верой Сименых. Веру встретила месяц назад, та работает в баре «Пилигрим». Что с остальными — понятия не имеет. Уволилась она из «Бордо», когда все три девицы еще там обретались. Вышла замуж, родила детей и отношений ни с кем из прежних приятельниц не поддерживала. Со мной разговаривала сквозь зубы. Муж у нее уважаемый человек, и она поспешила забыть о ночном клубе, работу в котором считает пятном на своей биографии.

— Значит, бар «Пилигрим»? Придется наведаться, — сказала я.

— Без надобности. Я туда уже заглянула. У Сименых сегодня выходной, так что встретиться с ней не удалось. Зато разжилась ее адресом. Улица Трудовая, дом пять. Встретимся там.

Где находится улица Трудовая, я понятия не

имела, пришлось сунуть нос в карту города. Нашлась она в районе химзавода, туда я и направилась. Свернула на светофоре возле бассейна и начала поглядывать по сторонам. Вокруг гаражи и складские помещения. Я вновь уткнулась в карту, тут меня догнала Агатка на своей новенькой «Ауди» и посигналила.

— Давай за мной, — крикнула она, приоткрыв окно. Сестра в этих закоулках ориентировалась куда лучше, чем я, и вскоре мы въехали на Трудовую, крошечную улочку с десятком домов. Место, прямо скажем, малопривлекательное. Двухэтажный дом под номером пять оказался деревянным бараком, дверь подъезда распахнута настежь.

— Ну и дыра, — проворчала Агатка, выходя из машины.

Я пожала плечами, не желая комментировать данное утверждение, и мы скоренько оказались в подъезде.

Номер комнаты на обшарпанной двери был написан мелом, звонок отсутствовал. Агатка постучала, и мы стали ждать. Через минуту дверь чуть приоткрылась, и я увидела лицо женщины, точнее, часть лица. Заплывший глаз, всклоченные волосы.

— Чего? — спросила она сердито.

— Вера Сименых здесь живет? — так же сердито спросила Агатка.

— Ну, здесь.

— Это вы?

— Ну, я. А вы кто?

— Мы ваши новые друзья, точнее, подруги. — Я легонько толкнула дверь, и девушке пришлось посторониться. Впрочем, в последнее время девушкой ее вряд ли кто называл. На вид ей было лет сорок. Отечное лицо, кроме синяка под гла-

зом, еще один на скуле. Все признаки большого женского счастья.

— Чего-то я не поняла, — растерянно сказала Вера.

— Три тысячи. Три тысячи за ответы на несколько вопросов. Идет? — Агатка взглянула на меня с недовольством, а я хихикнула: — Не жадничай.

— А что за вопросы? — подумав, спросила Вера.

— Вопросы простые. Они касаются Ольги Овчинниковой. Помните такую?

— Ну, помню... Ладно, проходите.

Предложение немного запоздало, к тому моменту в жилище мы успели внедриться основательно. Узкая комната с одним окном, за занавеской стол и газовая плита. На диване спал совершенно голый мужик. Вера поспешно прикрыла его одеялом.

— Он с ночной смены, — пояснила она. Не знаю, что у него за смена, но перегаром несло за версту.

В тесной комнатушке негде было развернуться. Агатка заняла единственный стул, Вера устроилась на краешке дивана, боясь потревожить возлюбленного, я осталась стоять, упираясь плечом в полку с выставленными на ней любовными романами и фотографиями Веры. На них она была запечатлена в лучшую пору своей жизни: красивая, веселая, с большими надеждами, от которых теперь мало что осталось.

— Вы вместе с Ольгой снимали квартиру? — деловито начала Агата.

— Ну, снимали. Подругами не были, но уживались. Ольга девка неплохая, тормознутая малость. С какой стати она вас интересует?

— Деньги наши, и вопросы задаем мы, — заметила Агатка.

— Денег я пока не видела.

Агатка порылась в кошельке и протянула ей три тысячи, девица сунула их в бюстгальтер.

— Расскажите о вашем совместном проживании.

— Ну, жили втроем, я, Ольга и Маринка Балынина. Ольга работала официанткой в «Бордо», мы с Маринкой там у шеста вертелись. Мужиков было до черта, денег тоже хватало.

— Кого-нибудь из Ольгиных мужчин помните?

— Ольга у нас скромницей была, — хмыкнула Верка. — Это мы отрывались по полной, а она все о любви мечтала. Втюрилась в нашего бармена, парень — полное дерьмо, бросил ее, конечно. Она от него аборт делала. Потом были еще двое, не помню, как звали. Бизнесмены, мать их. Поматросили и бросили. А потом ее к себе родня забрала, и из клуба она уволилась. Больше мы не виделись.

— Одного из бизнесменов случайно не Олегом Пронягиным звали? — спросила я.

— Пронягин? Так его Маринка окрутила. Из грязи да в князи. Теперь на шикарных тачках катается. Везет же некоторым.

— Марина Балынина — это его жена? — сообразила я, злясь на себя за некоторую бестолковость. Могла бы и раньше догадаться.

— Конечно. Наши трепались — он ни в жизнь на ней не женится, мамаша не позволит, а он взял да и женился.

— А с Ольгой он был знаком?

— Может, и был, не знаю. Возле Маринки он начал крутиться, когда Ольга уже к родне отчалила.

— У Ольги вскоре после этого родилась дочь. Не догадываетесь, кто мог быть ее отцом?

— Понятия не имею. Помню, что перед тем, как нас покинуть, она страдала от несчастной любви и сделала очередной аборт. Клялась, что мужиков к

себе близко не подпустит. Но, видно, надолго ее не хватило, если вскоре родила. Хорошо, хоть ребенок есть. У Маринки бабки, у Ольги дите, а у меня сами видите... — Она поднялась, подошла к полке и стала перебирать фотографии. Одну протянула мне. — Вот, мы здесь втроем...

Девушки сидели обнявшись. Марина в центре, красивая, с озорной улыбкой. Та женщина, которую я видела в доме бультерьерши, была лишь ее тенью. Рядом с ней Ольга. Нежное личико с печальными глазами. Я подумала, что фотография Ольги может мне пригодиться, и спросила:

— Я могу ее взять?

Вера на мгновение засомневалась, потом махнула рукой:

— Берите.

Я убрала фотографию и задала очередной вопрос:

— С Дмитрием Ломакиным Ольга в клубе познакомилась?

— С каким Ломакиным? — нахмурилась Вера. — Такого я не знаю.

— Да бросьте вы. Он в городе человек известный.

— Может, и так, но я о нем первый раз слышу. — Она вдруг занервничала, скрестила руки на груди и сказала враждебно: — Выметайтесь. Разбудите Кольку, он буянить начнет.

— Хочешь еще три тысячи? — спросила Агата.

— Да пошла ты со своими деньгами. — Стало ясно, о Димке она говорить не будет.

— Она боится, — сказала сестрица, когда мы вышли на улицу.

— Похоже, — кивнула я. — Гадай теперь, какое он имеет отношение к ребенку Ольги. И имеет ли вообще.

— Имеет. Иначе не стал бы к Ольге приезжать.

— Агатка, дала бы ты мне свою ксиву, было бы чем размахивать перед носом граждан. Бытует мнение, что мы похожи...

— Зачем тебе ксива?

— Хочу в Иваново прокатиться. Вдруг повезет, и что-нибудь путное узнаю.

От нашего города до Иванова на машине часа три, но я предпочла поезд. Времени потратишь примерно столько же, зато можно отдохнуть. В восемь утра я была на вокзале, сверилась с расписанием и решила: если все пройдет удачно, вернусь на четырехчасовом поезде.

Уютно устроившись у окна, я собралась вздремнуть, но не получилось. Я предалась размышлениям, однако думала не о том, что ждет меня в Иванове, не об Ольге с ее ребенком, а о Стасе. Он все еще здесь или вернулся в Питер? Как всегда, при мысли о нем навалилась тоска. И когда это кончится? Когда-нибудь непременно... Главное, не видеть его, и в конце концов... Что? Забуду? В тот момент мне казалось: не забуду, не успокоюсь, сердце не будет стучать ровнее, а зайдется в сумасшедшей дроби, стоит лишь услышать его имя. Я упрямо бормотала: «Все проходит, так умные люди говорят, а умные люди зря не скажут». И в мерном стуке колес слышала вкрадчивый голос: «Принцеска...»

На вокзальной площади я остановила такси, назвала адрес и через двадцать минут уже была в клинике. Главврач не только принял меня, но и разговаривал с большой любезностью. Не помню, что я ему плела, однако вышло складно, потому что рассказ у него сомнений не вызвал. Короткая юбка, в которую я облачилась в то утро, произвела

на дядьку куда большее впечатление, чем удостоверение сестрицы. Поглядывая на меня, он то и дело причмокивал пухлыми ярко-красными губами. Я, само собой, прозрачно намекнула, что мне всегда были симпатичны мужчины в возрасте. Он с грустью сообщил, что очень занят, и спровадил меня к своему заму, но не поленился и сам проводил меня к ней, дав женщине соответствующие инструкции. Заместитель главврача, дама лет сорока, тоже была очень занята, но пожелание начальства выполнила с максимальным старанием, наверное, из-за загруженности даже не спросив, чем меня заинтересовала роженица. Я сочла это большой удачей. Записав Ольгины данные, Светлана Сергеевна удалилась, а через некоторое время вошла в кабинет, на ходу просматривая медицинскую карту.

— Помню я эту женщину, — сказала она, устраиваясь за столом. — Так и есть. Я роды принимала. Трудные были, хотя, как говорится, ничто не предвещало... Родилась девочка три килограмма двести граммов. Нам тогда пришлось здорово поволноваться. Но запомнила я ее даже не поэтому. Женщина у нас на сохранении лежала, так муж к ней по нескольку раз в день приходил, всегда с цветами.

— Муж?

— Ну да. Мы так думали. Фрукты сумками таскал, нам даже пришлось провести разъяснительную беседу, что делать этого не стоит. Все отделение этими фруктами можно было накормить. При родах присутствовал и очень волновался. Когда начались сложности, его попросили удалиться. Он в коридоре метался сам не свой. Зато, когда сообщили, что все в порядке, мать и ребенок вне опасности, он заплакал от счастья. Привлекательный

такой мужчина, в общем, пара была красивая. А потом выяснилось, что он не муж ей вовсе. И в свидетельстве о рождении ребенка вообще стоит прочерк в графе «отец». Девчонки еще шептались, что он любовник. Женатый, конечно. И богатый. Вот и определил ее в клинику.

Все это я выслушала в легком замешательстве. Задавать вопрос об удочерении было глупо. Не похоже, что Светлана Сергеевна свято хранит некую тайну. Говорила спокойно, смотрела открыто. Если четыре года назад здесь произошло что-то незаконное, она должна была насторожиться. Я достала фотографию, позаимствованную у Веры, и протянула Светлане Сергеевне.

— Это она на фотографии?

— Да, точно, — ответила женщина и ткнула пальцем в Марину, а я едва не выругалась в досаде. — Мы рассчитывали, что ребенок у нас будет наблюдаться, — спокойно произнесла Светлана Сергеевна. — Но недели через две мамочка сообщила, что уезжает к родителям. А девочка хорошенькая, абсолютно здоровая.

— А как у матери обстояли дела со здоровьем?

— Нормально, выписали на пятый день.

Мне оставалось лишь сказать «спасибо» и покинуть кабинет. Вот так история! Замужняя женщина рожает ребенка, супруг заваливает ее цветами, нервно скачет в коридоре, а потом оставляет ребенка на попечение абсолютно постороннего человека. Причем Марина является сюда с чужим паспортом. Вряд ли фотографию в документах рассматривали особо пристально, когда заводили медицинскую карту. Кому это надо? Тем более в частной клинике, где платежеспособность клиента куда важнее.

С Ольгой, вне всякого сомнения, они договори-

лись заранее. Поэтому она и сорвалась в Иваново и упорно не желала общаться с родней. Витькино светило ничего не напутал, Ольга после двух абортов не могла иметь детей, но, как видно, утомившись несчастной любовью, вдруг страстно возжелала ребенка. Хотя не последнюю роль могли сыграть ежемесячные переводы. Нет, все-таки главное — ребенок, не стала бы Ольга с таким усердием откладывать деньги вместо того, чтобы тратить их, и от тяжелой работы тоже не отказывалась. Хотя в этом мог быть некий расчет: наличие денег ведь надо как-то объяснить. Хорошо, с Ольгой все понятно. Но Марина? Как она могла оставить ребенка... Ответ очевиден: Светлана ее дочь, но Пронягин отцом не является. Допустим, но ведь Марину он любил, да так, что женился, проявив небывалую отвагу. По моему разумению, мужчина никогда не потребует от любимой женщины отказаться от ребенка. Мужчины встречаются разные... И тут на ум пришла бультерьерша. Марина для нее — точно кость в горле. Узнай Пронягина, что отец ребенка вовсе не ее сын... Вряд ли Марина завела любовника, будучи замужем. Уж очень рискованно, имея такую свекровь. Значит, за Пронягина она выходила в положении. Свекровь до девяти считать умеет и, приняв к сведению, к примеру, факт работы снохи в ночном клубе с репутацией борделя, сразу бы засомневалась, ее ли сын — виновник торжества. А засомневавшись, ни перед чем бы не остановилась. Пронягин, должно быть, верил, что мать способна лишить его наследства. И они с Мариной придумали этот план. Или придумал Пронягин, уговорил Марину... И она согласилась? Из-за денег, которые надеется когда-то получить? Да, у бультерьерши достойные наследники. Я вспомнила, как Марина сидела за столом

в квартире Пронягиной. Каждый доллар старухиных денег будет стоить ей очень дорого. А если Марина поняла, что дурака сваляла, и решила вернуть дочь? Вот и причина Ольгиной гибели.

К тому моменту я успела удалиться от клиники на приличное расстояние. Пришлось напомнить себе, что, если я собираюсь вернуться сегодня в родной город, мне следует двигать к вокзалу, а не болтаться по улицам без всякой цели. Я огляделась в поисках такси и обнаружила в нескольких метрах от себя черный «БМВ» с номерами нашего региона. Три семерки радовали глаз. Дверь «БМВ» распахнулась, и появился Димка.

— Привет, прекрасная дворничиха, — сказал он, насмешливо улыбаясь.

Я еще раз огляделась, на этот раз с тоской, мысленно чертыхнулась и ответила:

— Привет.

— Садись в машину, — убрав с лица улыбку, приказал он.

— Я лучше свежим воздухом подышу.

— Ты никак боишься? — хмыкнул Димка. — А я-то думал, ты у нас девушка бесстрашная. Помню, как ты геройствовала, спасая своего Стаса.

— Может, я и бесстрашная, но осторожная. Одно другому не мешает.

— Хватит трепаться, садись. Не съем я тебя.

— Хорошо, если так, — ответила я, косясь по сторонам. Никому до нас дела не было, а кричать караул я сочла неприличным.

В общем, я подумала и села рядом с Димкой. Он тронулся с места, не торопясь объяснить, куда направляется. Пока мы в городе, я чувствовала себя в относительной безопасности. Димка включил навигатор, должно быть заплутав в хитросплетении переулков, а я решила подать голос.

— Куда едем? — спросила на всякий случай.
— Домой, естественно. Или у тебя есть еще дела?
— А ты здесь какими судьбами?
— Божьим провидением, — хмыкнул он.
— Вера сообщила, что я вчера была у нее и вопросы задавала?
— Ага. Я с утречка занял позицию возле твоего дома, интересно было, к кому ты еще с вопросами сунешься. А ты на вокзал. Куда направляешься, догадаться не трудно, и здесь я оказался еще раньше, чем ты.
— «БМВ» тачка скоростная, бегает хорошо.
— Вот-вот.
— Мать ребенка на самом деле Марина. Врач ее на фотографии узнала, — почесав нос, сказала я, хотя разумнее было помолчать. — А кто отец? Ты?
— С чего вдруг?
— Ну, если ты здесь нарисовался, догадаться не трудно. К тому же у девочки твои глаза. Глаза Вадима.
— Шлепнула моего папашу, вот он тебе везде и мерещится.
— К Ольге зачем приезжал?
— Соскучился. Старые друзья, то да се...
— А от меня чего хочешь?
— Чтоб ты не в свое дело не лезла. А то наплюю на папу-генерала и шею сверну, как курице.
— Я не полезу, так менты все равно докопаются.
— Ментам положено. А ты не лезь.
Я немного помолчала, прикидывая, стоит ли задавать вопрос, который вертелся на языке, и все-таки спросила:
— Марина, устав от райской жизни, надумала вернуть ребенка? А Ольга была против?
— И я ее убил? Хрень полнейшая.
— Почему же... — пожала я плечами.

— Говорю тебе, хрень. Зачем мне ее убивать? По документам ребенок ее, значит, останется с бабушкой. Допустим, бабуля тоже богу душу отдаст. Все равно Маринка дочь не получит.

— С большими деньгами стоит попытаться.

— Можешь мне поверить, ребенок ей нужен как прошлогодний снег. А мне в это дерьмо соваться и вовсе ни к чему. Просто не хочу, чтобы у моих друзей были неприятности.

— А Ольга их обещала?

— Говорю тебе, дура, к ней я заехал по-приятельски.

— Как-то не верится. И за мной сюда потащился...

— Ага. Соскучился. Давно не виделись. А тут дорога дальняя, поболтаем.

— Тогда начинай, — кивнула я.

— Что?

— Болтать, естественно.

— Слушай, дворничиха, завязывай играть на нервах. Как ты понимаешь, добрых чувств у меня к тебе кот наплакал. Сказано, забудь об этой истории, ну так и делай, что говорят. По башке уже схлопотала, но тебе все мало.

— Моя башка — твоя работа?

— Еще чего. Тебя послушать, я только тем и занимаюсь, что колочу граждан по головам. Лучше скажи, как там наш Стас? Чего ему в Питере не сидится? Тоскует вдали от твоих титек?

— Он занят наследством Насти, — как можно спокойнее ответила я.

— И сразу к тебе побежал? Правду говорят, старая любовь не ржавеет. Наследство на Настьку перепишет, потом девка сыграет в ящик, а вы тихо-мирно заживете на ее денежки.

— У тебя навязчивая идея.

— Я просто хорошо знаю Стаса. Наглая сволочь. Разгуливает по городу как ни в чем не бывало.

— Дима, — позвала я. — Он твоего отца не убивал.

— Ага. Его убил твой бывший муж-алкаш. Рассказывай свои байки желающим их слушать.

— Он не убивал Вадима, — упрямо повторила я.

— Заткнись. И передай своему Стасу, чтоб он нашел нору поглубже. Только я и там его найду и шлепну.

— А что тогда меня не шлепнешь? Папу-прокурора боишься?

— Не боюсь. Без меня охотники найдутся. Ты с таким усердием суешь свой нос куда не просят, что тебя скоро на руках начнут носить. В полированном гробу с медными ручками.

— Ну, если только в полированном...

Мы уже давно покинули город, Димка как-то чересчур пристально вглядывался в зеркало заднего вида. Понаблюдав за ним, я не выдержала и спросила:

— Что там?

— «Круизер» на хвосте висит. Может, просто так, а может...

Я тоже в зеркало уставилась. Водитель «Круизера» особо не наглел, держался на расстоянии, но и не отставал. Может, Славка не простился с идеей приглядывать за мной, и парни просто поменяли машину?

— Есть кого опасаться?

— Друзей заклятых немерено.

— И чем ты им насолил? — спросила, исключительно с целью поддержать разговор, на правдивый ответ не рассчитывая.

— По-разному. Больше всех бывший батин друг суетится.

— Павел?

— Ага. Павел. Вот такие дружки, — подмигнул Димка. — Не верь друзьям и бабам.

— А еще прогнозам погоды и гороскопам.

Димка вдруг засмеялся, посмотрел на меня с сомнением и вновь заговорил:

— Вот ты, к примеру. По виду иногда чистый ангел. Отец тебя любил... А ты его спокойненько на тот свет спровадила. Славка твой готов за тебя лимон зеленых отстегнуть, а ты парня побоку и снова со своим Стасом путаешься. Кто ты после этого? — Я отвернулась к окну. Как ни обидно, но заключалась в словах Димки некая истина. — Чего отворачиваешься? Скажешь, я не прав?

— Если интересно, я могу ответить. Стасу я нужна так же, как тебе мои оправдания. Он заехал узнать, как обстоят дела. Стас слышал, что случилось с моей подругой. А еще он вбил в голову, будто мне обязан. Мужики страшные выпендрежники, и он не лучше других. Вот и строит из себя заботливого друга.

— А ты, значит, Славку любишь?

— А я, значит, люблю.

Димка презрительно фыркнул и головой покачал, так его распирало. Взглянул еще раз в зеркало и заметил без выражения:

— Отстал.

— «Круизер»?

Димка кивнул.

— Выходит, не по мою душу.

До города оставалось километров тридцать, Димка притормозил на перекрестке перед светофором, в этот момент на шоссе с проселочной дороги выехал мотоцикл с двумя седоками. Трудно сказать, почему они привлекли мое внимание.

Может, потому, что экипированы были с излишним шиком. Кожаные штаны, короткие куртки в обтяжку и одинаковые шлемы, поблескивающие на слабом осеннем солнце. Сквозь них физиономий было не видно, от этого парни казались безликими, точно злодеи из компьютерных стрелялок. На светофоре они поравнялись с нами, Димка даже головы не повернул, с нетерпением ожидая, когда загорится зеленый. Сидевший сзади парень расстегнул молнию куртки и сунул руку за пазуху. А я, ухватив Димку за голову, повалилась на пол, увлекая его за собой, успев с тоской подумать, что если парень просто решил почесаться, выглядеть я буду психованной дурой. Раздался хлопок, потом второй и третий. Вокруг истошно сигналили водители, к тому времени вспыхнул зеленый свет, а они так и не поняли, что произошло. Взревев, мотоцикл рванул с места, а я матерно выругалась.

— Идиот, за ним киллеры охотятся, а он в одиночку разъезжает.

Димка ошалело посмотрел на покрытое рябью окно и тоже матюгнулся. В легком ступоре он пребывал недолго. «Круизер» вновь появился на горизонте и, набирая скорость, начал стремительно приближаться. Наплевав на правила, Димка свернул на проселочную дорогу и втопил педаль газа. Я не стала лезть с вопросами, решив, что если он очухался, то, должно быть, знает, что делает. Впереди была развилка, из трех дорог Димка предпочел ту, что левее, а я вздохнула с некоторым облегчением. Если типы на «Круизере» решат нас преследовать, им предстоит нелегкий выбор.

— Надо было вызвать милицию, — вслух подумала я, справедливо подозревая, что Димка на мои слова внимания не обратит.

— Сам разберусь.

— Сам так сам, — не стала я спорить. Его нежелание общаться с милицией меня скорее порадовало. Узнав, что я опять оказалась замешанной в скверную историю, мои родители в восторг не придут, а папа может вовсе досрочно на пенсию отправиться.

Между тем мы неслись по лесной дороге, не встретив ни одной машины. Сзади тоже никто не пристроился. Я смогла перевести дух, а потом засмеялась. Смех вышел нервным, надо бы остановиться, но не получалось. Димка хмуро посмотрел на меня, выругался, потом притормозил. Обхватил меня ручищами и привлек к себе. Похлопал по спине и сказал тихо:

— Все хорошо.

— Ага, лучше не бывает. — Я поспешно отстранилась. — Мы просто так по округе катаемся или у тебя есть цель?

— Здесь неподалеку охотничий домик. Мой, но об этом никто не знает. Отсидимся, подумаем.

— Ты бы лучше охрану вызвал. Есть у тебя охрана?

— Вот только не надо меня учить.

— Куда уж мне... Ладно, поехали отсиживаться. Ты будешь думать, а я себе тоже найду занятие по интересам.

Потратив еще полчаса, мы миновали деревню, которая осталась чуть в стороне, от нее вела дорога, посыпанная щебнем. Вскоре показался дом. Назвав его домиком, Димка покривил душой. Дом был бревенчатый, добротный, за крепким забором. Димка загнал машину в гараж, пристроенный сбоку, и мы вместе вошли в просторные сени. Чувствовалось, что женщины здесь частыми гостями не были. Обстановка спартанская. Исключением являлась разве что кухня. Вполне современ-

ная, с электроплитой и духовкой. Димка плюхнулся в кресло в гостиной, откинул голову и вроде бы задремал.

— Я есть хочу, — в пустоту заявила я. — Найдется что-нибудь?

— Жратва в холодильнике. Я здесь был два дня назад, запасся.

Решив, что лучшее средство от стресса — это физический труд, я занялась готовкой, тем более что продуктов оказалось в избытке. Через некоторое время в кухне появился Димка, покружил немного и спросил:

— Ты как? Здорово испугалась?

— Ага. Слышишь, как зубы стучат, — ответила я и в досаде треснула по столу ложкой. — Дима, ты самоуверенный придурок и со здравым смыслом не дружишь. Меняй профессию. Карьера крутого бандита, может, и будет впечатляющей, но недолгой.

— А ты не каркай. Вот дерьмо, — в досаде плюнул он. — Теперь выходит, ты мне жизнь спасла. И что мне с этим делать?

— Не париться. Эй, спасенный, шел бы ты отсюда. Когда все будет готово — позову.

Он приблизился, развернул меня к себе и оперся о стол руками за моей спиной, прижавшись ко мне очень тесно. И в глаза уставился. Я почувствовала себя крайне неуютно. Главное, его не провоцировать. «Мне ни за что с ним не справиться», — мелькнула трусливая мысль. Под рукой ничего, кроме ложки... Достойное орудие в борьбе за добродетель.

— Я знаю, что мужиков после перенесенной опасности тянет размножаться, — как можно спокойнее сказала я. — Но я неподходящий объект.

— Почему же? — усмехнулся он. — Мужики к

тебе липнут, точно мухи. Жуть как интересно, что в тебе такого особенного.

— Дима, я была женой твоего отца.

— И что?

— Тебя это заводит?

— Стас, поди, на стенку полезет, когда узнает, что я тебя трахнул.

— Стасу по барабану, кто меня трахает. А что сказал бы твой отец?

— Мой отец на кладбище... твоими молитвами.

Он отстранился, а я смогла вздохнуть. Но радоваться поторопилась. Димка наотмашь меня ударил, голова дернулась, вроде бы даже позвонки хрустнули. Я зажмурилась, но почти сразу же глаза открыла.

— Это твоя благодарность? — спросила насмешливо.

— Это за прошлое. — Он схватил меня за волосы, притянул к себе и поцеловал. — А вот это благодарность.

— Я бы обошлась.

Он развернулся и ушел в комнату. Я немного постояла, вцепившись в столешницу. Попытаться сбежать? Остановить меня ему труда не составит. И, не придумав ничего лучшего, я продолжила готовить еду, прислушиваясь к тому, что делается в комнате. Судя по всему, там ничего не происходило.

Через час я накрыла на стол и позвала Димку. Он сел напротив и стал есть, не глядя на меня, потом отложил вилку и сказал:

— Вкусно.

— Не особенно.

— На самом деле — дерьмо. Но все равно спасибо... Ребенок действительно мой, — заявил он совершенно неожиданно. — Только я о нем знать

ничего не знал. До недавнего времени. С Маринкой мы познакомились, когда она в «Бордо» работала. Относиться к ней серьезно мне в голову не приходило. Трахались от случая к случаю. Но она чего-то там себе вообразила и полезла с любовью. Мне было смешно. Но обижать ее все-таки не хотелось, и я просто не обращал на ее слова внимания. Пока она не сказала, что беременна. Это было уже слишком, я ей предложил заткнуться и решать проблему самой. Но она все на что-то надеялась. Не знаю, с чего она вдруг решила, что я на ней женюсь... смех да и только. Вскоре после этого у нее появился воздыхатель. Олег Пронягин. Крышу у него начисто снесло, ему было наплевать, на чьих коленях она сидит, и на то, что ходит с брюхом неизвестно от кого, тоже. Когда он по всем правилам сделал ей предложение, она пришла ко мне, спросила, что делать. Я сказал: что хочешь. Она, конечно, слезами залилась, бормотала про свою любовь, про ребенка... Мне все это надоело, и я ее выгнал. А она благополучно вышла замуж. Я был только рад, очень она мне к тому времени надоела. Зачем она оставила ребенка, для меня загадка. Мне сказала: потому, что этот ребенок мой. Пронягин поначалу не настаивал на аборте, его любовь не знала границ, обещал любить как родного. Только маменьку они в расчет не приняли, а зря. Ты ее видела?

— Ага.

— Тогда понимаешь, о чем я. Она называла сноху шлюхой, а сына идиотом, что, в общем-то, правильно. И грозила лишить наследства.

— И они решили, что нервировать старую ведьму не стоит.

— Точно. Кто там из них придумал гениальный план — не знаю. Маринка беременность от свек-

рови скрывала и якобы лечилась от бесплодия. Под этим предлогом муж возил ее по разным местам, чтоб мамаша растущий живот не углядела. В то время я с Маринкой не общался, на звонки не отвечал, был уверен, что проблему она решила, раз уж вышла замуж за такого идиота. Потом она сказала, что аборт ей делать запретили, не знаю, в чем там дело, но, не роди она тогда, детей бы у нее уже не было. Все вроде бы разрешилось ко всеобщему удовольствию. Я вообще в стороне, Ольга получила ребенка, а эти двое могли не беспокоиться о наследстве. Четыре года все шло гладко. — Димка замолчал.

— А потом? — не выдержала я.

— Потом мне позвонила Маринка. Она была здорово перепугана и просила о помощи. Их шантажировали и грозились все рассказать свекрови. Для начала потребовали десять тысяч долларов. Они заплатили. Потом аппетиты шантажиста выросли. Он хотел уже тридцать.

— Они подозревали Ольгу?

— Нет. Если бы ей понадобились деньги, она могла прийти и сказать об этом. Они вновь заплатили. Тридцать тысяч — сумма серьезная, если учесть, что всем заправляет мамаша... Когда деньги потребовали в очередной раз, уже сто тысяч, Маринка обратилась ко мне.

— И ты поехал к Ольге?

— Я был уверен: это она проболталась. Кто же еще? Когда рассказал ей, что происходит, она здорово перепугалась. Из-за дочки. Боялась, что ее отнимут. А еще клялась и божилась, что никому ни словом не обмолвилась. Но как-то уж очень задумалась. Так что я предположил: она догадывается, кто это может быть. Но давить не стал. Пусть сама разбирается. Если он продолжит в том же ду-

хе, придется вмешаться и башку ему оторвать. Вот и все. А через день ее нашли мертвой.

— Ты считаешь, ее убил шантажист?

— Конечно.

— Похоже на правду. Сразу после встречи с тобой она позвонила адвокату, своему приятелю. А на следующий день поехала в город. Если она встретилась с человеком, которого подозревала в шантаже, и сообщила о разговоре с тобой, он мог здорово занервничать. Ольга наверняка рассказала о том, кто ты и как привык действовать. Вот только сомневаюсь, что о ребенке он от нее узнал. Она ведь даже от матери все скрывала.

— Он мог догадаться. Бабы любят потрепаться в постели. Что-то ему показалось подозрительным...

— Например, ее частые появления в сберкассе. И наличие крупной суммы. Адвокат вполне способен провести собственное расследование. Но у него не было машины в тот вечер...

— Думаю, стоит с ним побеседовать.

— Сомневаюсь, что Витька скажет мне спасибо.

— Витька — это следователь, что мне звонил? Если найдем убийцу — скажет. Ему же лучше.

— После смерти Ольги шантажист Пронягиным звонил?

— Нет. Но позвонит непременно. Ольги нет, он чувствует себя в безопасности, так что может качать из них деньги в свое удовольствие, пока жива старуха. Завтра наведаемся к адвокату...

— Тебе бы лучше найти место поспокойнее.

— Ты сегодняшних мотоциклистов имеешь в виду? Прятаться не собираюсь.

— Выпендрежник.

— А ты дура. Тебе-то какое дело до чужих детей?

— Ты ведь слышал, — пожала я плечами. — Мою подругу убили, Ольга ее двоюродная сестра.

— По-твоему, убийства связаны?

— Не знаю. Но это первое, что приходит в голову.

— Что ж, давай выясним, — усмехнулся он и протянул мне руку. — Предлагаю заключить перемирие. На Стаса моя доброта не распространяется. Передай ему, пусть выметается из города.

Его руку я пожала, подумав, что наш союз вряд ли продлится долго.

В тот вечер мы благополучно вернулись в город. Охрану Димка так и не вызвал. Чего в этом было больше, бравады или откровенной глупости, судить не берусь. Когда мы оказались во дворе моего дома, Димка, перегнувшись ко мне, распахнул дверь машины и вдруг сказал:

— Кажется, я начинаю понимать.

— Понимать? — переспросила я, прикидывая, что он имеет в виду.

— Ага. За что тебя любил отец. И прочие твои мужики тоже.

— Тогда ты знаешь куда больше, чем я, — ответила я с усмешкой.

— Я же сказал: начинаю понимать. Но уже догадываюсь: вовсе не за твои титьки и красивую физиономию. Хотя то и другое выше всяких похвал.

— Счастливого пути, — буркнула я и поспешно выбралась из машины.

Скорее всего, сомнительным комплиментом Димка пытался выразить свою благодарность за то, что я уберегла его голову от пуль. Я бы предпочла, чтобы об отце он не упоминал, хотя вряд ли такое возможно. Своих воспоминаний я боялась, оттого и гнала их прочь. Иногда во сне я видела Вадима улыбчивым и нежным. Таким, каким помнила. И даже во сне замирала под его взглядом. А проснувшись посреди ночи, таращилась в пус-

тоту, шептала отчаянно: «Лучше бы ты проклял меня». А он вновь приходил и вновь улыбался.

Поднявшись в квартиру, я долго сидела у окна, не зажигая свет. Один поступок вовсе не исключает другого. Да, сегодня я спасла Димку, но его отца я убила.

То ли бахвальства в Димке поубавилось, то ли здравого смысла стало больше, но на следующее утро он появился у меня в компании крепких ребят и с машиной сопровождения. Ожидая его, я вышла во двор и смогла наблюдать, как возле моего подъезда тормозит «Мерседес», а вплотную к нему — здоровенный джип. Димка находился в первой машине, устроиться предпочел сзади, за рулем сидел мужчина лет сорока, рядом с ним охранник. В джипе я насчитала еще троих. Димка распахнул дверь и с серьезной миной спросил:

— Где твоя короткая юбка?

— А она не моя. У сестры одолжила. Пришлось вернуть.

— Жаль. Она мне понравилась.

Я села рядом с Димкой, и машины в том же порядке покинули двор.

— У нас утро импровизаций или есть план?

— Для начала заглянем в автосервис.

— Витька успел там побывать. Машина Карташова стоит без двигателя, так что воспользоваться ею он никак не мог.

— Не мог так не мог. Но мы на всякий случай спросим.

Автосервис располагался в гаражном кооперативе. Собственно, это и был просторный кирпичный гараж, переделанный под мастерскую. Небольшое расстояние перед ним огорожено сеткой-рабицей, наспех сколоченная будка, а рядом с ней шлагба-

ум, за ним две машины. Мы притормозили метров за триста. Парень, что сидел впереди, вышел и отправился в автосервис, но входить в распахнутые настежь ворота не стал, а обошел строение по кругу. Осматривал он все основательно, потому что вернулся через полчаса.

— С той стороны площадка. Ничем не огорожена, тоже тачки стоят. Фонарь торчит посередине, но если сторож в будке сидит, ни черта отсюда не увидит.

— Что еще скажешь? — кивнул Димка.

— Скажу, что при желании угнать отсюда тачку — не проблема. С той стороны дверь наполовину стеклянная, замок хлипкий, дернул посильнее, и все. Я, кстати, по двору прогулялся, в офис заглянул, и никто на меня внимания не обратил. Бардак, одним словом.

— Что ж, — сказал Димка. — Идем, потолкуем с людьми.

Мы направились к автосервису, Димка шел впереди, я за ним, двое парней замыкали шествие. Троица, что ехала на джипе, осталась на месте. Возле подъемника мы увидели мужчину в засаленном комбинезоне, в нашу сторону он даже не взглянул.

Мы вошли в прокуренную и невероятно грязную комнату, которая здесь заменяла офис. Проломленный диван и старенький телевизор, в углу стол с полками для бумаг и внушительного вида сейф. Комната оказалась пуста. Мы вернулись в ремонтную зону, и Димка громко позвал:

— Есть кто живой? — На его крик появился мужчина в комбинезоне. — Где хозяин? — спросил Димка.

— Кто его знает, — ответил тот, вытирая руки грязной тряпицей.

— Когда будет?

— Давно должен приехать.

— Он на своей машине?

— Само собой. — Мужчина хмуро нас разглядывал, но говорил вполне доброжелательно, хоть мы и оторвали его от работы. Может, работа была ему в тягость, а может, поболтать любил.

— Что у него за тачка? — не унимался Димка.

— Красный «Фольксваген».

— Ладно, заглянем попозже.

— А чего хотели-то?

— Машину посмотреть надо, глохнет то и дело.

— А-а... Вы приезжие? — поинтересовался слесарь. — Я чего спрашиваю, — торопливо пояснил он. — Если с машиной что серьезное, ждать придется долго. У нас кто в отпусках, кто на больничном, работаем вдвоем, а машин видели сколько стоит? И всем срочно.

— Ну, договориться-то всегда можно, — подмигнул ему Димка.

— Договаривается у нас хозяин, он обещать мастер, а мы потом отдувайся...

Мы вышли на улицу, и я заметила:

— Надо было его поспрашивать. Зачем мы вообще сюда приехали?

— Если мужики насторожатся, хозяина успеют предупредить.

— Меня ты сюда зачем притащил? — проворчала я. — Все равно советов не слушаешь.

— А я тебя не для советов притащил.

— Да? А для чего?

— Для красоты. Испытываю эстетическое наслаждение, когда ты перед глазами.

— Не так давно ты утверждал, что тебя с души воротит, когда я рядом.

— Мы же подружились, — усмехнулся Димка. —

Прокатимся по городу, покажешь, где контора адвоката.

Сидя в машине, я ругала себя на чем свет стоит. Толку от этой поездки никакого, а Витька вряд ли мне скажет спасибо. Теперь не только я у него под ногами путаюсь, но еще и Димка со своими головорезами. Распугают всех свидетелей. Известно, что человек задним умом крепок. Это был как раз мой случай.

Рядом с офисом Карташова стоял красный «Фольксваген».

— Ну вот, — довольно заметил Димка, — на ловца и зверь бежит.

— Думаешь, это хозяин автосервиса? — спросила я.

— Скоро узнаем.

Мы проехали чуть дальше и притормозили возле торгового центра. Минут через десять из конторы Карташова вышел мужчина, на ходу застегивая куртку. Среднего роста толстяк с лысым черепом. Чувствовалось, настроение у него отличное. К «Фольксвагену» он не шел, а летел, точно на крыльях, и при этом улыбался. Я подумала, что его хорошее настроение продлится недолго, и с подозрением взглянула на Димку. Мужчина сел в «Фольксваген», развернулся на светофоре и поехал в направлении автосервиса. Мы, само собой, за ним.

На выезде из города джип с охраной вырвался вперед, подрезал «Фольксваген» и заставил его притормозить. Наш «Мерседес» тут же пристроился сзади, отрезая путь к отступлению. На работу профессионалов посмотреть приятно, но только не в моем случае. Димкины методы откровенно беспокоили: через минуту после торможения толстяк оказался в джипе, куда его запихнули не

очень вежливо. Кстати, серьезное сопротивление оказать он даже не пытался, вертел головой, надеясь на помощь граждан, проезжающих мимо, и громко вопрошал: «В чем дело, мужики? Вы что, спятили?» Граждане старательно отворачивались, а Димкины парни его вопросы игнорировали. Дальше было так: мы проехали с километр и углубились в лес. Обладателя красного «Фольксвагена» вытолкали из джипа. Тут выяснилось, что за время недолгого совместного путешествия Димкина охрана, во-первых, убедилась, что толстяк именно тот человек, что нам нужен, во-вторых, обыскала его и обнаружила пачку стодолларовых банкнот, перетянутых резинкой. Пачка довольно солидная, никак не меньше десяти тысяч. Димка не поленился и доллары пересчитал — ровно сто штук. В это время толстяк стоял в окружении своих похитителей прямо напротив Димки, таращился на него во все глаза и здорово нервничал, что не удивительно. Я бы на его месте тоже нервничала.

— Мужики, — жалобно пробормотал он, заподозрив, что потерей денег, пожалуй, не отделается. Потеря эта еще минуту назад казалась самым большим несчастьем, но он успел быстро пересмотреть свои взгляды, потому что выражение лица Димки, в принципе, не сулило ничего хорошего, так что если бы ему сейчас сказали «катись отсюда», он бы вздохнул с облегчением и в ближайшие полчаса о долларах даже не вспомнил. Наблюдала я все это, сидя в машине, не хватало мне только неприятностей с ментами, а они непременно возникнут, если наша внезапная дружба с Димкой продлится еще немного. Правда, окно я приоткрыла, чтобы быть в курсе происходящего.

— Деньги откуда? — спросил Димка, исподлобья

глядя на толстяка и постукивая банкнотами по ладони.

— Так это... клиент расплатился.

— Карташов?

— Ну да...

— Что ты лепишь, дядя? Его тачка и пятой части этих денег не стоит, чего же их на ветер швырять.

— Говорю вам... — внезапно приободрившись, начал толстяк.

Димка едва заметно кивнул, и стоящий рядом парень ударил толстяка в живот. Тот охнул, согнулся и тут же схлопотал еще, на сей раз по ребрам. Я досадливо вздохнула и отвернулась.

— За что ты получил деньги? — спросил Димка.

«Все-таки он жуткий выпендрежник», — подумала я, наблюдая, как он наклоняется к физиономии толстяка и зловеще шепчет: «Лучше не зли меня». Я было заподозрила, что он передо мной бахвалится, но, судя по реакции охраны, для них это привычное зрелище.

— Я не понял, чего надо-то, — прохрипел толстяк.

— Надо, чтобы ты откровенно сказал, за что получил эти деньги. Скажешь — отправишься спокойно домой, причем вместе с бабками, а нет — придется ребятам тебе объяснить, что врать нехорошо, а чтобы ты это как следует усвоил, для начала сожжем твой гребаный автосервис. Ну, так что?

— А вы кто? То есть я хотел сказать...

— Давай так. Я задаю вопросы, ты на них отвечаешь.

— А деньги правда вернете? — спросил толстяк. Он успел прикинуть возможные последствия и был готов к сотрудничеству.

— Я слов на ветер не бросаю, — самодовольно

ответил Димка. — Так с чего Карташов вдруг раскошелился?

— Это из-за машины, — вздохнул толстяк и поспешно пояснил: — Ко мне следователь приходил, спрашивал про карташовскую тачку. Я все как есть рассказал. Пригнал тачку ко мне в автосервис. Давно собирался, движок долбит, ездить нельзя. Я обещал дня за два сделать. Мент спросил: а не мог он машину взять тем же вечером, но так, чтобы я об этом не знал? Я сказал — не мог. К вечеру движок уже разобрали. Мент ушел, а я задумался. В тот день у нашего слесаря пацан родился, он пришел проставиться. Выпили, конечно, и в шесть часов по домам разошлись. Все равно работать уже никто не собирался. Сторожу Игорь тоже налил, а тому если сто грамм попадет, значит, будет пить до отключки. Но не это меня на мысль навело, а то, что слесарь на следующий день сказал: колеса у машины грязные, а накануне ее мыли.

— У какой машины?

— Клиент у нас есть, фамилия Иванов. Мы ему тачку ремонтировали, но хозяин в командировку уехал и забрать ее должен только через неделю. Она стояла на площадке за автосервисом.

— А ключ от машины?

— Ключ в офисе был, там на столе коробка стоит, в ней ключи и валются. Я все об этих колесах думал. Ну и о вопросах мента. В городе только и разговоров, что об этом убийстве. Девку задушили рядом с поселком Красногвардейский. Вроде девка домой на попутке добиралась, и кто-то ее по дороге придушил. Ну, я аккуратно поспрашивал и узнал, почему мент машиной Карташова интересовался. Тот с девкой был знаком. Вот и подумал: что, если он машину брал? Не свою, конечно, а

машину Иванова. Карташов в тот день ко мне в офис заходил и сидел с полчаса. Как раз Игорь ивановскую тачку на площадку выгнал и ключи мне принес, я их в коробку и бросил. И то, что слесарь проставляется, Карташов тоже знал, тот с утра здесь болтался. А про сторожа я уже говорил, если в рот попало...

— Как, по-твоему, Карташов смог взять ключи? Или дверь в офис у вас не запирается?

— Запирается. Но когда холодно, сторож не в будке сидит, а как раз в офисе. Думаю, в ту ночь так и было. В будке не поспишь, вот он туда и потащился дрыхнуть на диване.

— То есть ты был уверен, что Карташов машину брал?

— Не уверен, но подумал: вполне мог. И когда он пришел насчет тачки узнать, намекнул ему. Ну и про мента рассказал, само собой, что тот вопросы задавал. И сразу понял, что попал в яблочко. Занервничал он очень, но я давить не стал, пусть, думаю, помучается. А вчера заглянул к нему и спросил: «Зачем ты тем вечером в автосервис приходил, забыл в машине что-то?» Ну, он юлить начал: с чего, мол, ты взял? А я сказал: «Есть человек, который тебя видел. Конечно, он молчать будет, если я его об этом попрошу, но не бесплатно, разумеется».

— И он предложил тебе денег?

— Не сразу. Еще немного дурака повалял, потом откровенно спросил: сколько хочешь? Ну, я решил, раз такое дело... мелочиться не стоит. Думаю, поторговаться всегда можно, а он согласился. Обещал деньги сегодня отдать и не обманул.

— Выходит, девку он придушил?

— Не знаю, но ведь машину зачем-то брал. Иначе с какой стати ему мне деньги платить? Хотя,

может, просто с ментами связываться не хочет, а деньги у него должны быть, адвокат все-таки.

— На богатого парня он не похож, если ездит на дерьмовой тачке.

— Может, просто жадный или хитрый.

— Держи, — усмехнулся Димка, протягивая толстяку деньги.

Не хотелось мне вмешиваться, но пришлось. Я выбралась из машины и подошла ближе.

— Вот что. Вы сейчас отправитесь к следователю, тому самому, который вам вопросы задавал, и все расскажете. А чтобы вы по дороге не передумали, ребята вас проводят.

— Так у меня же деньги отберут, — обиделся толстяк.

— Зато совесть ваша будет чиста.

— Девушка дело говорит, — усмехнулся Димка. — О чистой совести она все знает.

— Но вы же обещали! — возмутился толстяк. Чистая совесть его беспокоила мало, а вот деньги было жаль.

— Выполняй свой гражданский долг, — посоветовал Димка и кивнул охране. Те молча сопроводили толстяка к джипу.

— Ну вот, видишь, как все просто, — сказал мне Димка. — И за что только ментам деньги платят?

— Пока мы здесь болтали, Карташов мог из города сбежать.

— За ним Володя приглядывает, так что если надумает сбежать, мы об этом узнаем. Вовка пока не отзвонился, выходит, адвокат ведет себя смирно.

Только тут я обратила внимание, что один из Димкиных охранников отсутствует.

— Теперь у нас есть повод кое-что обсудить.

«Фольксваген» так и стоял на обочине. С понурым видом толстяк в него загрузился и в сопрово-

ждении джипа отправился к Витьке, а мы поехали к Карташову. Признаться, смысла я в этом не видела. Не будь рядом Ломакина, я бы позвонила Витьке, предупредила о новых весьма интересных подробностях, а дальше пусть сам разбирается. Как несостоявшийся юрист я знала: показания, полученные под давлением, ни один суд в расчет не примет, и тут Витьке от нас вреда куда больше, чем пользы. Но Димка имел на все свое мнение, а на мое ему плевать.

В общем, вскоре мы вновь оказались возле офиса Карташова, где пасся один из Димкиных головорезов. Тот подошел к нам и коротко сообщил, что Карташов из конторы носа не показывал, у него были какие-то люди, уехали минут десять назад. Димка, кивнув ему, направился в контору, я пошла за ним. Возражений не последовало, хотя Ломакин намеревался поговорить с Карташовым с глазу на глаз. Меня гнало в офис не столько желание во всем наконец разобраться — хотя, конечно, это сыграло не последнюю роль, — а скорее беспокойство. Димка дров наломает, от такого, как он, трудно ждать разумного поведения.

С Карташовым мы едва не столкнулись в дверях.

— Извините... — начал он, но тут заметил меня, перевел взгляд на Димку и нахмурился. В глазах мелькнуло беспокойство, однако Карташов поспешил взять себя в руки, и это ему почти удалось. — Что-нибудь случилось? — спросил он, обращаясь ко мне и игнорируя Димку.

— Случилось, — кивнул Ломакин и сделал пару шагов вперед, Карташову пришлось отступить.

— У меня сейчас нет времени...

— Придется найти.

— Что происходит? — адвокат вновь обращался ко мне. — Кто этот человек?

— Я — твоя большая головная боль, — ответил Димка. И тут не смог обойтись без выпендрежа. — Рассчитывал, что я тебя не найду?

— Ничего не понимаю, — буркнул Карташов, устраиваясь за столом. Для человека, который ничего не понимает, он был слишком напуган.

— Это тот самый знакомый Ольги, о котором она вам рассказывала, — решила я внести ясность. — Они знакомы с тех пор, когда Ольга работала официанткой в клубе «Бордо». О ребенке вы от нее узнали? Или провели собственное расследование?

— О ребенке?

— О том, что Светлана не ее дочь?

— Ничего подобного я не знал.

— Тогда с какой стати заплатил своему приятелю из автосервиса? — насмешливо спросил Димка. Глаза Карташова нервно забегали. — Видишь, как оно бывает: сначала ты кого-то шантажируешь, потом шантажируют тебя.

— Не знаю, что он выдумал...

— Да бросьте вы, ничего он не выдумал, — вздохнула я, устраиваясь на шатком стуле. — Вы рассчитывали, что безнаказанно сможете вымогать деньги у настоящей матери, и вдруг позвонила Ольга, насмерть перепуганная. Объявился давний знакомый, и привело его к ней желание разобраться в одном малоприятном деле. Человеком она его считала опасным и имела к тому основания. Вы попытались ее успокоить, заверили, что к шантажу не причастны, и она вам, возможно, поверила. Но сомнения у нее остались, и утром она вновь позвонила вам, а потом приехала сюда с намерением с вами встретиться. Вы убили Ольгу, убедившись, что ваши доводы на нее впечатления не произвели. Судя по тому, как ловко вы позаим-

ствовали машину из автосервиса, к убийству готовились, все тщательно продумав. То, что вы шантажировали мать девочки за ее спиной, Ольгу возмутило, и чем больше вы оправдывались, тем меньше она вам верила. Вот вы и решили ее убить. Из-за денег. Боялись, что Ольга сообщит ваше имя. Разумеется, не милицию боялись, а вот этого молодого человека, потому что Ольга смогла вас убедить: он вполне способен избавиться от источника неприятностей раз и навсегда. Кстати, угроза еще не миновала, так что вам стоит подумать: чистосердечно во всем признаться или...

— Или оказаться на кладбище, — подсказал Димка.

— Не смейте мне угрожать, — запальчиво крикнул Карташов, но это была последняя попытка все отрицать. Он бессильно откинулся на спинку стула, плечи опущены, взгляд отсутствующий. Он словно разваливался на глазах, как механизм, лишенный важной, все скрепляющей детали. Зрелище было неприятным, и я поспешно отвела взгляд. — Она сама мне рассказала, — произнес Карташов. — Сама. А потом испугалась и просила обо всем забыть. Я и забыл... на время. А потом... безденежье осточертело, — хмыкнул он. — Бьешься, бьешься как рыба об лед... у других богатые папочки, а у таких, как я... так и сдохнешь в этой дыре. Вот я и подумал... я просто хотел купить приличную машину, понимаете?

— Чего ж не купил? — хмыкнул Димка. — Аппетиты возросли?

— У них денег до черта, не обеднели бы, — зло сказал Карташов. — В милицию они бы не побежали.

— Но обязательно поговорили бы с Ольгой. Это вы должны были понимать, — заметила я.

— Ну, поговорили бы, и что? Мне рассказала, могла еще кому-то рассказать. Я был уверен: если правильно ее настроить, она сама мне поможет. Влюбленные бабы дуры. А когда она позвонила... у нее язык заплетался от страха. Сказала, что этот тип бандит и он ей угрожал. В конце концов она бы проболталась обо мне. Я не хотел ее убивать, нет... собирался поговорить, успокоить. А когда в автосервис приехал, сам собой возник план.

— И от Ольги избавиться, и впредь доить настоящую мамашу? — хмыкнул Димка.

— Ольга ждала, когда закончится ваша встреча с клиентами, — подсказала я.

— Да. Ждала. Я забежал домой, оставил свет включенным, какое-никакое, а алиби. До автосервиса от моего дома по прямой всего пятнадцать минут пешком, сторожа на месте не было, убрел куда-то, и офис открыт. Все как нарочно... Я подумал, это судьба. Взял машину. Когда Ольге звонил в последний раз, сказал, что буду ждать ее возле церкви за торговым центром, там по вечерам ни души. Объяснил, что машину взял у приятеля, потому что своя в ремонте. И повез ее в поселок. Поговорить можно и по дороге.

Он рассказывал, постепенно успокаиваясь, подробно и даже охотно, словно речь шла не об убийстве женщины, которая была его любовницей, а о том, как он провел вечер с друзьями. Закончив свой рассказ, вздохнул, вроде бы с облегчением, и перевел взгляд на меня.

— Ольгина сестра знала о шантаже? — задала я вопрос.

Карташов вроде бы удивился.

— Сестра? — Тут он, должно быть, вспомнил, что случилось с Милкой, и возмутился: — Да вы что, спятили? Я к ее смерти никакого отношения

не имею. Откуда ей было знать? Да если бы вдруг узнала, ее-то мне с какой стати бояться? Сами подумайте?

Выходит, Ольга погибла потому, что считала Димку опасным и смогла убедить в этом Карташова. «Ломакин может гордиться своей репутацией», — с невеселой усмешкой подумала я. Он и гордился.

— Вот видишь, покаялся, и самому легче стало, — сказал Димка и потянул меня за руку. — Пошли.

— Куда вы? — растерянно пробормотал Карташов.

— За кудыкину гору. А ты подумай, что дальше делать, хорошо подумай.

Тут я здраво рассудила, что наш недолгий союз с Димкой подошел к концу. Вряд ли Ломакин захочет, чтобы Карташов отправился к следователю каяться в содеянном. Он заинтересован в том, чтобы вся эта история не выплыла наружу, разумеется, если намеревался помочь Марине. Надумай адвокат сбежать, Димке это только на руку.

— Отправляйтесь без меня, — сказала я, когда мы покинули контору. — Загляну к родственникам.

— Какие, к черту, родственники? — удивился Димка.

— Ну, значит, погуляю немного.

— Карташова будешь сторожить? Хорошо, покараулим вместе, пока твой мент не соизволит появиться.

— Марина вряд ли скажет тебе спасибо, — заподозрив подвох, произнесла я.

— А мне ее благодарность по барабану. Бабы, для которой деньги дороже собственного ребенка, у меня добрых чувств не вызывают.

— Это ведь и твой ребенок, — напомнила я.

Димка пожал плечами.

— Не жди, что я брошусь удочерять девчонку.

В конце концов, у нее бабка есть... А там посмотрим.

Еще час мы болтались под окнами конторы. Карташов не показывался. Может, бежать у него просто не было сил, а может, настораживало наше присутствие. Наконец подъехал Витька в компании грузного усатого дядьки. Они вместе вошли в адвокатскую контору, не обратив внимания на припаркованный джип. «Мерседес» заблаговременно перегнали в соседний переулок, в нем я и ожидала развития событий, так что я Витьку видела, а он меня нет.

Забегая вперед, скажу, что на третий день он мне все-таки позвонил, чтобы сообщить: следствие закончено, убийца найден, покаялся и готов понести заслуженное наказание.

Когда за Витькой с усатым закрылась дверь, Ломакин устроился рядом со мной и сказал с усмешкой:

— Теперь ты довольна?

— Не особенно. Но ты здесь ни при чем. Поехали домой.

— Все, что угодно, спасительница.

По дороге Димка пробовал меня разговорить, но я все больше смотрела в окно и отмалчивалась. Убийца Ольги найден, но оставалось загадкой, кто и за что убил Милку. Я-то была уверена: убийства сестер связаны. И вот опять нахожусь в исходной точке. Никаких идей. Оставалось вернуться к первоначальной версии заговора против Берсеньева, но и здесь все виделось смутно. Может, и были у Милки компрометирующие бумаги, вот только где их искать?

Размышления были прерваны самым неожиданным образом. «Мерседес» тормозил во дворе моего дома, когда я заметила Настю. Она сидела на

качелях, прижимая к груди сумку и глядя себе под ноги.

— Черт, — буркнула я в досаде и тут же пожалела об этом.

— По-моему, тебя ждет сцена ревности, — хмыкнул Димка. — Это ведь жена Стаса? Я не ошибся?

— Мы с ней дружим, — растянула я губы в улыбке. — Водой не разольешь.

— То-то на твоей физиономии так много счастья. Не забудь передать ему мои слова.

— Ты так много говоришь, что всех слов не упомнишь.

Я вышла и немного потопталась возле подъезда, ожидая, когда Димка с охраной уедут, а потом направилась к качелям. Настя поднялась мне навстречу, а я в который раз подумала, что она похожа на испуганную птичку, и мгновенно появилось чувство... нет, не жалости... тревоги, словно она была маленьким ребенком, а я... «Рожать пора», — подумала я с неудовольствием.

— Здравствуйте, — сказала Настя, поправляя прядь волос. Движение вышло нервным, да мне и без того было ясно: девушка очень взволнована. Или напугана. Скорее и то и другое. И что мне с ней делать?

— Хотите чаю? — сказала я, так ничего и не придумав.

— Нет, спасибо. Я... я сегодня приехала из Питера, а Стаса нигде нет. Он не велел приезжать, но я все равно... вы не знаете, где он?

— Нет, не знаю, — ответила я.

— Но... он ведь был у вас?

— У него есть мобильный, вы не пробовали позвонить?

— Я звонила, но он не отвечает.

— Возможно, какие-то важные дела. Зайдете? —

Откажись она от приглашения, я была бы только рада, и все же... не могла я оставить ее одну.

— Если вы не против, — вздохнула она.

— С какой стати? Идемте.

Мы поднялись в квартиру, я все-таки включила чайник и собрала на стол, решив быть гостеприимной. Настя сидела нахохлившись, теребя ручку сумки, которую так и держала на коленях.

— Он изменился, — вдруг произнесла она, а я невольно поморщилась.

Меньше всего я хотела говорить о Стасе. Она же могла говорить только о нем, не подозревая, что у меня кишки сводит от боли, стоит мне просто услышать его имя. Идиотская ситуация: передо мной его жена, она вроде бы ждет от меня сочувствия, а я ей в самом деле сочувствую и думаю о том, как ее успокоить, внушить уверенность в скором и безграничном счастье. И побыстрее прекратить это самоистязание.

— Он изменился, — повторила Настя с печалью. — Стоило вам встретиться, как все пошло не так. Зачем вы меня обманывали? Вы ведь раньше были любовниками. Думаете, я не поняла? Вы нам помогли, но не просто так. Вы же знали, что после этого он не сможет взять и уехать.

— Слушайте, я не знаю, где ваш муж... и, честно говоря, у меня очень много дел, — прозвучало это не особо уверенно.

— Он сюда из-за вас приехал, — как будто не слыша меня, продолжила Настя. — А мне приезжать не велел. Вы меня дурой считаете, да? Стас иногда во сне разговаривает, шепчет «Принцеска» и улыбается. Это ведь он вас так зовет? Он придумал это прозвище еще тогда, много лет назад, да? И... я ему совсем не интересна... Что вы в него вцепились, точно клещ? — вдруг закричала она. —

У вас же ваш Славка есть. Вам что, мало? Вам еще мой муж понадобился? Он мой муж, мой... Я люблю его и никому не отдам, слышите, никому!

— Я на него не претендую, — сказала я как можно мягче.

— Вы не претендуете? Тогда почему он здесь? Не отвечает на звонки... Почему я ему не нужна? Почему?

— Разбирайтесь сами со своим мужем, — не выдержала я.

— Я не могу без него, неужели вы не понимаете... — Она разрыдалась, уткнувшись лицом в ладони. Я подошла к ней и нерешительно коснулась ее плеча. Настя сбросила мою руку, вскочила и кинулась к двери, уже на пороге она повернулась и заговорила вновь: — Он любил меня, любил, пока вы не появились. Такие, как вы... вам все надо испортить, сломать, вы не любите своего Славку, вы никого не любите. Просто не умеете. Дрянь, вот вы кто...

Хлопнула входная дверь, и стало тихо. А я принялась шарить по шкафам в поисках сигарет. Руки мелко дрожали, я привалилась к стене и заревела. Не от обиды. Обиды на Настю у меня не было, я ревела от безысходности, ее и моей, я чувствовала ее боль, и она странным образом смешалась с моей болью, становясь с каждой минутой все острее, все невыносимее.

— Он уедет, — бормотала я. — Он уедет, и все наладится.

Сигареты я так и не нашла. Отправилась в комнату, легла на диван, накрыв голову подушкой. Не видеть, не слышать, не чувствовать... Мобильный настойчиво трезвонил в кармане джинсов.

— Где тебя носит? — возмущенно спросил Славка.

— У меня хорошая новость. Нашли убийцу Ольги, — заговорила я преувеличенно бодро.

— И кто это?

— Адвокат, с которым у нее вроде был роман. Завтра отпразднуем победу, а сегодня я ужасно устала.

— А что ты делала?

— Суетилась. В основном по пустякам. От этого устаешь даже больше.

— Я не понял, какое отношение этот адвокат имеет к Милке?

— Вышло так, что никакого. Так что самое время завалиться спать, все лучше, чем голову ломать: кто убил и за что.

— Ломать голову надо бы ментам.

— Ладно, увидимся завтра.

Славка что-то недовольно буркнул, а я поспешно отбросила телефон. И вновь сунула голову под подушку. Лежала, прислушиваясь к тишине, пока не хлопнула входная дверь.

— Что ж ты неугомонный какой, — пробормотала я, уверенная, что это Славка. Отбросила подушку, села и потерла лицо ладонями. Дверь в комнату распахнулась, и вошел Стас. Господи, ну зачем?

— Выглядишь паршиво, — заявил он, приглядываясь ко мне, сел в кресло, закинул ногу на ногу и закурил.

— Спасибо за комплимент, — кивнула я.

— Проблемы?

— Головная боль с перепоя. У подруги был день рождения.

— Серьезно? А имя у подруги есть?

— Какая тебе разница, если ты ее не знаешь?

— Просто подумал, может, ее Димка зовут? Твои соседи сказали, вчера ты прибыла на черном

«БМВ», и даже номер тачки сообщили. Примечательный.

— Соседям бы своими делами заниматься...

— Что он хотел на этот раз?

— Его интересовал один человек, меня тоже. Мы объединили усилия.

— Вот как?

— Ага. Практически подружились. Вряд ли надолго.

— Ходит слух, в него вчера стреляли.

— Может быть. Наша дружба не так крепка, чтобы он со мной откровенничал.

— Мне не нравится, что он опять объявился.

— Он настроен дружелюбно. Даже что-то говорил об отпущении грехов. Моих. К тебе он добрых чувств не питает. Велел передать, чтоб ты из города выметался.

— Непременно, — хмыкнул Стас.

— В самом деле, — сказала я как можно мягче, избегая его взгляда. — Не стоило тебе приезжать. Наследством может заниматься адвокат.

— Может, — кивнул Стас, и мы замолчали. Я не выдержала первой.

— У меня была Настя.

— Поэтому ты так паршиво выглядишь?

— Она боится за тебя и... ей здесь тоже не безопасно.

— Я велел ей оставаться в Питере.

— Ты, по крайней мере, мог бы отвечать на ее звонки.

— Тебе-то что до этого?

— Да пошел ты к черту...

— А ты изменилась, — помолчав немного, с усмешкой заметил он. — Раньше непременно бы сказала «извини». Настя хочет сама принимать решения, так ради бога.

— Стас, — тихо позвала я. — Она нуждается в тебе... она тебя любит.

— Да, — кивнул он.

— Она приехала, потому что боится за тебя.

— Девчонка вовсе не дура, как может показаться. И все понимает.

— Разбирайтесь сами, — поморщилась я.

Он молчал, продолжая меня разглядывать, а я подумала, что надо встать, выйти на балкон или в кухню, все равно куда, лишь бы не видеть его, не чувствовать рядом. Но сил подняться не было.

— Я понимаю, что тебе на мои слова наплевать, — произнесла я, вновь не выдержав долгой паузы. — Но... уезжай.

— Какой в этом смысл, если через неделю опять приеду?

— Стас... — прошептала я, вышло испуганно, и я в досаде покачала головой.

— Послушай меня, просто послушай... — Он оперся локтями на колени и теперь оказался совсем близко, так близко, что я чувствовала его дыхание. От его настойчивого взгляда было не уйти. Я взяла подушку, прижала к груди, чтобы не видеть, как дрожат мои руки. Уткнулась взглядом в пол. — Не было дня, чтобы я не думал о тебе. Выл по ночам, а утром говорил себе: все справедливо. Ее ты никогда не получишь, зато теперь бабла немерено, все как ты хотел. Что хотел, то и получил. Я знал, что приезжать сюда — скверная затея, и все-таки приехал. Ни на что не надеясь. Просто хотел увидеть тебя, а еще убедиться — все так и есть: я могу сколько угодно биться башкой о стенку, ничего не изменишь. Но все оказалось даже хуже. Для тебя тоже ничего не кончилось. Тебе так же больно, как и мне...

— Я прекрасно жила без тебя, — сказала я поспешно.

— Врешь, — резко ответил Стас, а я пожала плечами:

— Ну, может, не прекрасно, но ведь жила... И еще проживу.

Он ухватил меня за подбородок, больно дернул, заставив поднять глаза.

— Я люблю тебя, — сказал он, и сердце сделало безумный скачок, а потом остановилось. — Я люблю тебя. И ты меня любишь. Даже если скажешь «нет», я все равно не поверю. Посмотри мне в глаза и скажи... — Он смотрел в упор, а я пыталась уйти от его взгляда, не смогла и зажмурилась.

— Я не люблю тебя. Уезжай. — Во рту пересохло, голос звучал хрипло, чужой голос и слова чужие.

— Ты дурочка, Принцеска, — шепнул он и поцеловал меня. Он целовал меня, а я вцепилась в его плечи, мне казалось, я хочу оттолкнуть его, а прижалась еще теснее. Стас провел ладонью по моему лицу и сказал с печалью: — Как я тосковал по тебе...

И все перестало иметь значение. Лишь бы чувствовать его рядом, слышать его голос... «Я люблю тебя, я люблю тебя»... Даже если бы какой-то всезнайка успел шепнуть, что я пожалею, что за каждую минуту ворованного счастья я опять заплачу годами жуткой тоски и страха, меня бы и это не остановило. Я любила его, и не нашлось в моей жизни ни до, ни после ничего, что могло бы хоть чуть-чуть сравниться с минутами, когда он был рядом. Выходило неутешительно и безнадежно. Сама моя жизнь без него лишена ценности, и отдать ее за недолгое счастье не только не жаль — мне представлялось, что это весьма выгодный и разумный обмен. Вот так обстояли дела на тот мо-

мент, и не было у меня всплесков горечи или обиды, ничего, кроме невыразимой сумасшедшей радости.

— Как думаешь, в ресторан мы еще успеем? — спросил Стас. В комнате было темно, и я понятия не имела, который час.

— Могу приготовить салат.

— Шутишь? Мне требуется что-нибудь посущественнее. Надевай свое лучшее платье, и поехали. Поужинаем где-нибудь. И снимем номер в гостинице. Твой диван — божье наказание, лежать на нем можно только солдатиком, а у меня большие планы в отношении единственной женщины на свете. — Он легко поднялся, включил свет. — Время детское. Где-нибудь нас накормят. Я в душ, а ты отдохни немного. Не возражаю против эротических фантазий, — весело подмигнул он. — И все обещаю осуществить.

— У тебя есть на это силы? — засмеялась я.

— Будут, как только съем большой кусок мяса. Лучше два. Тебе тоже не мешает подкрепиться, в последний раз ты откровенно халтурила. — Я запустила в него подушкой, и он поспешил убраться в ванную.

Стоило ему исчезнуть за дверью, я мгновенно почувствовала беспокойство, а еще страх. Так было и раньше. Пока он рядом со мной, все представлялось правильным, я не сомневалась в его словах и точно знала, что должна делать. Но оставшись одна, мгновенно терялась, впадала в панику и могла думать лишь о том, чтобы поскорее оказаться с ним рядом. Вцепиться в его руку покрепче и не отпускать. Я ненавидела эти минуты раньше, ненавидела их и сейчас. А еще боялась непрошеных мыслей, что являлись тогда и, как по

заказу, возникли в ту минуту, когда Стас исчез за дверью. Вот бы повезло, окажись мы вдвоем во всем мире. Тогда препятствием стал Вадим, сейчас Славка и Настя. Почему в жизни все так по-дурацки и любовь приносит страдания, если не мне, так тем, кто дорог? К черту всех, главное, быть рядом с ним. Только это важно. Я вскочила и припустила в ванную.

И попятилась назад. Ты взрослый человек, вот и веди себя соответственно. Что он подумает, если ты начнешь ломиться в дверь? Решит, что я минуты не могу прожить без него... Так и есть. Не могу. Никогда не могла. Эти долгие годы... Ладно, ты терпела несколько лет, потерпишь еще десять минут, пока он стоит под душем. Я отправилась в кухню, то и дело поглядывая в сторону ванной, поставила турку на огонь, мысленно торопя Стаса. Накрыла на стол и даже что-то напевала. Вот, смотри, как я без тебя. Я научилась, я могу... пять минут могу, десять... да выходи же, наконец. А что я буду делать, когда он уедет? Шляться ночами по улицам в компании бродячих собак? Это мы уже проходили, этим нас не испугать... Кто сказал, что к боли привыкаешь? Ни черта... ее можно загнать поглубже, даже сделать вид, что ее нет вовсе, и знать, каждую минуту знать, что она здесь, явится внезапно, перехватывая дыхание. Я привалилась к стене и зажмурилась, отчаянно сжав кулаки. У меня нет сил пережить все еще раз.

Вода в турке закипела, я бросилась к плите, призвав себя к порядку, достала кофе и в этот момент услышала, как хлопнула входная дверь. Славка. Конечно, Славка. Идиотка, мать твою, даже дверь не удосужилась закрыть. Впрочем, какая теперь разница.

Славка заглянул в кухню, я стояла к нему спи-

ной, боясь повернуться. Все даже хуже, чем могло быть. Я бы попыталась объяснить, хотя кому нужны мои объяснения. Разве только мне, чтобы не чувствовать себя последней дрянью.

— Привет, я подумал, даже если ты меня прогонишь, я все равно в выигрыше: хотя бы увижу тебя. — Славка обхватил меня за плечи, торопливо поцеловал куда-то в шею. — Ты теплая и очень сладкая.

— Я ведь просила не приезжать.

Он расцепил руки и повернул меня к себе. Я знала, как выгляжу: женщина с распухшими от поцелуев губами, в глазах которой счастье, а еще стыд. Жгучий стыд за это самое счастье. Провалиться бы сквозь землю...

— Ты... — Славка посмотрел в сторону ванной. Он, конечно, слышал, как льется вода. — Ты... — Он нахмурился, лицо вдруг как-то сжалось, а губы страдальчески кривились.

— Так вышло, — сказала я, отводя взгляд, чтобы не видеть его лица.

Если бы он ударил меня или хотя бы накричал, стало бы легче. Он молча смотрел на меня, так долго смотрел... Кофе, шипя, разлился по плите, шум воды из ванной больше не доносится. Скрипнула дверь, и Стас позвал:

— Принцеска... — Прошлепал босыми ногами по полу. Мокрые волосы падают на лоб, полотенце на бедрах. — Отойди от нее, — сказал Стас и шагнул вперед. — Отойди от нее...

Славка так и стоял, замерев, одна рука на моем плече, губы дрожат, словно он хотел что-то сказать и вдруг разучился говорить. Стас сбросил его руку с моего плеча, встал между нами.

— Иди в комнату, — приказал, не глядя на меня. А я была не в силах сдвинуться с места. — Чего

глаза выкатил? Ты что, всерьез думал, что я тебе ее отдам? Ни тебе, никому другому. Выметайся. Ты понял? Если не понял, объясню по-другому.

— Я понял, — сказал Славка и усмехнулся. — Очень хорошо понял. Не дает покоя, что она сорвалась с крючка, да? Лишился своей ручной собачки? Слушай, Стас, а давай я тебе денег дам? Хочешь миллион? Два хочешь? Я и три дам...

— Славка, — испугалась я.

— Все нормально, Принцеска, — тихо произнес Стас. — Заслужил. Что еще скажешь?

— А что тут говорить? Сволочь ты, обычная сволочь. Ты ей жизнь исковеркал, ну так хоть в покое оставь. Но тебе ведь плевать на нее. Деньги у тебя уже есть, теперь она понадобилась, так?

Стас провел рукой по волосам, медлил с ответом, а заговорил очень тихо. В голосе его не было злости, скорее печаль:

— Я люблю ее. Ты можешь думать что угодно, но я люблю ее. И она меня любит. Всегда любила. Ничего бы ты не выгадал, даже если бы она не легла со мной сегодня. Ты это знаешь не хуже меня.

— Нет. Не знаю. С чего ты взял, что я тебе позволю... Мы еще посмотрим...

Славка резко повернулся и пошел к двери, а Стас торопливо обнял меня. Капли с его волос падали мне на лицо, смешиваясь со слезами.

— Все нормально, Принцеска. Лучше сразу, для всех лучше.

Мы стояли так некоторое время, пока в прихожей не зазвонил телефон. Я от неожиданности вздрогнула.

— Я отвечу, — сказал Стас. — Это наверняка Настя. Мобильный отключил, так ей все равно неймется. Еще одна мятущаяся душа, мать их... —

Он пошел в прихожую, а я, точно опомнившись, бросилась за ним.

— Стас, подожди... — Но он уже снял трубку.

— Да... да, здесь. И что? Поступай как знаешь. Меня это не волнует. Понятия не имею, что тебе делать, я же сказал, меня это не волнует. И завязывай звонить сюда. Появляться тоже не смей. Все.

— Зачем ты так? — тихо сказала я, когда он повесил трубку. — Она тебя любит.

— И что мне теперь? Нянчиться с ней до скончания века? Я же сказал: лучше сразу.

— Это неправильно, — испуганно пробормотала я.

— Заткнись, — прикрикнул Стас. — Жить большой дружной семьей, да? Ты на это рассчитывала? Так не бывает. Я свалял дурака, женившись на ней. Чем скорее мы разведемся, тем лучше для нее. Поревет немного и устроит свою жизнь.

«Он всегда был таким», — подумала я, то ли ему в упрек, то ли себе в утешение. Делал то, что считал нужным.

— Иди ко мне, — позвал Стас, подхватил меня на руки и стал целовать. — Все будет хорошо, поверь мне.

— Да, — сказала я. — Да.

Следующие два дня мы не расставались. Большую часть времени проводили в постели, совершая вылазки в ресторан. Мобильные были выключены, к домашнему телефону подходил Стас, впрочем, ни Славка, ни Настя нас не беспокоили. Я честно старалась не думать о них. Стас рядом, это главное. Иногда я ловила на себе его взгляд, внимательный, настороженный, от этого становилось не по себе.

— О чем ты думаешь? — спрашивал Стас, хмурился и, не дожидаясь ответа, точно знал все мои мысли, повторял: — Выбрось все эти глупости из головы.

Я старалась, гнала мысли, которые он называл глупыми, а они возвращались. Иногда мне казалось, что все вдруг вернулось. Не было этих долгих лет, и сейчас мы говорим не о Славке и Насте, а о Вадиме. Тогда тоже нельзя было поступить по-другому. Теперь все повторялось. Чушь... никого убивать не придется, что, в самом деле, за глупость лезет в голову. А боль... боль можно пережить, особенно чужую. Когда идешь по головам, проще думать, что обладатели этих голов не так уж и страдают.

В понедельник мы пили чай в моей кухне, когда Стас сказал:

— У меня завтра важная встреча, собирай вещи, поедем в Питер.

— Куда мне ехать? Идет следствие...

— Черт, забыл. Ладно, попробую встречу перенести.

— Зачем? Поезжай. Только возвращайся побыстрее.

— Одну я тебя не оставлю, — отмахнулся он.

— Почему?

— Потому, что дурацких идей в башке много.

— А не послать ли тебя к черту? — разозлилась я.

— Попытайся. Предупреждаю сразу: это бесполезно. Ладно, поживешь у родителей. Там тебе визитеры досаждать не будут. Подготовишь предков к замужеству и переезду в Питер, чтобы это не было для них неожиданностью.

— Я выхожу замуж и переезжаю?

— А ты как думала? Если уж я завтра буду в Питере, заодно подам на развод.

— Настя уехала?
— Понятия не имею. Чтобы развестись, ее присутствие не требуется.
— Она не сделала тебе ничего плохого. Почему бы не вести себя с ней немного помягче?
— В зал суда я внесу ее на руках. Так устроит?
— Скажи, зачем причинять человеку ненужную боль?
— Лучше заткнись. Мне нет дела до Насти, уясни себе это раз и навсегда. Куда больше меня беспокоишь ты. Останешься одна и бог знает чего напридумываешь. Когда ты на глазах, как-то спокойнее. Надо побыстрее тебе ребенка сделать, тогда на всякую ерунду просто времени не останется.
— Я думала, детей заводят по другой причине.
— Не цепляйся к словам. Я еще не уехал, а уже чувствую себя паршиво. Скажи лучше, скучать будешь?
— Еще как, — вздохнула я.

Не успела я проводить Стаса, как появилась Агатка. Взгляд исподлобья, губы поджала. Вопросов можно было не задавать, уже знает.
— Смотреть на тебя тошно, — заявила сестрица.
— Тошно, так не смотри.
— А куда деваться? Сестра ты мне. Послал господь...
— Не повезло.
— Славка был у меня вчера. Значит, Стас в своем репертуаре? Пришел, увидел, победил? Ума у тебя не прибавилось.
— Откуда ему взяться?
— Это точно, — вздохнула Агатка. — Жена в Питере, ты здесь, полный комплект. Хотя, может, еще с десяток дур по городам и весям.

— Он разводится, — сказала я, зная, что Агатку это отнюдь не успокоит.

— Вот, значит, как, — покачала она головой. — И ты, конечно, на седьмом небе от счастья? Поздравляю. Годы страданий, и вот она, награда.

— Ты бы не могла свалить отсюда, дорогая?

— Охотно. Стас у нас теперь в роли светлого ангела? Уверена, любую роль он исполнит блестяще. Когда хочет. Только он не ангел, Фимка. Он дьявол, который стережет свою добычу. Цепко держит, хрен из лап вырвешь.

— Дверь там, — ткнула я пальцем за свою спину.

Агатка поднялась, постояла немного, таращась на меня, и в досаде махнула рукой. А я завалилась на диван, разглядывала потолок и думала о Стасе. Он вскоре позвонил, и я начала смотреть на жизнь оптимистичнее. Потом веселье пошло на убыль. Тут он вновь позвонил, и я опять заскакала веселой козой. Так и прошел весь день: то хандрю, то порхаю. Все влюбленные бабы стремительно глупеют или встречаются иные особи? Когда любишь, обманываешься весьма охотно, врешь себе самозабвенно, с готовностью оправдаешь все, что угодно, лишь бы милый в нужный момент шепнул «люблю». И подлость уже не подлость, а подвиг во имя светлого чувства. Стас, по мнению Агатки, сродни самому черту. А я, значит, невинная жертва. Мы все не те, кем кажемся. Взять хоть Ольгу. Я была уверена, она хранит свою тайну за семью печатями. Матери ничего не сказала, а на плече любовника разговорилась. А Милка? Чтобы помочь любимому... Мысль эта завертелась, закружилась и привела к неожиданному результату.

— Не те, кем кажемся, — ошалело повторила я и саму себя поправила: — Не тот...

Это было похоже на резкий щелчок. Будто что-

то переключили в мозгу. Разрозненные факты вдруг выстроились в ряд, быстро, слаженно, как новобранцы на первом параде. Я схватила лист бумаги, авторучку и устроилась за столом, еще не видя ясной картины, но уже предчувствуя озарение. Не тот, кем кажется... Дом в Лесном... диктофон. Старик уезжает в Германию, а Милка с Берсеньевым в Венесуэлу. Авария... Обезображенное лицо, пластическая операция... Богом забытое место, где их нашли не сразу. Чужая страна, четырнадцать часов самолетом, достаточно далеко, чтобы их рассказ трудно было проверить. Да и кому придет в голову проверить? Отсутствие родственников, близких и дальних, правую руку собирают по косточкам, а потом изготавливают печать, чтобы Берсеньев штамповал документы. Покладистый Серега, который не в силах разобраться со своими бабами, вдруг обзаводится волевым характером, даже на мою сестрицу смог произвести впечатление. Единственная зацепка — неродившийся ребенок Наташи, но его Берсеньев своим не признал, и если ДНК не совпадет... Кто поверит глупенькой девчонке? Он ведь сказал мне, что не раз видел ее с другими мужчинами. Чем не повод усомниться в отцовстве? Любые несоответствия в поведении спишут на стресс: человек вернулся с того света, неудивительно, что он изменился. Не тусуется по ночным клубам — пересмотрел свое отношение к жизни... А как не пересмотришь в двух шагах от вечности?

Это у меня фантазия разыгралась или все так и есть? И в Венесуэлу отправился Берсеньев, а вернулся другой человек. И вовсе не в переносном смысле. Просто другой. Милка первой догадалась об этом и погибла. Милка... она была там, с ним, она не могла не знать. Берсеньев ее бросил... бро-

сил в тот момент, когда она уже видела себя в подвенечном платье. Мендельсон гремит, все счастливо улыбаются, и вдруг... Коллеги злорадствуют, надежды улетучились, обида и стыд... Милка вынашивала планы мести, один смешнее другого. Они бы так и остались планами, вряд ли она всерьез собиралась их осуществить. Даже если бы могла... Многие думают о мести, а решаются далеко не все. Так что толкнуло ее? Догадаться нетрудно. После возвращения из Венесуэлы она смотрела на Берсеньева с откровенным обожанием. Потому что видела другого мужчину, который появился в ее жизни ранней весной, когда старик поселился в доме, стоявшем на отшибе. Милка начинает таскать с собой диктофон, пряча его от сослуживцев, а старик в Лесном старательно имитирует чужой голос. Старик, который носит стильные костюмы и пользуется дорогим парфюмом. Они должны быть с Берсеньевым примерно одного возраста, одного роста и комплекции. Рост и после аварии остается прежним. И голос. Впрочем, если голос звучит немного иначе, это поспешат списать на сломанную челюсть. Рост, цвет глаз и волос. Вот что должно быть общим. Случайное совпадение, которое и навело их на мысль, или Берсеньева он выбрал заранее? И поспешил превратить брошенную Милку в своего союзника? Действовал не спеша, постепенно приучая ее к мысли избавиться от бывшего любовника, или она согласилась сразу? Она его любила — вот ответ на все вопросы. Не Берсеньева, а того, другого. И, заранее оправдав его, старательно следовала плану. А когда план блестяще осуществили, Милка стала единственным свидетелем. Единственным и ненужным. Вряд ли ей это приходило в голову, ведь любимый был рядом и собирался на ней же-

ниться. Они затеяли все это, чтобы фирма Берсеньева вместе со всеми его деньгами перешла к ним? Но Берсеньев, хоть парень и состоятельный, далеко не так богат, а чтобы завладеть чужими деньгами, можно придумать план и попроще. Им пришлось заранее найти клинику в Венесуэле, тщательно готовиться. Тот, кто заменил Берсеньева, пошел на то, чтобы себя изувечить. Ведь после возвращения на родину он еще месяц пролежал в больнице. Врачам могли заплатить за молчание, но человек, который с такой тщательностью продумал все детали, вряд ли стал бы рисковать. Выходит, дело не только в деньгах. Этому типу нужно чужое лицо и чужая жизнь, с ее прошлым, настоящим и будущим. Чужая взамен своей. И этому должна быть причина. Кто ты, сволочь? От кого ты прячешься?

Я вскочила, нервно бегала по комнате, не в силах сдерживать нарастающее возбуждение. Что делать? Идти к следователю со своей безумной идеей?

Доказательств никаких. Дом в Лесном человек снимал под чужим именем. Владелец паспорта сейчас в СИЗО. Но он не помнит, когда и при каких обстоятельствах документа лишился. И как связать Берсеньева с пропажей паспорта? Если бы у меня был диктофон, если бы я весной догадалась сделать копию... А что бы это дало? Да ничего. Сама по себе запись не является доказательством, но она бы заставила следствие обратить на Берсеньева самое пристальное внимание.

А что теперь? Выход один: собрать улики его причастности к убийству Милки и уже тогда идти к следователю. У него нет алиби. По словам Берсеньева, в тот вечер он был в своей квартире. Консьерж утверждал, что из квартиры он не выходил, но для типа, который смог осуществить хитроум-

ный план, выбраться из дома, не привлекая к себе внимания, плевое дело. Может, стоит поговорить с отцом? Идея поначалу показалась стоящей, но, поразмышляв, я поняла: чтобы папа отнесся к этому серьезно, нужно что-то посущественнее моих слов. Пока моя версия скорее напоминала авантюрный роман, состряпанный на скорую руку, а папа не любит романы. Остается Агатка. Агатка поверит. И со своей бульдожьей хваткой доказательства непременно найдет. Для начала стоит взглянуть на дом, в котором живет Берсеньев, прикинуть, как он мог незаметно выбраться, а потом так же незаметно вернуться.

Я в нетерпении схватила мобильный и набрала номер сестрицы. Телефон выключен. Тут я вспомнила, что сегодня она покинула меня в большом гневе. Смотреть ей на меня тошно и слушать, судя по всему, тоже. Надо дать ей время успокоиться, а уж потом осчастливить рассказом. Но ждать этого момента не было никакой возможности. Сейчас Агатка, скорее всего, в своей конторе. Хочется ей этого или нет, а увидеть меня ей все-таки придется.

Схватив ключи, я кубарем скатилась по лестнице. Уже в машине я несколько раз набирала Агаткин номер. Выехала на проспект. До офиса сестры всего-то оставалось пару кварталов, и тут я увидела ее. И так надавила на тормоз, что машину занесло. Заслышав визг тормозов, прохожие нервно оборачивались, но только не моя сестрица. Подозреваю, что в тот момент гром небесный остался бы ею не замеченным. Она шла в костюме бирюзового цвета, весело помахивая сумочкой, физиономия светилась от счастья, а рядом шел Берсеньев, которого она держала под локоток. Он склонился к ней с мягкой улыбкой, сестра взглянула на него, засмеялась, покрепче ухватив за локоть. А мне бы-

ло достаточно одного взгляда, чтобы понять: моя сестрица наконец-то влюбилась. Не просто влюбилась, а начисто лишилась сознания. Агатка все делала с размахом и здесь осталась верна себе.

Вот тут мне стало по-настоящему тошно. Я поняла, каково было моей сестре видеть рядом со мной Стаса, человека, которого она считает убийцей. Это для меня Берсеньев — близкая родня черту, а для нее он, конечно, добрый ангел.

— Полный звездец, — пробормотала я. Они прошли совсем рядом, не обращая на меня внимания. Агатка поправила прядь волос, так кстати выбившуюся из прически, Берсеньев сказал ей что-то, по-хозяйски обнял за плечи, и они направились дальше, занятые исключительно друг другом.

Я вернулась в свою квартиру, плюхнулась на диван и до утра смотрела в потолок. Можно было и далее продолжать это занятие без всякой надежды найти выход. Слушать меня сестра не станет, в этом мы с ней похожи. А если я затею расследование за ее спиной и она об этом узнает (конечно, узнает, а как иначе?), никогда мне этого не простит. Моя правильная, занудливая сестрица, радость родителей, по уши влюблена в убийцу. Впрочем, то, что Берсеньев убил Милку, еще доказать надо. Следовательно, речь идет лишь о грязных домыслах и наветах на ее возлюбленного, которого она со всей страстью души и нехилым адвокатским умением кинется защищать. Что же тогда делать? Молча ждать, когда Агатка обнаружит в своем избраннике малоприятные черты, и со своим вздорным характером начнет ему на них указывать, и они счастливо разбегутся, удивляясь, как их угораздило припасть к груди друг друга? А если не обнаружит и не разбегутся? Что ж ты, дура, ничего не чувствуешь? У тебя же нюх на

мерзавцев почище собачьего. А я чувствовала? Впрочем, своим нюхом я никогда и не хвасталась. Эх, Агатка, как же тебя угораздило!

К утру стало ясно: у меня только один выход. Я отправилась в офис Берсеньева. Увидев меня в приемной, Татьяна выразила недоумение легким поднятием бровей.

— Сергей Львович у себя? — задала я вопрос, кивнув в сторону его двери.

— Вряд ли он тебя примет. Через полчаса совещание.

— Примет, — усмехнулась я. — Мы теперь почти что родственники.

— Серьезно?

— Нет, шучу. Но все-таки спроси.

Она направилась в кабинет Берсеньева, вернулась через пару минут и сказала, придерживая передо мной дверь:

— Прошу.

Сергей Львович сидел за столом, просматривая документы, поднял голову и одарил меня улыбкой.

— Ефимия Константиновна, рад вас видеть. Присаживайтесь.

— Причину своей радости не назовете? — поинтересовалась я, устраиваясь напротив.

Он вроде бы смутился, но лишь на мгновение, хохотнул и сказал:

— Агата предупреждала о вашем своеобразном чувстве юмора. Кстати, у вас потрясающая сестра.

— Ага. Я с детства хожу потрясенная.

— Чем обязан? У вас появились новые вопросы? Все еще пытаетесь найти шантажиста самостоятельно?

— У меня только один вопрос: кто ты?

Я смотрела на него, пытаясь уловить беспокойство, на худой конец удивление. Ничего подобно-

го. Он все понял. Это было ясно. Он все понял, но ни один мускул на физиономии не дрогнул, как любят выражаться в романах. В самой глубине серо-голубых глаз появилась усмешка. Взгляд исподлобья рождал в душе смятение, я невольно поежилась и подумала: если глаза зеркало души, в эти глубины лучше не соваться. Себе дороже.

Берсеньев поспешил улыбнуться, но улыбка вышла скорее издевательской.

— Я сам, бывает, задумываюсь над этим вопросом, — пожал он плечами.

— И как?

— Иногда выходит что-то совсем неутешительное.

— Поговорим начистоту? — предложила я.

— Давай попробуем.

— Я тебе расскажу историю, а ты кивай в нужных местах.

— А история интересная?

— Зашибись.

— Валяй, только покороче.

— Жил-был парень, ничем особенно не примечательный. Работал, крутил романы с девицами и не подозревал, что кто-то пристально за ним наблюдает. Этот кто-то снял дом в Лесном и стал являться гражданам в двух ипостасях: старичка-пенсионера и его племянника.

— Эту занимательную историю я уже слышал.

— Ну, так еще раз послушать не грех. Берсеньеву не повезло, у него не было никаких родственников, зато была подходящая внешность, что и позволило благополучно занять его место.

— Ты упомянула мою фамилию...

— Она не твоя.

— Вот как?

— Настоящий Берсеньев, отправляясь в далекую

Венесуэлу, получил билет в один конец. Чтобы провернуть такое, тебе требовался помощник. И тут Берсеньев, весьма кстати, дал Милке отставку. На чем ты ее развел? На большой любви?

— Любовь и бабло — самая ходовая приманка, — подмигнул он.

— Мало было занять его место. Поведение шефа после возвращения из отпуска не должно вызвать подозрений у подчиненных. И в делах фирмы он что-то соображать должен. И тут без Милки никак. Несколько месяцев ушло на подготовку.

— Не такая уж интересная твоя история, — перебил Берсеньев, правда, теперь у меня язык не поворачивался называть его так. — Но дело даже не в этом. Ты можешь все это доказать? Очень верно подмечено: Венесуэла далеко, скажу по секрету, бардак там страшный, уровень преступности удручает, полиция коррумпирована... — Он вздохнул с притворным огорчением. — Чтобы их заставить шевелиться, надо хотя бы труп найти. Да и найдут, как свяжут с двумя туристами из России?

— Может, стоит поискать тебя, настоящего?

— Поищи, — кивнул он. — Есть идеи?

— Например, отпечатки пальцев.

— Как же я об этом не подумал? — поднял он брови и засмеялся, а я выругалась мысленно, чтоб не дать ему возможности потешаться над моей наивностью. Впрочем, он и так вовсю веселился. — На всякий случай, наличие пломб в моих зубах полностью соответствуют медицинской карте, которая хранится у дантиста. А что касается отпечатков... ты просто не обратила внимания на мои руки. Видишь ли, машина во время аварии не только перевернулась, но и загорелась. Так что с пальчиками незадача.

Он говорил, а я с тоской подумала, что мобиль-

ный купила самый дешевый, ни диктофона, ни камеры. Он лежит у меня в кармане, и при некоторой ловкости... что за прок от моей ловкости, если диктофона нет... зато на домашнем телефоне есть автоответчик. А вдруг получится?

— К чему такой сложный план? — спросила я. — Спер у алкаша паспорт, уехал подальше и живи в свое удовольствие. На деньги Берсеньева позарился? Или так припекло, что надо было исчезнуть, стать совершенно другим человеком?

— Припекло, припекло, — кивнул он. — Бабла своего немерено, проще было бы свалить за границу, но там скука смертная. На родине куда веселее. Я, знаешь ли, люблю жить на широкую ногу, а это всегда привлекает внимание. Наличие денег надо как-то объяснить. Значит, должен быть легальный доход, солидный, чтоб мои дорогие привычки не вызвали подозрений. Давай поговорим о твоей подруге. Как считаешь, зачем она придумала эту историю с шантажистом?

Я перегнулась к нему, нащупала мобильный в кармане, быстро набрала номер своего домашнего телефона, боясь ошибиться, перепутать кнопки... Главное, ничем себя не выдать. Спокойно, спокойно... Черт, только бы не услышал гудки и приветствие, записанное на автоответчике. Я прикрыла телефон рукой.

— Да-да, это была ее идея, — засмеялся Берсеньев. — Она ею очень гордилась. — Теперь убрать руку, отодвинуться от стола... — Когда ты ей рассказала о доме в Лесном, твоя подруга прибежала ко мне в панике. Надо же такому случиться: именно тебя нелегкая занесла в Лесной, а еще ты заявила, что голос, записанный на диктофоне, можешь узнать. И это за пару недель до нашего бракосочетания. С мужем она тебя познакомить про-

сто обязана, раз уж пригласила на свадьбу. Двенадцать ночи, уединенное место, просьба никому не говорить, куда и с кем едешь. Бейсбольная бита в машине. Не догадываешься, зачем все это? А кто тебе по голове этой битой задвинул, тоже не догадываешься?

— Врешь, сволочь, — не выдержала я.

— Смысла не вижу. Ты была препятствием на пути к ее счастью, и подруга заманила тебя в ловушку. Избавиться от тебя мне показалось разумным, но куда разумнее было избавиться от нее. И я воспользовался ее планом, чтобы осуществить свой.

— Чего ж меня не добил?

— Зачем? В роли свидетеля ты была куда полезней. Теперь менты ищут шантажиста, и будут искать, пока им это не надоест.

Все так и есть, вот простое объяснение всех странностей, что не давали мне покоя. Удивительно, но обиды на Милку не было. Жалость — да, но не обида. Не мне призывать на ее голову гнев божий, если я точно так же поступила с собственным мужем. Тем более что за свой грех Милка уже получила сполна, а мне еще предстоит за свой расплачиваться.

— Теперь ты знаешь о своей подруге все, — продолжил Берсеньев. — Дальше самое интересное: твоя сестра. Поторгуемся? Ты ведь за этим пришла?

— А ты парень предусмотрительный, — сказала я. — На этот случай ее и обхаживал?

— Я не большой любитель психологии, но коечто усвоил. Женщина ждет от мужчины ясности, решимости, силы и действия. Ради этого она с гордостью принесет себя в жертву. Можешь поверить, твоя сестрица не исключение.

— Уже поверила. Оставь ее в покое.

— А что взамен? — Он смотрел на меня с откровенной издевкой. — Я могу поиграть с ней, как кошка с мышью. Надежда то вспыхивает, то гаснет. Это будет продолжаться довольно долго.

— Оставь ее в покое, — по слогам повторила я.

— Разумного предложения я так и не услышал. Давай добавим к сестрице твоего Стаса. Чего ты удивляешься? Ты приглядывалась ко мне, а я к тебе. Если уж у нас разговор начистоту, ответь, детка, твоего мужа Стас завалил? Я немного покопался в его биографии. Занятный парень. А если копнуть поглубже? Уверен, найдется много чего интересного. Рыбак рыбака видит издалека.

Я резко поднялась, спеша покинуть кабинет, сил больше не было видеть его наглую рожу. Берсеньев тоже поднялся, схватил меня за руку.

— Мобильный, — с усмешкой сказал он.

«Спокойно... не дай ему повод заподозрить...»

— Что за недоверие? — в ответ усмехнулась я и протянула телефон. — Как видишь, дешевка. Диктофона нет.

Он повертел телефон в руках и вернул мне.

— Пока, детка. Может, как-нибудь встретимся за семейным обедом?

Это явилось той самой каплей, которую принято называть последней.

— Я тебя, сволочь, все равно достану, — тихо сказала я.

Он засмеялся.

— А знаешь, ты мне нравишься. Напоминаешь одну девчонку, та тоже... ершистая. Неутомимый борец за справедливость. Но те, кого любишь, куда важнее справедливости, верно? Тем более что теперь ты знаешь: твоя Милка получила по заслугам.

— Не думал о том, что придет и твоя очередь?

— Помечтай немного, милая.

Я торопилась оказаться в своей квартире. Если мне удалось... телефонная запись еще не доказательство, но она подтвердит мой рассказ. На ходу я достала ключи и бросилась к стоянке. Когда до машины оставалось каких-то пару метров, увидела, что заднее колесо спущено. Вчера, встретив Агатку вместе с Берсеньевым, я так надавила на тормоз, что машину занесло, колесо ударилось о поребрик... Как же я не заметила? Черт с ней, с машиной, заберу ее позднее, главное, поскорее оказаться дома. Я намеревалась бежать к стоянке такси, и тут из «Форда», припаркованного по соседству, появился молодой мужчина.

— Запаска есть? — весело поинтересовался он.

— Должна быть, — вяло ответила я.

— Могу помочь.

— Наверное, не стоит.

— Одна вы точно не справитесь.

— А это займет много времени?

— Если номер своего мобильного дадите, то управлюсь за пять минут.

— Можете и мобильный забрать, правда, он дешевый.

Мужчина начал менять колесо, болтая без умолку, а я рядом пританцовывала от нетерпения, утешая себя тем, что если бы отправилась на такси, времени потратила куда больше. Забросив пробитое колесо в багажник, мужчина сказал:

— Меня Антоном зовут. Ну так могу я позвонить?

— Можешь, — ответила я и продиктовала номер. — За помощь спасибо, а сейчас, извини, очень тороплюсь.

— Зовут-то тебя как? — крикнул он, когда я уже была в машине.

— Фенька.

— Обалдеть.

Пока я прыгала рядом с добрым самаритянином по имени Антон, успела успокоиться и сейчас напомнила себе о правилах дорожного движения и необходимости их соблюдать. К примеру, реагировать на красный свет светофора. Но все равно очень спешила. Во дворе дома выстроилась вереница машин, украшенных лентами и гирляндами роз. У кого-то из соседей свадьба. Здорово, конечно, но припарковаться негде. Я сдала назад, проехала чуть дальше по переулку, но и там места не нашлось.

Машину я бросила возле гастронома и оттуда припустилась резвой рысью. Дверь в квартиру оказалась не заперта. Стас? Или Славка решил заглянуть? Дурацкая затея. Кстати, следует вернуть подарок, как-то неловко ездить на его машине, когда я уже не невеста.

Меня ждал сюрприз. Да еще какой. В прихожей Берсеньев вешал на стену телефон.

— Идею я оценил, — сказал он весело. — Хорошо, что твоя Агатка рассказала о ключе под ковриком, не пришлось ломать замок. Еще какие-нибудь идеи? Нет? Прежде чем решишь продолжить в том же духе, как следует подумай. А что, если мне жениться на твоей сестре, а? Довольно забавно...

— Ты... — только и смогла произнести я, а он засмеялся.

— Не вздумай мне грозить. Лучше забудь про меня. А я, так и быть, забуду про сестрицу и твоего любимого Стаса. Не нравится проигрывать? — подмигнул он. — Мне тоже не нравится. Не тебе со мной тягаться. Удачи, дорогая.

Он вышел из квартиры, дверь захлопнулась, а я сползла по стенке на пол.

Сидела я так довольно долго, пробовала реветь от бессильной ярости, укусила себя за палец и затихла. Перед мысленным взором возникла Агата с сияющей физиономией, в эйфории от своей первой любви. Правда, был еще мальчик Паша в седьмом классе. А может, все не так скверно, и она, услышав, кто такой Берсеньев, вспомнит любимое изречение: «Преступник должен сидеть в тюрьме» — и наглядно продемонстрирует мерзавцу, что значит иметь дело с женщиной ее темперамента. Я достала из кармана мобильный и набрала номер сестры.

— Агатка, ты влюбилась, что ли?

— Тебе-то что?

— Видела тебя вчера с Берсеньевым. По-моему, не самый лучший выбор. Глубокая душевная травма, призрак Милки... С соперницами, отошедшими в мир иной, трудно конкурировать, они практически святые, а ты из плоти и крови. К тому же есть еще Чухонка с ее неродившимся ребенком, да и сам Берсеньев, честно говоря...

— Отвали, — лаконично ответила сестрица, и вслед за этим пошли гудки.

— Что ж, первая попытка не засчитывается, — буркнула я, теперь совершенно убежденная, что сестрица и впрямь влюбилась. К разговору с ней надо подготовиться, никаких дурацких шуточек, только факты... А они у меня есть? Откуда? И выйдет, что я клевещу на ее возлюбленного. Как ни грустно это сознавать, а типы вроде него умеют произвести впечатление на женщин. Я не делаю резких движений, а он оставляет ее в покое. Ее и Стаса. Берсеньев прав, когда речь идет о любимых, справедливость побоку.

Я вышла из квартиры и побрела куда-то, вроде бы без видимой цели, пока не стало ясно: я в квартале от дома, где живет Чухонка. Юная девушка с льняными волосами, которая ждет своего Сережу. Ждет и не догадывается, что ее Сережи больше нет.

Дверь мне открыла высокая девушка с кукольным личиком.

— Наташа дома? — спросила я.

— Она здесь уже не живет.

— А куда уехала, не знаете?

— Понятия не имею. К предкам, наверное.

Через два дня вернулся Стас. Лицо усталое, покрасневшие глаза.

— Как дела? — спросил он, обнимая меня.

— Отлично.

— Серьезно?

— Серьезно. Ты приехал...

— Я десять часов за рулем, всю дорогу гнал как сумасшедший. Немного посплю, а потом закатимся в ресторан. — Он устроился на моей кушетке и вскоре уснул, а я сидела рядом, смотрела на него и плакала. Все никак не могла поверить в свое счастье.

Вечером мы отправились в ресторан, что был неподалеку от моего дома. Я вспомнила, что это любимый ресторан сестрицы, только когда увидела ее в холле. Она шла навстречу под руку с Берсеньевым.

— Привет, — сказала я, Агатка одарила Стаса своим коронным взглядом, от которого он должен бы превратиться в соляной столб. Но не превратился, и это сестрицу здорово огорчило. Оттого она проигнорировала и мое приветствие, и меня саму. Мужчины впились друг в друга взглядами, в

ту минуту очень напоминая двух мартовских котов, которые прикидывают, стоит ли, вцепившись друг в друга, покатиться по земле тугим клубком, оглашая округу воплем, или разумнее разбежаться?

— Познакомь нас, — с милой улыбкой сказал Берсеньев. Агатка схватила его за локоть и потащила за собой.

— Нечего тебе с ним знакомиться.

Парочка стремительно удалялась.

— Разве он не родственник? — донеслось до нас, голос Берсеньева звучал растерянно и даже виновато.

— Век бы этого родственника не видеть.

— Твоя сестрица завела приятеля? — засмеялся Стас, проводив их взглядом. — У парня своеобразный вкус.

— Он тебе не понравился? — спросила я.

— Напротив. К твоей чертовой сестре добрых чувств я не питаю, а он ее в бараний рог свернет.

— С чего ты взял?

— Я ж его видел. Волчара. Хоть и силится выглядеть симпатягой.

Слова Стаса долго не давали мне покоя. Я подумала: может, стоит рассказать ему о Берсеньеве? А чем мне это поможет? Поговорить бы стоило с Агаткой, но уверенности, что вторая попытка будет удачнее первой, не было. Я думала о своей сестре, дважды собиралась позвонить, но все не решалась. Пока она сама не позвонила на следующий день, часов в десять утра. Мы собирались пройтись по магазинам, я одевалась, всерьез опасаясь, что Стас, уже с полчаса терпеливо сидящий в кресле, начнет высказываться по поводу моих дурных привычек. Телефонный звонок оказался совсем некстати. Голос Агатки звучал спокойно,

но это было то самое спокойствие, от которого мороз идет по коже.

— Стас у тебя? Воркуете, как голубки?

— Воркуем.

— Ты знаешь, где Настя? — сделав паузу, задала она вопрос.

— Наверное, в Питере, — пробормотала я, косясь на Стаса.

— Нет, она здесь. Должно быть, приехала вслед за мужем. Если интересно, могу сообщить. В настоящий момент она в больнице.

— В какой? — пробормотала я, мало что понимая.

— В больнице скорой помощи. Привезли вчера вечером. Наглоталась снотворного. Хорошо, что соседка обратила внимание на входную дверь. Она ее прикрыла неплотно.

Руки у меня дрожали так, что я чуть не выронила телефон.

— Как она себя чувствует?

— Хреново она себя чувствует. Надо полагать, именно на это Стас и рассчитывал. Довести глупенькую девчонку до самоубийства нетрудно. Особенно такому типу. Бабла-то сколько огребет, — нараспев сказала Агатка. — И тебя в придачу. Даже если в этот раз девка оклемается, так можно еще попробовать. При известном старании...

Стас торопливо подошел сзади, выхватил у меня телефон и рявкнул:

— Заткнись, тварь. — Отшвырнул мобильный в сторону и на меня уставился.

— Настя... — тихо начала я, уходя от его взгляда.

— Да мне плевать на Настю. Поняла? Плевать.

— Так нельзя, Стас.

— Нельзя? А как можно? Миллионы людей разводятся. Что в этом особенного? Ей пришла охота

меня напугать? Зря, я не из пугливых. Может отправляться на кладбище своим ходом.

— Она тебя любит, — жалко пробормотала я.

— Что ты заладила? Ну, любит. И что? А я не люблю. Немного поваляется в больнице, глядишь, мозги на место встанут.

— Стас...

— Да что за черт! Какое тебе дело до Насти? Давай, пожалей ее. Как была дурой, так дурой и осталась. — Он еще что-то кричал, а у меня в мозгах точно замкнуло. Как будто я вновь в комнате с низким потолком, а с крюка свисает веревка с петлей на конце.

— Ты не знаешь, как это больно, — с трудом произнесла я, а потом заорала: — Ты не знаешь... сволочь, ненавижу тебя... ненавижу... — Мы стояли совсем рядом, глядя в глаза друг друга, и я повторила беспомощно: — Ты не знаешь, как это больно...

По его лицу прошла судорога. Он невесело усмехнулся и сказал:

— Теперь знаю. — Взял с кресла пиджак и ушел. А я осталась.

Дверной звонок надоедливо трезвонил, я поднялась и, ступая, точно пьяная, направилась в прихожую.

— Феня, ты дома? — взывал знакомый голос, я распахнула дверь и увидела соседку с третьего этажа. — Ты заболела, что ли? А я звоню, звоню... Да ты слышишь меня?

— Слышу, слышу. Чего надо?

— Мужчина к тебе ездит, высокий такой...

— Славка?

— Какой Славка, что я, Славку твоего не знаю. Высокий, волосы темные, на черной машине. Ты

бы глянула, не его ли машина стоит. Возле гастронома. Кажись, его. Я в машинах-то не больно разбираюсь.

— Далась вам его машина...

— Так ведь это... стреляли там... Ты что ж, не слышала? Мы с Марьей Павловной гуляем, смотрим, народ бежит, ну и мы пошли взглянуть. А я говорю, машина-то у нас во дворе стояла. К Феньке, говорю, мужчина приезжал...

— Стреляли? — не поняла я.

— Стреляли... страсть...

— Где? — ухватившись за стену, спросила я.

— Так говорю тебе, у гастронома.

Я боялась, что не смогу сделать ни шага, но побежала. Вниз по ступенькам, потом переулком к гастроному... Толпа любопытных жалась на тротуаре, машину Стаса с выбитыми стеклами оттащили в сторону, парень в синем комбинезоне посыпал песком кровь на асфальте. Мужчина в милицейской форме крикнул, чтобы я отошла, и вдруг пошел навстречу.

— Ваш знакомый? — спросил хмуро.

Я кивнула, не в силах оторвать взгляд от крови, которую медленно впитывал песок.

— Где он? — Слова давались с трудом, и я испугалась, что мужчина меня не поймет, и повторила отчаянно, собрав все силы: — Где?

— «Скорая» увезла.

— Он жив?

— Ну, если «Скорая» увезла, значит, пока жив.

Я не помнила, как добралась до больницы, с кем разговаривала, как оказалась в коридоре с расшатанной скамьей в углу. Я сидела, сцепив руки, без мыслей, без чувств, замерев в том спасительном мгновении, когда услышала «он жив», с отчаян-

ной решимостью остаться в нем навсегда. Не знать, не думать, что все в один миг могло измениться и никакие слова уже не будут иметь значения. Пусть я умру раньше, чем узнаю... за минуту, за секунду раньше...

— Вам бы прилечь. — Рядом стоял мужчина в белом халате и хмуро смотрел на меня. Смысл сказанного дошел не сразу.

— Прилечь, — повторила я.

— Да. Отдохнуть.

— Он...

— Операция прошла успешно, — торопливо заговорил врач. — Будем надеяться... — Он улыбнулся ободряюще, а я свалилась в обморок прямо ему под ноги.

Понемногу ощущение реальности возвращалось, а вместе с ним и понимание, что произошло. Выглядела я заторможенной, это позволило врачам прийти к выводу, что я успокоилась и в их внимании больше не нуждаюсь. Я от души сказала им «спасибо» и вскоре уже стояла на улице. Мысли путались, но на одной я смогла сосредоточиться. И довольно уверенно направилась к стоянке такси. Назвала адрес Димкиного офиса. Недавнее отупение сменилось жаждой деятельности. Очень хотелось что-нибудь разнести вдребезги, яростно, с остервенением. Смотреть, как разлетаются осколки, и бить вновь. Вот в таком приподнятом настроении я и явилась к Димке. Охранник на входе сонно взглянул на меня, а я смогла выжать из себя улыбку.

— Я к Ломакину. Он здесь?

Парень кивнул, а я прошествовала в приемную. Секретарь приподнялась из-за стола, уловив мои намерения оказаться в кабинете шефа без доклада:

— Минуточку...

— Заглохни, — предупредила я, должно быть, прозвучало это убедительно, потому что девушка больше не сказала ни слова, с места не сдвинулась, и я беспрепятственно вошла в Димкин кабинет.

— Глазам своим не верю, — весело начал он, а я, в три шага достигнув стола, схватила тяжелый чернильный прибор и запустила им в окно. Стекло звякнуло, а прибор оказался на асфальте, надеюсь, не причинив прохожим вреда. Димке он все равно не нужен, пылился без всякой пользы.

— Твою мать, — рявкнул Димка. — Ты спятила, что ли?

— Он его не убивал, — заорала я. — Это я, я убила твоего отца!

Не знаю, чем еще я смогла бы запустить в окно, но Димка, вскочив, сгреб меня в охапку. Я орала, билась в его руках и даже кусалась, а он, стискивая меня все крепче, тоже орал:

— Уймись, дура. — В кабинете появилась перепуганная секретарша. — Воды принеси. У моей подружки припадок на почве ревности. — Он тряхнул меня, тут и секретарша с водой подскочила. — Она вообще-то ничего, — заявил он, сунув мне в руки стакан. — Припадки не чаще трех раз в неделю. Найди кого-нибудь стекло вставить. И кофе, кофе свари.

Вода стекала по подбородку, зубы бились о стакан, выстукивая замысловатую дробь.

— Успокоилась? — спросил Димка. — Сядь. Начнешь снова вещами швыряться, дам в ухо. — Он подтащил меня к дивану, посадил, сам устроился рядом, положив руку мне на плечо. — Появление было эффектным.

— Руку убери, — вполне членораздельно смогла произнести я.

— Да ладно, я по-дружески, — хмыкнул он, но руку убрал. — Стас в больнице, я в новостях слышал. Выживет, не дрейфь. Сволочи живучие. Ты что же, решила, это моя работа? Зря. Мне сейчас не до твоего Стаса. Если ты забыла, так в меня на днях стреляли. И все мои мысли только о том, как эту пакость достать. А я еще даже толком не выяснил, кто из заклятых друзей расстарался. В общем, не о том башка болит.

— Если не ты, то кто? — нахмурилась я.

Димка поспешно отвернулся.

— А ты подумай. Кого он допек даже больше, чем меня? Умеет парень наживать врагов.

— Скажи, кто. Ты ведь знаешь.

— Ну, знаю. Сорока на хвосте принесла. Когда интеллигентные мальчики берутся за то, в чем ни черта не смыслят, треск идет по всему городу. Ты тоже хороша, Кармен, твою мать.

Я растерянно смотрела на него, хотела закричать, но сказала почти шепотом:

— Врешь.

— Ну, конечно, вру... — невесело усмехнулся он.

Я поднялась.

— Извини за стекло.

— Да ладно... Ну и куда ты? — понаблюдав за мной, спросил он. — К Славке своему чернильницы швырять? Слышишь, что я говорю? Черт... поеду с тобой. Наломаешь дров...

Мне было все равно, останется Димка здесь или в самом деле отправится со мной. То, что он сказал, не укладывалось в голове, я не верила ему, ни секунды не верила, но в груди уже ныло, и на смену растерянности пришел страх.

— Может, стоит перенести разговор? — уже в машине спросил Димка, взглянув на меня с со-

мнением. — Ладно... Куда ехать? Для работы поздновато, или он трудоголик?

— Домой, — сказала я. — Тут недалеко.

Мы подъехали к Славкиному дому, и я увидела его машину. Вывернув из переулка, она остановилась возле подъезда. Димка затормозил и сказал серьезно:

— Хочешь, пойду с тобой?

— Зачем? — удивилась я.

Славка выходил из машины, когда заметил, как я перехожу дорогу.

— Ты ко мне? — спросил, точно сомневаясь в этом. А у меня сомнений больше не было. Только горечь. Он прятал глаза, не зная, то ли повернуться и уйти, то ли выслушать меня.

— Ты спятил, — сказала я.

Он вдруг дернулся, точно я с размаха ударила его по лицу, усмехнулся криво и сказал, чеканя слова:

— Есть еще способ избавить тебя от этой мрази?

— Дурак, — покачала я головой. — Ты ж хороший парень... Ведь с этим надо как-то жить потом. Думаешь, легко?

Я повернулась и пошла прочь.

— Подожди, — крикнул Славка. — Фенька, ради бога...

А я пошла быстрее, размазывая слезы от щемящей жалости к нему. Димка догнал меня на перекрестке.

— Эй, садись в машину. Хочешь, напьемся? Сейчас ничего умнее все равно не придумаешь. Ну куда ты идешь? От тебя народ шарахается, небось думают, что из психушки сбежала. Давай хоть домой тебя отвезу.

— Со мной порядок, — сказала я, стараясь быть

убедительной. — Поболтаюсь немного по улицам и пойду спать.

— Ну, как знаешь. Решишь напиться, звони. Составлю компанию. — Он махнул мне рукой и уехал. А я побрела себе дальше.

Стемнело, на улицах зажглись фонари, ноги ныли от усталости, а я все кружила по улицам, пока не обнаружила себя на набережной. Наверное, было уже поздно, редкие парочки не спеша бродили вдоль реки, а я почувствовала настоятельную потребность присесть. На скамейке справа самозабвенно целовались юная блондинка с худосочным юношей, слева в тени деревьев сидел в одиночестве какой-то тип. Нарушать любовную идиллию — большое свинство, поэтому я взяла левее и тихо опустилась на скамью, надеясь, что чужим размышлениям не помешаю. Так мы и сидели, глядя на темную гладь реки. Надо сказать, сидели довольно долго, пока я, повернув голову, в замешательстве не начала приглядываться к мужчине на другом конце скамьи.

— Да я это, я, — заявил Берсеньев, не поворачиваясь и продолжая таращиться в темноту. Надо бы встать и уйти, но вместо этого я чуть передвинулась на скамье и теперь при желании могла дотянуться до него рукой. Правда, желания не было. — Хреново? — спросил он, достал сигарету из пачки, протянул пачку мне, чиркнул зажигалкой, и мы прикурили. — Ну и где твой Стас? Идиллия продлилась недолго, раз ты по ночам одна таскаешься?

— Тебе-то что?

— Да я так, к разговору. Чего делите?

— В двух словах не объяснишь, — неожиданно ответила я.

— Ясно. Ум с сердцем не в ладу?

— Вроде того.

— Можешь рассказать, если есть желание. Хотя я догадываюсь. Ты его любила, а он решил, что баб как грязи, а значит, распрекрасно без тебя проживет. Так?

— Ну, так.

— Знакомый сюжет. Думал себе, думал, а вышло все — хуже не бывает. Это он без тебя не может, а ты ничего, как-то приспособилась. И рядом уже другой, привычный, надежный, который не сбежит. Может, и не любишь, но чувствуешь себя обязанной... полная хрень.

Я слушала его и пыталась решить: это он такой умный или сестрица проболталась? Пока вдруг не поняла, что говорит он вовсе не обо мне. Берсеньев повернулся, посмотрел как-то странно и произнес:

— Хочешь совет? Прости своего Стаса. Наплюй на все и прости.

Я молчала растерянно, а потом спросила:

— Та женщина, которую ты назвал ершистой... Ты любил ее?

— Она бы посмеялась, услышав такое. Я подарил ей собаку. Похоже, единственное доброе дело в моей жизни.

— И что потом? Что стало с этой женщиной?

— Да все нормально. Вышла замуж, родила ребенка...

— А ты?

— А я с чужой рожей, чужим именем и чужой судьбой.

— Ты кто? — пробормотала я, вышло почему-то жалобно.

— Конь в пальто, — хмыкнул он. — Стас твой, конечно, сволочь, но тебя любит, и со сволочами иногда случается. Прости его, — повторил он. — Дай ему шанс... Может, хоть кому-то повезет.

Берсеньев поднялся и не спеша направился по

набережной. А я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. Огляделась в недоумении. Что я здесь делаю? Я что, спятила? И припустилась со всех ног к площади, где была стоянка такси, а потом мысленно подгоняла водителя: «Быстрее, быстрее».

Оказавшись возле больницы, долго бегала вокруг здания и убедилась, что все двери заперты. Неудивительно, второй час ночи. А потом сидела, привалившись спиной к дереву, таращилась на окна и пыталась угадать, где окно палаты, в которой лежит Стас. Ревела и смеялась, и верила, что завтра увижу его, возьму за руку и скажу: «Пожалуйста, не оставляй меня. Мне так нужно, чтобы ты был рядом...»

Часов в пять подъехала машина «Скорой помощи», остановилась возле приемного покоя. Появились санитары с каталкой, а я, воспользовавшись моментом, прошмыгнула внутрь. Долго плутала по коридорам, миновала спящую на посту медсестричку и осторожно потянула на себя дверь палаты. Стас лежал, опутанный какими-то трубками, очень бледный, с осунувшимся лицом, но дышал ровно. А на полу сидела Настя, держала его за руку и тихонько повторяла:

— Любимый мой, единственный, не оставляй меня. Мне так нужно, чтобы ты был рядом.

Я прикрыла дверь и побрела по коридору.

Литературно-художественное издание

АВАНТЮРНЫЙ ДЕТЕКТИВ Т. ПОЛЯКОВОЙ

Полякова Татьяна Викторовна

ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА НА СВЕТЕ

Ответственный редактор *О. Рубис*
Художественный редактор *С. Прохорова*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Чаплыгина*
Корректор *Е. Сахарова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.07.2015. Формат 70x90 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,67.
Тираж 30000 экз. Заказ №10976.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-82796-1

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА НА СВЕТЕ

Согласившись пойти вместе с подругой Милкой на встречу с шантажистом, Фенька и не думала, чем рискует. Вечер обещал быть томным, но закончился печально… Фенька получила чем-то тяжелым по голове, а когда пришла в себя – обнаружила неподалеку мертвую подругу. Через несколько дней при загадочных обстоятельствах погибает Милкина двоюродная сестра. И Фенька решает, что эти убийства – звенья одной цепи. В это же время в город возвращается Стас – великая Фенькина любовь. Любовь запретная, когда-то много лет назад отравленная предательством и убийством. Он вернулся, без нее Стасу жизни нет. Но Фенька не только для него единственная женщина на свете…

ISBN 978-5-699-82796-1